МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
имени ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
№ 25

ВОПРОСЫ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1969

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМ. ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ № 25

ВОПРОСЫ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1969

Ответственный редактор —
доцент В. И. Южанин

Индексы: 7—1
1—5
1—7
1—2
7—2
6—3

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
имени ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

№ 25 1969

ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ АБОРИГЕНОВ СИБИРИ И ИХ ЯЗЫКОВ

А. П. ДУЛЬЗОН, В. И. ЮЖАНИН

Проблема происхождения аборигенов Сибири представляет большой научно-теоретический и практический интерес. Разрешение этой проблемы способствует выяснению того, как возникли и развивались сообщества людей, объединяемые общим языком, которые мы называем народностями или нациями. Если вопрос о том, как возникли нации, можно считать в основном разрешенным, поскольку процесс их сложения, образно выражаясь, происходил «на глазах истории», то вопрос о сложении народностей еще далек от разрешения; это объясняется тем, что эти сообщества возникли задолго до появления письменности. Недостаточная изученность проблемы происхождения отдельных народов способствует появлению лженаучных теорий о различном уровне умственных способностей народов, используемых современной реакционной буржуазией для оправдания жестокой эксплуатации так называемых инородцев и народов колониальных стран.

К сказанному следует добавить, что проблема происхождения народов не потеряет свою актуальность даже и тогда, когда она потеряет свою политическую значимость, т. е. когда уже не будет капитализма, так как каждая наука всегда должна стремиться к тому, чтобы создать стройную, всеохватывающую теорию, объясняющую закономерности существования и развития или изменения объекта ее изучения; каждое отсутствующее или утерянное звено в цепи затрудняет создание этой теории, в данном случае теории исторического процесса складывания людей в этнические сообщества.

Проблема происхождения народов по природе своей — проблема комплексная. Это объясняется тем, что различные черты народов, составляющие их специфику, разнородны — это особенности материальной и духовной культуры, язык, физический тип. Поэтому успешное изучение этой проблемы возможно только на основе учета данных лингвистики, этнографии, истории, археологии и антропологии. Такое исследование в Томске проводится с 1944 года. Подробный перспективный план этих исследований впервые был разработан на кафедре общего языкознания Томского пединститута в 1947 году.

На первых этапах исследования первоочередной задачей было установить преемственную связь между живым аборигенным населением Западной Сибири и археологическими памятниками ближайшего прошлого, т. е. XVII и XVI вв. До этого было известно немало археологических памятников, но мы не знали, какими народами они были оставлены, так как отсутствовало указанное звено. Теперь эту задачу можно считать в основном разрешенной, по крайней мере для средней части Западной Сибири преемственная связь от живого аборигентного населения ретроспективно прослежена вглубь прошлого до XIV, иногда и до XII вв; остается продолжить установление этой связи дальше вглубь прошлого.

За последнее десятилетие в этом плане много сделано на территории Южной Сибири (Л. П. Потапов, Л. Р. Кызласов, М. П. Грязнов и др.). Следует отметить все же, что слабый темп и недостаточный размах археологических исследований замедляют изучение интересующих нас вопросов не только в археологическом аспекте, но и в антропологическом. Для надежности выводов антропологии особенно важным является массовость материала как в синхроническом плане, так и в диахроническом

Значительны достижения в области истории, антропологии и этнографии малых народов Сибири.

Переходим к рассмотрению лингвистического аспекта нашей проблемы. Тут имеются две возможности: а) изучение местных туземных языков и их взаимосвязей, б) изучение и истолкование географических названий.

За истекшие годы были изучены подробно три языка, которые ранее совершенно не были описаны (чулымско-тюркский, нижне-томско-тюркский, селькупский в пределах Томской области), и начато было исследование слабо изученных языков (кетского, хантыйского, мансийского, хакасского, нганасанского, шорского и эвенкийского).

Для решения проблемы происхождения отдельных народов особенно важным является изучение словарного состава. Так, например, тот факт, что селькупы имеют в своем языке много слов иранского происхождения, свидетельствует о том, что этот народ, теперь проживающий на далеком севере, раньше проживал где-то на юге в соседстве с иранцами. По указанным ранее не описанным языкам, а также по кетскому языку, закончена подготовительная работа по составлению словарей; наиболее полные данные имеются по селькупскому языку (около 80 п. л.) и по кетскому (около 120 п. л.). Это даст возможность в широком плане провести сравнительное изучение словарного состава языков малых народов Сибири и разработать различные вопросы их грамматики; по этим материалам готовят сейчас целый ряд кандидатских диссертаций и несколько докторских.

Особенно большой интерес представляет изучение кетов и их языка. Кеты, как мы теперь знаем, относятся к наиболее древним обитателям юга и средней части Западной Сибири и Красноярского края; они — предшественники тюрков и самодийцев (самоедов); их язык известен с середины XIX в. (А. Кастрен), но он до сих пор еще не окончательно распознан по своему строю. Понимание строя кетского языка чрезвычайно осложняется тем, что этот язык является изолированным, т. е. он не имеет близких «родственников», с которыми его можно было бы сравнить. Кроме того, понимание строя кетского языка сильно затрудняется вследствие наличия в нем изумительного богатства грамматических форм, иного осмысления тех или иных фактов и непривычного для нас, носителей индоевропейских языков, распределения формообразовательных частиц в слове. Так, на-

пример, глаголы «иду», «падаю», которые в русском языке представлены как активные действия,в кетском рассматриваются как пассивные; соответствующие кетские слова можно перевести на русский язык: «меня идет», «падаюсь». Многие неодушевленные предметы в кетском языке рассматриваются как одушевленные, например, луна, солнце, река, сердце, томар, гриб, таган. Если глагольное действие имеет объект, то этот объект вводится в глагол в виде особого показателя так, что, например, трем русским словам «я воспитываю его» соответствует в кетском только одно слово — диотос. Глагольные форманты, указывающие на лицо и время (качаю, качаешь, качает), в кетском языке находятся впереди, так что слово заканчивается неизменяемой частью (дообок «качать буду его», уобок «качать она будет ее», боабок «качать я буду себя»).

По особенностям своего строя кетский язык имеет общие черты с кавказскими языками, с языком басков и вершиков, а также с индейскими языками Северной Америки. В кетском словаре найдено много слов и грамматических показателей, совпадающих с баскским, вершикским и кавказскими языками. Эти общности могли возникнуть только в отдаленном прошлом, когда эти народы жили в близком соседстве, по-видимому, в Центральной Азии.

Общности между указанными языками позволяют реконструировать модель языка классного типа, к которому они все восходят. Так как эта модель языка в древнейших надписях юго-востока Азии (3 тысячи лет тому назад) была уже в значительной мере перестроена, то не будет ошибкой определить время енисейско-сино-тибетской языковой общности в 4 тысячи лет тому назад; время енисейско-индейской общности определяется по внелингвистическим данным в 15 тысяч лет, а время енисейско-кавказской общности расположено где-то между этими датами. За последние годы А. П. Дульзон, работая над выявлением общностей в области образования форм глагола урало-алтайских языков и индо-европейских, пришел к выводу, что все эти языки восходят к той же модели языка классного типа древней Центральной Азии.

После появления ряда работ нашего коллектива о кетах, усиливших внимание к этому народу и его языку, за последние годы в их изучение включились группы ученых, сотрудников различных институтов Академии наук СССР в Москве и Ленингра-

де. Разрешение загадки истории кетов и их языка, несомненно, осуществится в ближайшем будущем.

Остановимся еще на итогах и задачах изучения географических названий Сибири.

Географические названия, как известно, очень часто восходят к предшествующему туземному населению. Изучение географических названий дает возможность определить древние места расселения народов и их миграции.

В настоящее время можно считать законченным первый этап в изучении топонимии Сибири — специальными исследованиями (в виде кандидатских диссертаций) охвачены хантыйские, топонимы, мансийские, ненецкие, нганасанские, селькупские, алтайские, северо-казахские, шорские, тувинские, якутские, эвенкийские, т. е. пласт названий, оставленный исторически известными народами. Стало возможным вскрыть пласт названий, их подстилающий, более ранний по времени возникновения.

В 1959 году при Томском педагогическом институте была утверждена на правах научно-исследовательской лаборатории картотека топонимов Сибири, значительно улучшившая перспективы дальнейших исследований в области проблемы происхождения народов Сибири. Благодаря широкому привлечению студентов пединститута и университета удалось собрать и разнести на карточки около 160 тысяч географических названий Сибири. Сотрудниками картотеки составлено 300 топонимических карт. Топонимы Сибири нерусского происхождения, расположенные в обратном алфавитном порядке, составляют семь томов по 300 страниц машинописи.

Привлечение данных топонимики в указанных целях предполагает наличие строго научной методики исследования и наличие надежной методики проверки полученных выводов. Особенностью предложенных А. П. Дульзоном методов изучения топонимов субстратного происхождения является то, что они предполагают в качестве обязательного условия ретрогрессивный ход исследования, как и в области археологии, этнографии и антропологии, когда ставят себе целью произвести этническую привязку соответствующего материала.

Из предварительных результатов, имеющих большое значение, укажем только следующее: по данным топонимики кеты раньше, до тюрков, населяли почти всю Томскую область, всю Кемеровскую, часть Новосибирской, часть Красноярского края. Места их расселения отмечают плотные ареалы топонимов, пол-

ностью раскрывающихся из кетского языка, как, например, Тайшет, Тегульдет, Айсас.

Исходным местом для расселения кетов в Сибири является пространство между верховьями Иртыша и Енисея, которое, по китайским источникам, две тысячи лет тому назад занимали гунны. А так как около 20 слов, приведенных в древне-китайских источниках как гуннские, хорошо раскрываются из кетского и других енисейских языков, то можно предположить, что енисейцы входили в гуннский племенной союз, что позволяет связывать более раннюю историю енисейских народов с предшествующей историей гуннов.

Изучение распространения угорских топонимов в Сибири показало, что они дальше современного проживания хантов и манси на востоке не встречаются. Этот факт говорит против старой теории происхождения финно-угров, предполагавшей их постепенное продвижение с алтае-саянского нагорья в их позднейшее местожительство по Оби.

Самодийцы, в особенности селькупы, имеют в своем языке много общего с кетами (слов и различных особенностей морфологии). Но так как эти общности возникли не путем заимствования кетами слов из самодийских языков, как принято думать, а наоборот, путем заимствования их самодийцами из кетского языка, то мы должны предположить, что самодийцы две тысячи лет тому назад проживали в соседстве с кетами на указанной выше территории. Первоначальное место их проживания может быть определено более точно по данным топонимики (гидронимы на -ча и-чага) между верховьями Оби и Енисея. Островки типично-самодийских топонимов и отдельные топонимы отмечают их путь продвижения, начиная с истоков Оби.

Данные топонимики позволяют высказать некоторые предположения о догуннском населении юга Западно-Сибирской низменности и прилегающей части Центральной Азии. На востоке этой территории проживали индоевропейцы, оставившие о себе воспоминание в виде многочисленных гидронимов на -дон, -дан, -кем, -об, -дари, большей частью иранского происхождения, как и топонимы с компонентом «ир», и некоторые другие в западной части этой территории. Здесь же повсеместно встречаются топонимы на -ман, которые, как подстилающий слой, узкой полосой простираются дальше на восток от Енисея и дальше на запад от Иртыша. Топонимы на -ман увязываются с языками итало-кельто-германских народностей. Так как топонимы этого типа наиболее

густо встречаются в районе Прииртышья в пределах Казахстана, то следует думать, что эта территория представляла собой место длительного пребывания этих народностей в древности.

На севере Казахстана выделяются два ареала названий рек, включающие -та, -теке к западу от Оби и названия на -ча, -чага к востоку от верховья Оби; первый из них западно-тохарского происхождения, второй — восточно-тохарского.

Ряд гидронимов, как, например, названия с компонентом «сор», позволяют сделать вывод, что в указанное время к северо-западу от индоевропейцев, между Ишимом и Иртышом, в пределах современной Кокчетавской области и на севере Павлодарской (к западу от Иртыша) проживали угры.

Задачей дальнейших исследований является уточнение мест прежнего расселения туземных народов Сибири, времени и мест их передвижений, а также выявление наиболее древнего слоя географических названий, созданного палеосибирским населением.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
ИМ. ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

№ 25 1969

КОНТРОЛЬ И ЕГО МЕСТО В ПРОЦЕССЕ КОЛЛЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Н. Н. СЕНИН

Развитие и совершенствование коллективного управления общественными процессами представляет одну из важнейших проблем коммунистического строительства. В частности, на первый план выдвигаются вопросы коллективного управления контрольными органами как одной из сторон процесса управления. «Съезд придает большое значение правильной постановке контроля и проверке исполнения решений партии и правительства», отмечается в резолюции XXIII съезда КПСС (материалы XXIII съезда КПСС. Изд-во политической литературы. Москва, 1966 г., стр. 197).

Методологическая задача, которую мы ставим в этой статье, включает в себя следующие вопросы: контроль и его место в процессе управления; особенности контроля и вытекающие отсюда возможности привлечения к управлению широких масс; структурно-функциональный аспект коллективного управления органами народного контроля, самоорганизация как средство его развития и совершенствования; качество решения комитета НК (районное звено) и его критерии.

Круг затрагиваемых вопросов предполагает применение ме-

тодов кибернетики. При этом настоящая статья ни в коей мере не претендует на их глубокий математический или логический анализ. Она ограничивается общим и принципиальным исследованием.

Управление и контроль неразрывно связаны между собой[1]). Структура процесса управления, на наш взгляд, может быть представлена в виде таблицы (см. таблицу № 1 на стр. 12).

Предварительно заметим, что речь идет не о повседневном (текущем) контроле, а о контроле, связанном с целым этапом какой-либо деятельности, в том числе и управленческой. Он выполняется с помощью специального аппарата контролеров.

Из анализа структуры управления вытекают следующие особенности контрольной функции:

1. Контроль является одним из видов управления.

2. По отношению к руководству и исполнительской деятельности контроль, в зависимости от того, выступает ли он на первое место в процессе управления или нет, играет либо относительно самостоятельную, либо обслуживающую роль. И в этом и в другом случае он имеет целью улучшение определенной деятельности, которая существует независимо от него.

---

[1]) **Под управлением коллективом** мы понимаем особую его **функцию** регулирования, направленную на организацию определенных действий для достижения общих целей и интересов. **Коллективное управление** выступает как одна из форм управления коллективом.

Все разнообразие управленческого процесса можно весьма условно свести к определенному количеству элементов, а их сгруппировать в звенья структуры. Классификация последних определяется их ролью и местом в управленческом процессе (основные и дополнительные), а также характером сочетания элементов внутри их (выделение главных элементов в основных звеньях и их соотношение между собой). В конечном счете все это обусловливается определенными целями и задачами, стоящими перед управлением.

В зависимости от того, какое из основных звеньев структуры выдвигается на первый план и является главным, управленческий процесс выступает как руководство (общее) исполнительно-распорядительная деятельность и контроль (внешний).

Табл. № 1.

№ п.	№ п.	Виды процесса управления	Звенья процесса управления		
			Основные		Дополнительные
			второстепенные	главные	
1		**Руководство** (Общее: со стороны партии, Советов и орг. общей компетенции).	**Практическая организация дела** (Подготовка вопроса). Главн. элемент — учет реальн. возможностей.	**Принятие общего решения** Главн. элемент — выбор оптимального исхода.	**Проверка исполнения** Главный элемент — последующий учет.
2		**Исполнительская деятельность** (Главным образом со стороны специализированных исполнительно-распорядительных органов).	**Принятие исполнительного решения** Главн. элемент — выбор оптимального исхода.	**Практическая организация дела** (Реализация решения). Главн. элемент определяется конкретной специализацией коллектива.	**Проверка исполнения** Главн. элемент — последующий учет.
3		**Контроль** (Общий, внешний со стороны специальных органов контроля).	**Практическая организация дела** (Подготовка вопроса). Главн. элемент — учет данных, выступающий как последующий учет.	**Принятие контрольного решения** Главн. элементы —выбор оптимального исхода и надзор.	**Проверка исполнения** Главн. элемент — последующий учет.

3. Главные элементы контроля (учет, надзор, последующий учет) [1]) являются одновременно элементами руководства и исполнительской деятельности, в силу чего контроль выступает связующим звеном между этими сторонами управления.

4. Связь между элементами контроля не является прямой. Она опосредуется доминирующими элементами решения и практической организацией дела[2]).

5. В зависимости от роли (относительно самостоятельная или обслуживающая) и опосредованного характера связи между своими элементами контроль имеет два состояния:

а) он выступает как процесс, сводимый, по существу, к одному из своих звеньев, прежде всего к проверке исполнения;

б) он предстает как целостный процесс, где роль надзора как элемента выступает особенно отчетливо.

Однако в обоих случаях понятие «контроль» намного шире. Контроль включает в себя все свои элементы (учет, надзор, последующий учет), дополняя их анализом хозяйственной, производственной, финансовой и прочей деятельности подконтрольных учреждений и организаций.

На основе всего сказанного контроль — это вид управления, который имеет своей целью улучшение какой-либо деятельности, существующей помимо него. Он основывается на анализе данных учета и последующего учета и предусматривает надзорное вмешательство в подконтрольную деятельность.

---

[1]) Учет — это процесс, связанный с количественным определением материальных ресурсов (рабочей силы, материалов, времени и т. д.) и вытекающих отсюда возможностей. Учет следует отличать от последующего учета, который является главным элементом проверки исполнения.

Под проверкой исполнения мы понимаем выявление фактического положения дел на том или ином этапе реализации определенного решения. **Надзор** понимается нами как права на дачу указаний, обязательных директив об изменении направления деятельности подчиненных или подконтрольных коллективов и их органов (надзор), опирается на данные учета и последующего учета.

[2]) **Принятие решения** — это постановка вопроса, обсуждение (в некоторых случаях оно не проводится), выбор оптимального исхода, формальное утверждение его и надзор за исполнением.

Под практической организацией дела понимается совокупность организационных мероприятий и действий, осуществляемых специальным аппаратом и направленных на подготовку вопроса или реализацию принятого решения.

Такое определение, не претендуя на полноту, тем не менее позволяет ответить на вопрос, почему контроль (а не руководство или исполнительская деятельность) является ключом к овладению искусством управлять для широких масс. На наш взгляд, это объясняется:

Во-первых тем, что контроль выступает связующим звеном между двумя другими видами управления. Он помогает добиваться единства решения и исполнения. Вот почему В. И. Ленин ставил задачу «...всю трудящуюся массу, и мужчин, и женщин особенно, провести через участие в Рабоче-крестьянской инспекции» (Соч., изд. 5, т. 40, стр. 65). При этом он имел в виду «...и занятие должностей, и участие в контроле, и проверке исполнения без всяких должностей» (Наказ СТО местным советским учреждениям. Соч., изд. 5, т. 43, стр. 281).

Во-вторых, контрольные функции являются наиболее доступными для широких масс в силу своей относительной легкости, так как для них (а не для лиц, обладающих правом надзорного вмешательства) они ограничиваются учетом, последующим учетом, анализом полученных данных и выработкой соответствующих предложений.

Такой контроль, как правило, не требует особой квалификации. Однако это не исключает его компетентности, которая достигается путем:

а) сочетания профессиональных работников (штатных и привлеченных на общественных началах) с участием широкого и разнообразного актива трудящихся;

б) умелой и правильной расстановки общественных кадров в зависимости от их опыта, профессиональных знаний и общей подготовки;

в) обучения представителей общественности приемам и методам контроля, используя уже имеющийся опыт.

При этом следует исходить из того, что компетентность и профессиональность часто находятся в тесной связи между собой, но никогда не совпадают полностью. На таком «несовпадении» и основывается сочетание общественного контроля с госу-

дарственным, так как контрольный аппарат, состоящий из одних специалистов, страдает определенной «узостью», которая порождает его отрыв от существенных проблем и условий жизни.

В-третьих, участие широких масс в контроле обусловлено также и тем, что ответственность контролера ограничивается рамками качества проведенного им анализа фактического положения дел и своевременного представления информации и предложений. Но он не отвечает за решение, принятое соответствующим органом по его материалам.

Однако участие широких масс в контрольной деятельности не исчерпывает всей полноты содержания коллективного управления. Оно включает в себя также коллективную структуру субъекта контроля, основанные на ней формальные связи в управленческом коллективе и так называемые неформальные отношения (симпатии и антипатии, ложный или настоящий авторитеты и т. д.). Структурно-функциональный аспект коллективного управления органами народного контроля (районное звено) и является объектом нашего рассмотрения.

Элементом любой общественной системы, в том числе и управленческой, является человек. В данном случае он выступает как физический носитель (агент) управления. Однако, чтобы элемент функционировал, необходимо его включение в качестве компонента или части компонента в состав определенной организационной структуры субъекта управления (комитета народного контроля).

Компонент, в нашем понимании, — это составная часть структуры субъекта управления, выражающая некую функциональную определенность, закрепленную в той или иной организационной форме. Под компонентами структуры районного органа народного контроля мы будем понимать сам комитет (как коллегию руководителей), его отделы, постоянные и временные комиссии, проверочные группы и отдельных лиц (контролеров), наделенных самостоятельными функциональными полномочиями.

Компонент при определенных условиях и в определенных пре-

делах обладает способностью к «расширению», т. е. к включению в себя более одного элемента. Это позволяет усиливать его избирательность путем многократного дублирования. **Избирательность** — это потенциальная возможность системы или каждой из ее частей (элементов и компонентов), объединенных определенной организационно-функциональной структурой, из множества имеющихся исходов выбрать наиболее оптимальный. **Под дублированием** понимается увеличение числа элементов в компоненте, наделенных идентичными функциями, т. е. как бы повторяющих одно и то же действие.

Усиление избирательности компонента тесно связано, во-первых, с повышением его компетентности путем наиболее оптимального сочетания разнокачественных элементов (например, сочетание в одном из отделов контрольного органа профессионалов и непрофессионалов, штатных и нештатных работников и т. д.); во-вторых — с достижением наиболее эффективного исхода «большинством голосов».

То же самое можно сказать и о системе в целом, разумеется, в границах тех пределов, которые накладываются на нее.

Избирательность находится в прямой зависимости от разнообразия системы и отдельных ее частей. **Под разнообразием вообще,** в том числе и комитета народного контроля, мы понимаем, с одной стороны, число различимых элементов и компонентов системы, а с другой — число их всевозможных структурных комбинаций (имеющихся и предугадываемых).

Разнообразие органа управления коллективом на определенном уровне развития его организационно-функциональной структуры выступает с формальной стороны как коллективное управление. Показателем «коллективности» разнообразия управленческой системы является наличие коллегиального руководства (коллегии).

Если учесть, что в коллективном управлении мы выделяем на первый план структурно-функциональный аспект проблемы, то отождествление разнообразия органа народного контроля с коллективным управлением им вполне допустимо. Тогда существующая прямая зависимость между избирательностью и разнообразием КНК может быть представлена так: чем выше степень коллективности системы (т. е. ее структурно-функциональной организованности), тем выше избирательность комитета, а следовательно, и эффективность его деятельности.

При этом под структурно-функциональной организованно-

стью (коллективностью) комитета народного контроля имеется в виду:

а) различные формы непосредственного и представительного участия масс трудящихся в деятельности органа;

б) наиболее оптимальное организационное и функциональное сочетание в рамках отдельных компонентов и системы в целом работников КНК, исходя как из степени их общего развития, специальных знаний и практических навыков, так и их интересов совершенствования формальных связей руководства, подчинения и сотрудничества;

в) способность всех работников к эффективной деятельности в границах установленных прав и обязанностей, в результате чего общий исход практической организации контроля является результатом коллективного труда — «большинства голосов»;

г) способность к быстрому и своевременному преобразованию системы, т. е. замене недостаточно эффективно действующих звеньев структуры (компонентов) и работников КНК новыми;

д) способность самоконтроля комитета — как системы в целом, так и отдельных ее частей.

Если системой считать любой объект реального мира, то мы в качестве таковой можем рассматривать и районный комитет народного контроля.

Последний представляет собой определенное замкнутое целое, в то же время является частью системы «коллектив района»[1]) и системы органов народного контроля СССР. В первом случае он выступает как субъект управления (контроля), во втором — как объект.

Комитет НК как управляющую систему нельзя рассматривать изолированно не только от внутренней, но и от внешней среды. Под «средой» понимается внутренняя или внешняя структура той или иной системы. Исходя из этого, внутренняя среда (структура) комитета — это взаимосвязь его элементов и компонентов, а внешняя среда (структура) — взаимосвязь комитета с коллективом района, различными государственными и общественными организациями, а также вышестоящими органами народного контроля.

Соответствие между разнообразием реально действующего

---

[1]) Коллектив района — это совокупность трудящихся, объединенных прежде всего по территориально-производственному признаку.

комитета и объективно существующим разнообразием его внутреннего состояния и окружающей внешней среды устанавливается с помощью механизма самоорганизации.

Самоорганизация — это обратная сторона управления (регулирования), связанная с созданием и совершенствованием организационных условий его осуществления с целью достижения наиболее оптимального эффекта. По отношению к органу коллективного управления самоорганизация выступает как развитие и совершенствование его коллективной структуры (структурно-функциональный аспект коллективного управления).

Таким образом районный комитет народного контроля — это сложная, динамичная, не полностью детерминированная, самоорганизующая управляющая система[1]).

Представляя себе комитет НК в виде системы, мы, естественно, подразумеваем наличие у него входа и выхода. Для обозначения входа употребляется термин «возбуждение», а для выхода — «решение». Возбуждение связывается с потоком информации, начинающей поступать в систему. Опосредующим звеном между возбуждением и решением выступает внутреннее состояние (структура) комитета. Можно установить прямую зависимость, с одной стороны, между структурой комитета и поступающей информацией (ее объемом и качеством), а с другой — между структурой и качеством решения комитета НК.

Исходя из поставленных целей, а также невозможности охватить все сразу представляется необходимым ограничиться рассмотрением прежде всего этой второй зависимости. Ее можно сформулировать так: чем выше уровень коллективного управления КНК (коллективной структуры), тем выше качество его решения. В борьбе за повышение эффективности народного кон-

---

[1]) Термин «сложность» применяется здесь, с одной стороны, для характеристики разветвленной структуры и большого разнообразия структурных связей комитета, а с другой — как свидетельство иерархического управления этим о[illegible]

Динамизм комитета — это способность его как системы к развитию, изменению и совершенствованию в соответствии с целями повышения эффективности своей контр[illegible]ой [illegible]

Неполная детерминированность комитета народного контроля исходит из вероятностной (стохастической) природы поиска наиболее эффективного решения (выхода системы). В то же время тот процесс не носит абсолютно непредвиденный характер, т. к. осуществлятся через целенаправленную деятельность людей, опирающихся на практический опыт и определенный уровень знаний.

троля определение качества решения комитета НК и его критериев является одной из первоначальных задач.

Комитет народного контроля как система определяется множеством переменных, которые, в свою очередь, определяются целями системы. Эти переменные, на наш взгляд, можно весьма условно разделить на три большие группы, характеризующиеся как «конкретность», «авторитетность» и «действенность» (результативность)[1]). Все эти характеристики в своей совокупности составляют качество решений — критерий деятельности коллективного контрольного органа.

Понятие «качество решения» наиболее полно будет «работать» тогда, когда будут определены количественные параметры его характеристики. Однако в настоящее время только «конкретность» поддается глубокому и точному анализу. Но это не должно нас останавливать, так как анализ решения коллективного органа «на конкретность» даст нам также возможность более полно судить об его «авторитетности» и «действенности», а следовательно, приблизит к изучению их количественных сторон. В целом это, несомненно, повысит точность и объективность решения.

Анализ следует, на наш взгляд, производить в два шага. **Первый шаг** характеризуется самой общей оценкой «на глазок», интуитивно конкретности, авторитетности и действенности решения. При этом он не ограждает нас от проявления субъективистских моментов. Единственное средство избежать этого кроется в коллективности тех или иных выводов.

Второй шаг предполагает количественную оценку и применение математического аппарата. По вышеупомянутым причинам он может быть применен только в характеристике «конкретность».

[1]) **Под конкретностью** решения мы понимаем такой подход к его оценке, который предполагает строгий учет всех возможностей (совокупности ресурсов) и научную обоснованность рекомендуемых практических действий с точным определением сроков их выполнения и ответственных лиц.

Действенность решения понимается как его результативность.

Авторитетность решения характеризуется, на наш взгляд, весомостью (значимостью) поднятых вопросов, компетентностью коллективного органа и тем пониманием, которым оно (решение) встречается в коллективе — объекте управления.

Оценка качества решения «на конкретность» исходит из определения степени вероятности его выполнения в намеченный срок. А это предполагает возможность использования сети СПУ, так как область исследований операций, в которой нашло свое применение сетевое планирование, наиболее практически разработана и находит все более эффективное применение в управлении сложно-динамическими кибернетическими системами[1]). При этом решение контрольного органа должно быть составлено так, чтобы в нем были четко определены основные события сети и сроки их выполнения.

Оценка решения Комитета на первом этапе (в значительной степени формальная) дополняется информацией, почерпнутой из анализа решения на конкретность (второй этап). Теперь мы уже можем более строго судить о качестве принятого решения, оценив его соответствующим образом (хорошее, удовлетворительное или неудовлетворительное).

Так как само анализируемое решение является результатом коллективного труда, то информация о его достоинствах и недостатках может служить источником нашего представления об уровне коллективного управления (контрольным органом). Сеть как математический объект, который можно глубоко и точно проанализировать, является не только эффективным средством контроля за качеством решения, но и довольно точным инструментом для определения степени коллективности и структуры контрольного органа с учетом наложенных на данном этапе ограничений на систему.

Исходя из этого, мы можем последовательно рассматривать недостатки решения комитета на уровнях: предварительной обработки информации (от получения сигнала до принятия решения о проведении проверки); проверки положения дел на объекте контроля; составления проекта решения по результатам про-

---

[1]) Принципы систем и методов СПУ изложены в литературе: И. Сыроежин. Азбука сетевых планов (лекции по сетевому планированию, выпуск 1). Изд-во «Экономика». М., 1966; В. С. Казаковцев. Инструмент управления. Изд-во «Советское радио», 1965; Поспелов Г. С., Гейман А. И. Автоматизация процессов управления разработками больших систем или сложных комплексов. Изд. АН СССР. Техническая кибернетика, № 4, стр. 60-78, 1963; Вычислительные системы. Сб. трудов института математики. Сиб. отд. АН СССР, вып. 11, Новосибирск, 1964; Сетевые графики в действии. «Экономическая газета», № 49 (174), 2 декабря 1964; Основные положения по разработке и применению систем сетевого планирования и управления. Изд-во «Экономика», Москва, 1965 и др.

верки; обсуждения и принятия решения; контроля за проверкой исполнения решения.

Следуя логике рассуждений, нам остается проанализировать каждый уровень управленческого цикла, исходя из требований, предъявляемых на данном этапе к качеству информации, компетентности народных контролеров и степени коллективности управления контрольным процессом. Требования эти коротко можно сформулировать так: наибольшая полнота и объективность информации; владение народными контролерами не только методами контроля, но и глубокими специальными знаниями в области рассматриваемых вопросов; полное соблюдение в заданных пределах принципов коллективности контрольного процесса.

Применяя такие требования к коллективной структуре контрольного органа, мы устанавливаем целый ряд несоответствий и разрабатываем конкретные предложения по их устранению.

Закон необходимого разнообразия и является при этом ключом к проблеме развития и совершенствования коллективного управления[1]) путем изменения (саморегулирования) количества и качества элементов, а также характера и способа их связи (структуры) в управленческом органе. Чем больше разнообразие комитета, тем с большей определенностью можно предвидеть вероятностные закономерности и их исходы.

На этом принципе и основана самоорганизация комитета Народного контроля как сложнодинамической системы. Метод «черного ящика» как раз удобен тем, что мы, оперируя «выходами и входами», строим идеальную модель комитета в своем сознании — своего рода программу будущих действий, обусловливающих их структурные изменения[2]). Эта программа из сознания проектируется в реальную действительность, а затем дополняется, развивается и совершенствуется в соответствии с теми изменениями, которые вносятся в системы в процессе деятельности, направленной на достижение ее оптимального состояния через оптимальное решение.

---

[1]) Закон необходимого разнообразия сформулирован Эшби. См. У Рос Эшби. Введение в кибернетику. ИЛ. М., 1959, стр. 179.

[2]) См. **Ю. А. Левада.** Сознание и управление в общественных процессах. «Вопросы философии», 1966, № 5.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
имени ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

№ 25 1969

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗАКОНА И ЕГО РОЛИ В СТРУКТУРНОМ МЕТОДЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Н. А. ДЕВЯШИН

Проблема комплексного исследования в историческом познании все острее и острее встает как перед исторической наукой, так и перед философией истории, связанной с вопросами логики и методологии общественных наук. Дело в том, что с усилением идеологической борьбы между социализмом и капитализмом, принимающей самые различные формы, проблема исторической закономерности и прогресса становится одной из центральных проблем методологической борьбы в современной философской и исторической науке.

В связи с этим все больше и больше внимания в марксистской и буржуазной историографии и философии привлекает к себе метод системно-структурного исследования общественного развития.

Говоря о системно-структурном анализе в историческом познании, мы не должны забывать того факта, что делить исторический процесс на материальный и идеальный, на общественное бытие и общественное сознание мы можем лишь в абстракции, в мышлении, так как в своем конкретном проявлении они нераз-

рывно связаны и составляют единый исторический процесс, что всегда необходимо помнить при исследовании исторических событий.

Применяя системно-структурный анализ в историческом познании, необходимо видеть его различные уровни — теоретический и эмпирический, поэтому, руководствуясь либо тем, либо другим, исследователи могут прийти к противоположным выводам, используя тот же самый исторический материал.

Для подавляющего большинства буржуазных историков и социологов характерно использование системно-структурного метода на эмпирическом уровне, особенно при исследовании и сравнении исторических процессов античности и средневековья с событиями, протекающими в настоящее время.

Мы полагаем, что системно-структурный метод исторического исследования может завершиться глубокими теоретическими выводами качественного характера лишь с выявлением определенных исторических закономерностей, и, на наш взгляд, этим задачам может отвечать системно-структурный анализ на теоретическом уровне.

В современной философской и исторической литературе существуют различные определения исторической структуры и структурного метода, в которых, на наш взгляд, выражается различный подход к решению данной проблемы.

М. А. Барг пишет: **«Если определить структуру как совокупность более или менее однородных и взаимосвязанных элементов, взаимодействующих между собой как** «Множество» и представляющих во вне (в связях с другими структурами) как **функциональное тождество, то под «структурным методом» в историческом исследовании имеется в виду такой способ сечения и сочленения элементов, составляющих исторический процесс, явление, факт, с помощью которого открывается возможность логического преодоления плоскостного, однолинейного и механического понимания причинности в истории».**[1])

Выражая согласие с таким подходом к определению исторической структуры и структурного метода, нам хотелось бы заметить, что нельзя сводить структурный метод только к выявле-

[1]) **М. А. Барг.** О некоторых предпосылках формализации исторического исследования. Сборник «Проблемы всеобщей истории», выпуск I, Казань, 1967, стр. 25.

нию причинности в истории, так как такой вывод невольно напрашивается, хочет или не хочет этого автор. Выявление причинных связей есть, по существу, одна из задач структурного метода, в то время как выявление закономерных связей есть познание сущности более высокого порядка в историческом исследовании.

Несколько по-иному определяет структуру в исторической науке Е. М. Штаерман. Она пишет: «Всякое явление, всякий процесс могут рассматриваться как система, состоящая из элементов, находящихся в определенной взаимосвязи. Характер, законы этих связей определяют структуру данного явления или процесса»[1]). Очень близкой к этому определению является формулировка, данная В. И. Свидерским: «Под элементами мы будем подразумевать любые явления, процессы, а также их свойства и отношения, находящиеся в какой-либо взаимной связи. Характер же, способ, закон этой связи мы будем называть структурой»[2]).

Нам думается, что приведенные выше определения структуры, в том числе и исторической, дополняют друг друга, подчеркивая тот или иной аспект.

Любая историческая система (будь это даже такая высоко интегрированная система, как общественно-экономическая формация) состоит из слагающих ее элементов, к которым мы относим различные материальные и духовные процессы. Каждый процесс в свою очередь есть также система, но состоящая уже из других элементов. Между элементами-процессами исторической системы имеются свои закономерные связи, определяющие ее развитие как в целом, так и ее элементов, и эти закономерные связи являются структурой исторической системы. Знание этой структуры закономерных связей дает возможность достичь объективной истины в ее историческом развитии. Для этих целей историки используют, наряду с другими, структурный метод, который, как нам думается, является системой логических приемов и операций для выявления причинных, необходимых, существенных и закономерных связей, в своей совокупности наиболее полно отражающих историческую действительность.

Применяя структурный метод в исследовании исторических

---

[1]) **Е. М. Штаерман.** О повторяемости в истории. ж. «Вопросы истории», 1965, №7, стр. 13.

[2]) **В. И. Свидерский.** О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании. Изд-во Соц. экон. лит. М., 1962, стр. 10-11.

систем, историк-исследователь должен учитывать тот факт, что закономерные структурные связи этой системы не являются раз и навсегда данными, постоянными, что с развитием как системы в целом, так и ее составляющих элементов (процессов), меняется и сама структура, значение тех или иных закономерных связей, ее составляющих.

При изучении структурных связей общественно-экономической формации историк-исследователь может использовать системно-структурный анализ на различном уровне. Даже если он будет пользоваться эмпирическим уровнем анализа, то во всех классовых формациях исследователь сможет найти элементы повторяемости, но такие элементы, которые не характеризуют сущности той или иной формации (сходство между формой торговых или финансовых операций, нормы права, внешний облик городов, обезземеливание мелких производителей в период становления антагонистических обществ и т. д.). Выявляя такую повторяемость в истории при помощи системно-структурного анализа на эмпирическом уровне, историки приходят к ложным теоретическим выводам — к теории цикличности в историческом процессе.

Более сложным является анализ общественно-экономических формаций на теоретическом уровне структурного метода с использованием определенного эмпирического материала.

Как справедливо заметила Е. М. Штаерман, мы должны рассматривать общественную формацию как сложную суперсистему, состоящую из многих систем, которые, как нам думается, можно назвать процессами экономическими, политическими, социальными и т. д. Наряду с основными, сущностными системами-процессами общественная формация (суперсистема) всегда включает в себя различные случайные системы-конгломераты, заимствованные из предшествующей общественной формации и органически не связанные с суперсистемой.

Вскрывая определяющую роль экономических, базисных процессов (как это сделал, например, К. Маркс в «Капитале») и значение надстроечных элементов, исследователь сможет проанализировать социальную структуру общества, классовые антагонизмы, формы государства и права и т. д., а это и есть не что иное, как анализ закономерных связей, составляющих струк-

туру данной общественной формации. На основании этого «можно говорить о неповторимости тех высокоинтегрированных систем, которые составляют сущность и определяют весь характер формаций, и тех законов, по которым они развиваются, и о повторимости в конгломератах и неосновных, менее интегрированных системах, которая тем более возможна и заметна, чем эти системы более автономны и подвержены действию своих собственных законов и, с другой стороны, чем более однотипны их связи с суперсистемой»[1]). Таким образом, только анализ основных закономерных, структурных связей дает возможность вскрыть в историческом процессе преемственность, повторяемость и прогресс, а также качественно отличающиеся друг от друга неповторимые ступени — общественно-экономические формации.

Поэтому для достижения глубоких теоретических обобщений при использовании системно-структурного метода в историческом познании необходимым понятием является категория исторического закона, который является своеобразным методологическим и логическим стержнем исторической структуры.

Проблема исторического закона стоит давно перед историей философии, но мы еще до сих пор не можем считать ее решенной. Дело в том, что, по существу, нет еще четкого определения исторического закона как философской категории. В марксистской литературе законы развития общества делят на законы общесоциологические и частные и не понятно, какие законы надо называть историческими.

А. Б. Хачатурян в статье «К вопросу о законе и его типах» пишет: «Общесоциологические закономерности выражают единство общества на всем протяжении его существования, особые социальные закономерности — единство жизни общества как особой его формации и закономерности, выражающие особые черты единства жизни того или иного народа или нации и отдельных сторон жизни общества»[2]). Выражая согласие с автором, мы хотим добавить, что, как нам думается, последние два типа социальных законов и есть исторические законы, обеспечивающие возникновение и развитие как формации в целом, так

[1]) **Е. М. Штаерман.** О повторяемости в истории. ж. «Вопросы истории», 1965, № 7, стр. 17.

[2]) **А. Б. Хачатурян.** К вопросу о законе и его типах. Ученые записки Московского заочного государственного педагогического института, кафедра философии, т. XIV, вып. 1, 1968, стр. 34.

и ее элементов. Но мы полагаем, что эти два типа социальных законов различаются друг от друга по уровню обобщения, а также соотношением общего и единичного, поскольку исторические законы, определяющие развитие исторически-конкретного общества, несут в себе в большей степени элемент единичного, неповторимого в форме проявления исторической действительности.

Рассматривая то или иное общество как историческую систему на определенном этапе своего развития, мы определяем каждое конкретное событие как результат пересечения различных материальных и идеологических процессов, которые в свою очередь развиваются по своим законам (законам развития производства, законам развития идеологии и т. д.). Отсюда «конкретная историческая закономерность есть результат пересечения, сочетания закономерностей различных систем. Это пересечение происходит на основе ведущей закономерности, каковой для общества неизбежно является социально-экономический закон»[1]). Значит, историческое событие как закономерное событие есть результат пересечения многих законов, а сам исторический закон, порождающий это событие, есть форма движения и реализации противоречий между сущностями явлений экономических, социальных, политических и других процессов, протекающих в рамках данного социального организма. Такое понимание исторического закона является не только философским, но и методологическим и логическим, дающим возможность выявить основные связи в той или иной исторической системе.

Понятие исторического закона как научного закона неразрывно связано с принципом историзма. Поскольку с развитием наук в обществе идет накопление объективных знаний, изменяются и представления людей об объективных связях, поэтому и понятие исторического закона как одной из научных истин также меняется, что дает нам возможность определить его как процесс, составляющий часть гносеологии и логики наук.

Но поскольку понятия, категории процесса познания отражают объективную действительность неполно, неточно, приблизительно, схватывая лишь сущность процессов и явлений, постольку между объективной действительностью, между отнологическими законами развития общества и историческими законами как законами науки имеется постоянное противоречие, которое

[1]) А. Я. Гуревич. Общий закон и конкретная закономерность в истории. ж. «Вопросы истории», 1965, № 8, стр. 20.

и разрешается в процессе развития общественных наук.

Отмеченное противоречие между онтологическими и гносеологическими законами дает нам право поставить вопрос о структуре исторического закона в различных аспектах.

Прежде всего рассмотрим вопрос о структуре исторического закона в онтологическом плане.

Исторический закон в онтологическом плане неразрывно связан с движением исторической системы, и, по существу, онтологическая сущность исторического закона совпадает с сущностью движения. Нам думается, что именно это имел в виду А. Б. Хачатурян, следующим образом определяя закон: «Закон (любой) есть отношение изменчивости и устойчивости, различия и единства. Отношение изменчивости и устойчивости, различия и единства составляют суть, сущность законов природы, общества и мышления»[1]). И это действительно так. Любая историческая система находится в постоянном движении, меняются связи ее элементов, изменяются сами элементы и их значение в рамках данной системы, и это соотношение устойчивости и изменчивости структурных связей составляет, по нашему мнению, не что иное, как онтологическую структуру исторического закона, неразрывно связанную с сущностью движения. В свою очередь онтологическое соотношение устойчивости и изменчивости находит свое специфическое отражение в логической и гносеологической структуре категории исторического закона.

Проблемы логической и формальной структуры исторического закона разрабатывает А. И. Уваров. По его мнению, логическую структуру исторического закона составляют понятия «событие», «процесс» и «связь», которые в своей совокупности логически отражают пересечение горизонтальной и вертикальной линии исторического развития, причем горизонтальный срез событий отражает развертывание исторического процесса в пространстве, а вертикальный срез — развертывание исторических событий во времени. Пересечение этих двух линий дает нам логический параллелограмм, отражающий исторический процесс, причем прямая, являющаяся диагональю этого параллелограмма, будет являться отражением логической структуры исторического закона.

При этом, разумеется, наблюдается определенная идеализа-

---

[1]) **А. Б. Хачатурян.** К вопросу о законе и его типах. См. вышеуказанный сборник, стр. 24.

ция, поскольку исследователь не может проанализировать все цепи событий из-за отсутствия исторического материала.

Более сложной нам представляется гносеологическая структура исторического закона, объединяющая в определенную систему различные категории процесса исторического познания.

При определении категории закона, в том числе и исторического, различные авторы выдвигают на первое место либо причинные, либо необходимые, либо существенные связи, более того, часто связывают сущность закона с одной из этих категорий[1]).

Приступая к решению поставленной проблемы, мы должны исходить из известного высказывания В. И. Ленина о том, что категории являются ступеньками познания от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т. д., с тем, чтобы в итоге познания вскрыть необходимые, устойчивые, закономерные связи объективного мира. Нам думается, что указание В. И. Ленина является ключом для понимания гносеологической структуры исторического закона как наиболее узкой и в то же время наиболее общей категории в теории исторического познания.

Во всеобщую цепь материалистического детерминизма включаются различные категории, из которых наиболее часто встречающимися являются причинно-следственные связи в широком смысле слова и которые являются категорией первого порядка в этой цепи детерминизма.

На второй ступени стоит категория необходимости, она уже, но глубже причинно-следственных связей, которые являются моментом необходимых связей. Но нам могут возразить, что в причинно-следственных связях тоже присутствует момент необ-

---

[1]) Так М. М. Розенталь считает главным элементом закона причинно-следственные связи (см. его работу «Диалектика «Капитала» К. Маркса», М., 1967, стр. 92). **А. Б. Хачатурян** пишет: «Раскрывая отношение закона к случайности и необходимости, мы видим их различие в том, что необходимость и есть закон, закон и необходимость совпадают, в то время как случайность и закон не совпадают» (см. его статью «К вопросу о законе и его типах» в вышеуказанном сборнике, стр. 27). **П. В. Челышева** отождествляет понятие сущности и закона (см. ее статью «Некоторые вопросы диалектики сущности и явления в «Капитале» Маркса», «Философские науки», 1960, № 3.

Ж. Туленов утверждает, что причинность—предельно узкое понятие после категории закона (см. его монографию «Закон как философская категория», Каз. гос. изд. 1959, стр. 69.

ходимых связей и нет ли здесь противоречий? Мы думаем, что нет, так как категория необходимости, включаемая в причинно-следственную связь, носит жесткий, однозначный характер, в то время как категория необходимости, являющаяся моментом закона, носит многозначный характер.

На третьей ступени в теории познания стоит категория сущности, которую В. И. Ленин отнес к одному порядку с категорией закона, так как только отношение сущностей и порождает закон как наиболее общую категорию диалектико-материалистической теории отражения.

Таким образом, своеобразным структурным стержнем категории исторического закона являются понятия «причина», «необходимость» и «сущность», а их взаимодействие порождает такие свойства или признаки закона, как устойчивость, повторяемость, общность или всеобщность связей.

Мы полагаем, что при различных условиях проявления закона в исторической действительности на первый план могут выступить либо причинные, либо необходимые, либо существенные связи, поэтому неправомерно сводить закон к одной из них, а также забывать указание В. И. Ленина о том, что главное в законе есть отношение сущностей. Именно только совокупность всех вышеуказанных категорий и порождаемых их взаимодействием свойств дает нам категорию исторического закона как закона науки.

Таким образом, исследуя ту или иную историческую систему в целях выяснения ее структурных связей, необходимо прежде всего выделить причинно-следственные, необходимые и существенные связи в их совокупности, что позволяет выявить действующие в этих системах исторические законы и на этом основании формулировать глубокие и серьезные теоретические выводы и обобщения.

Обобщая материал по логической и гносеологической структуре исторического закона, мы можем формализовать ее. К элементам формальной структуры исторического закона мы можем отнести мощность, интенсивность, идеализированность, валентность и модальность.

Остановимся на анализе этих элементов формальной структуры исторического закона.

Рассматривая исторический закон как процесс, мы видим, что он не равен сам себе в начале своего пути, на этапе зрелости и в период распада, т. е. он существует в форме прошлого, на-

стоящего и будущего. В соответствии с этим изменяется и соотношение динамической и статистической сторон закона при преобладающей роли статистического характера, а также постоянно изменяется и соотношение прогрессивных и регрессивных сторон исторического закона, что, в конечном счете, приводит к изменению параметров закона, если выразиться языком математики.

С изменением параметров закона изменяется и его мощность, т. е. глубина, конкретность, широта и сфера действия исторического закона, что находит свое выражение в количестве и качестве порождаемых им событий, во влиянии на другие законы и т. д. В зависимости от мощности мы можем рассматривать исторические законы как более или менее широкие, как законы либо материальной, либо духовной сферы, либо как законы, охватывающие обе эти сферы и т. д.

Понятие интенсивности исторического закона можно связать с временной координатой, т. е. с ритмом следования событий, охватываемых законом, темпом их следования, т. е. понятие интенсивности в известной мере передает нарастание и разрешение противоречий в историческом законе и, в конечном счете, определяет время функционирования закона.

Понятие идеализированности исторического закона тесно связано с понятием его объективности. Любой исторический закон, являясь объективным законом, имеет своим компонентом и субъективный фактор[1]). Понятие идеализированности исторического закона связано лишь с его формальной стороной, а не с законом самой исторической действительности, т. е. оно отражает субъективный момент в историческом законе и выражает степень, пределы отвлечения исследователя от индивидуальных сторон событий, порождаемых анализируемым законом, а также отвлечение от таких аспектов в их содержании и форме, которые не вызывают в данном случае интерес у историка, хотя они и могут быть весьма существенными.

В процессе анализа существенных связей исторической системы выявляются различные исторические законы, которые тесно связаны между собой и влияют друг на друга. Эту связь одного закона с другими можно определить понятием валентно-

---

[1]) Даже «каждый экономический закон, — как справедливо заметил В. Ф Паркин, — в своем содержании как существенный момент содержит объективированное сознательное» (см. В. Ф. Паркин. Диалектика необходимости и свободы при социализме. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук, Тула, 1968, стр. 22).

сти, при этом имеются в виду не все связи, а наиболее существенные. Валентность исторического закона означает в определенной мере его фундаментальность, т. е. чем выше валентность у исторического закона, тем больше и многообразней связи его с другими законами, тем он фундаментальней, важней, и наоборот.

И, наконец, с характером исторического закона связано понятие его модальности, которая выражает соотношение динамических и статистических его сторон. Историческая статистичность имеет свои особенности в отличие, например, от статистических объектов исследования квантовой механики, где исследователь имеет дело с идеализированными, лишенными индивидуальной окраски объектами. Историческая статистичность имеет дело именно с индивидуальным и случайным, и поэтому историческая статистичность конкретизирует историческую истину, что неразрывно связано с динамической стороной исторического закона. Поэтому историческая идеализация имеет двойное основание: с одной стороны, она порождается статистической природой исторических законов и вообще исторических явлений, а с другой стороны, она зависит от их динамической природы.

Нам думается, что понятие логической, гносеологической и формальной структуры исторического закона должно иметь большое методологическое значение при системно-структурном анализе исторического познания, оно позволяет выяснить закономерности исследуемой исторической системы и сделать глубокие теоретические выводы.

И, наконец, руководствуясь марксистско-ленинской методологией исторического познания, мы можем вскрыть методологическую структуру категории исторического закона. В письме Инессе Арманд В. И. Ленин писал: «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (а) исторически; (в) лишь в связи с другими; (V) лишь в связи с конкретным опытом истории»[1]). Поскольку понятие исторического закона является гносеологическим стержнем исторического познания, постольку его методологическую структуру будет составлять принцип объективности и историзма, без которых исторический закон превращается в чисто субъективную категорию.

---

[1]) **В. И. Ленин.** Сочинения, изд. 4, т. 35, стр. 200.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть тот факт, что, поскольку категория исторического закона является центральным звеном в историческом познании, постольку и структурный метод, как один из его методов, с необходимостью должен всегда исходить из принципов объективности, историзма и исторического закона.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
имени ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

№ 25 1969

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

(на материалах Томской области)

В. И. ЮЖАНИН

В последние годы в ряде экономических исследований видное место занимают проблемы движения и рационального использования трудовых ресурсов. В этом направлении большую работу проводит институт экономики Сибирского отделения Академии Наук СССР[1]).

В ряде опубликованных работ на основе изучения фактического материала выявлены формы и тенденции перераспределения трудовых ресурсов в Западной Сибири, а также способы закрепления кадров в районах с недостаточными трудовыми ресурсами.

---

[1]) Вопросы труда в СССР. Под редакцией Г. А. Пруденского, М., 1958; Минц Л. Е. Население и трудовые ресурсы СССР (Сибирь и Дальний Восток) М., 1958; Переведенцев В. И. К проблеме оптимального размещения трудовых ресурсов СССР, Сб. «Экономические проблемы труда в период перехода к коммунизму». Новосибирск, 1964; Зайончковская Ж. А., Переведенцев В. И. Современная миграция населения Красноярского края, Новосибирск, 1964 и др.

Постановка и решение этих вопросов выдвинуты условиями ускоренного развития народного хозяйства восточных районов страны, а следовательно, и обеспечением их трудовыми ресурсами. Однако распределение и движение трудовых ресурсов по районам страны складывается не в пользу районов Сибири.

Если в довоенный период Сибирь имела приток трудовых ресурсов из западных районов страны, то после войны, наоборот, наблюдается отток в сторону западных районов — на Украину, в Прибалтику и Среднюю Азию, Молдавию, Казахстан[1]).

Сибирь становится районом с дефицитным балансом рабочей силы. Государство вынуждено из центральных трудоизбыточных районов страны ежегодно направлять в Сибирь в порядке организованного набора десятки тысяч людей. Только за период с 1956 по 1960 год было направлено более 700 тысяч человек (включая членов семьи)[2]).

Но, не прижившись в Сибири, через год-два эти люди, как правило, уезжают на прежнее местожительство. Численность выбывшего населения Сибири стала превышать число прибывших, а общий прирост населения стал ниже естественного прироста. Таким образом, перераспределение трудовых ресурсов в последние годы не только не исправило недостатки их размещения, а привело к тому, что Сибирь, будучи трудонедостаточным районом, стала снабжать рабочими кадрами районы трудоизбыточные.

Однако трудонедостаточность не следует понимать так, что в Сибири везде и во всех отраслях народного хозяйства трудовых ресурсов не хватает.

Как в Сибири в целом, так и отдельно в ее областях различно прежде всего положение дел в городе и на селе[3]). В городах количественного недостатка трудовых ресурсов нет, там имеется недостаток квалифицированной рабочей силы, а в сельском хозяйстве существует абсолютный ее недостаток. И он растет еще больше в результате уменьшения численности сельского населения. Этот процесс, начавшийся задолго до войны, продолжается и теперь. Он характерен не только для отдельных районов, но и для страны в целом. Так, за 32 года, с 1927 до 1959, пересе-

---

[1]) **В. И. Переведенцев.** К проблеме оптимального размещения трудовых ресурсов СССР. В книге «Экономические проблемы труда в период перехода к коммунизму». Новосибирск, 1964, стр. 24-25.

[2]) Проблемы земли Сибирской, газ. «Труд» от 26 декабря 1964 г.

[3]) **Ж. А. Зайончковская, В. И. Переведенцев.** Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск, 1964, стр. 17.

ленцы из села составили почти две трети общего прироста городского населения[1]), что привело к перераспределению занятых между промышленностью и сельским хозяйством.

«В 1958 г. в общественном сельском хозяйстве было занято на 10% больше, чем в промышленности, а в 1961 г. в промышленности было занято на 25% больше, чем в сельском хозяйстве»[2]).

Это свидетельствует о формировании прогрессивной структуры разделения труда.

За 25 лет, с 1939 до 1964 гг. в СССР сельское население уменьшилось, а городское увеличилось на 20%. Если в 1939 г. в СССР доля сельского населения была больше городского на 36%, то к 1964 г., наоборот, доля сельского населения по отношению к городскому уменьшилась на 6% (см. табл. 1).

Таблица 1.

Процентное соотношение численности городского и сельского населения за 25 лет*)

		Городское население в %		Сельское население в %	
		СССР	Томская область	СССР	Томская область
	1939	32	31**)	68	69
на 15/I	1959	48	48	52	52
на 1/I	1964	52	54	48	46

*) См. Народное хозяйство СССР в 1962 г., стр. 10, 20; в 1963 г.—стр. 12; Народное хозяйство РСФСР в 1963 г., стр. 14 и данные Томского облстатуправления о численности населения Томской области за 1939 г.

**) В современных границах.

По расчетам ЦСУ к концу 1970 г. ожидается увеличение численности городского населения СССР примерно до 144 млн. человек, к 1975 — до 165 млн. и к 1980 г. — до 190 млн. человек (68% предполагаемой к концу 1980 г. численности населе-

[1]) **Ж. А. Зайончковская, В. И. Переведенцев.** Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск, 1964, стр. 4.

[2]) Проблемы экономики труда, Под. ред. Касимовского, М., 1965, стр. 261.

ния страны)[1]). По данным табл. 1, процесс сокращения доли сельского населения и рост городского в Томской области происходит несколько быстрее, чем по стране в целом.

За 25 лет население области в абсолютных цифрах увеличилось с 643,1 тыс. чел. до 770 тыс., т. е. на 126,9 тыс. чел.

Сельское население за эти годы уменьшилось с 471,4 тыс. чел. до 354 тыс. чел., т. е. на 117,4 тыс. чел., а городское увеличилось с 171,7 тыс. чел. до 416 тыс. чел., т. е. на 224,3 тыс. чел.

Столь интенсивный переход населения из сельской местности области в городскую местность мог бы быть оправдан, если бы он диктовался необходимыми потребностями развития промышленности и сопровождался бы высвобождением рабочей силы вследствие повышения производительности труда в сельском хозяйстве.

Однако техническая вооруженность колхозов и совхозов остается еще недостаточной, не хватает тракторов, комбайнов и особенно автомобилей. Поэтому в условиях расширенного воспроизводства и недостаточной производительности труда потребность в рабочей силе в сельском хозяйстве не уменьшается, а растет.

Складывается положение, при котором баланс трудовых ресурсов в сельском хозяйстве области становится все более напряженным. Нехватка рабочих рук и короткие сроки сельскохозяйственных работ в условиях сибирского климата приводят к тому, что трудовая нагрузка за последние годы в сельском хозяйстве все растет. Поэтому большинство колхозов и совхозов не могут своими силами своевременно справиться с основными сельскохозяйственными работами. Недостаток трудовых ресурсов в сельском хозяйстве области приводит к неиспользованию потенциальных возможностей земли, тогда как в других районах страны трудовые ресурсы в значительной степени недоиспользуются из-за избытка.

Размеры этого недоиспользования видны из следующего примера: в 1959 г. каждый трудоспособный колхозник отработал в общественном хозяйстве в Западной Сибири (в том числе в Томской области) 224 дня, на Северном Кавказе и Украин-

[1]) Население мира (справочник). Под. ред. Б. У. Урланиса, М., 1965, стр. 93.

ской ССР — 198 дней, в Молдавской ССР — 163 дня, в Грузинской ССР — 148 дней[1]).

Недостаток рабочей силы вынуждает городские промышленные предприятия посылать тысячи рабочих и служащих в колхозы и совхозы на заготовку кормов и уборку урожая.

Хозяйства Западной Сибири ежегодно привлекают на уборочные работы 300-400 тыс. чел. из других районов страны. Только на переброску рабочей силы на уборку урожая в Алтайский край за последние четыре года государство затратило 25 млн. руб.[2]).

Кроме того, на период уборочных работ создаются трудности с обеспечением рабочей силой промышленных предприятий, что ведет к сдерживанию темпов экономической деятельности государственного промышленного сектора, к недоиспользованию промышленного оборудования.

Помимо рабочих с промышленных предприятий области на сельскохозяйственные работы каждую осень привлекаются студенты Томских вузов. Как правило, учебные занятия начинаются за пределами первых чисел октября. На деле это ведет к сокращению учебных программ, к снижению качества подготовки молодых специалистов.

В условиях нехватки рабочей силы в сельском хозяйстве государство организует плановое ее перераспределение в форме организованного набора, принимая на себя все расходы. Отдел переселения и оргнабора при Томском облисполкоме систематически направляет на постоянное местожительство в сельскую местность области сотни семей.

Но значительная часть приехавших, не отработав установленный договором срок, уезжает из области. С 1955 по 1962 год в среднем ежегодно из 100 вселившихся семей 35 уезжают, из них 59,2 % за пределы области и 40,8 % в поселения Томской области, главным образом в городские, о чем свидетельствуют расчеты (см. табл. 2). При том характерно, что приживаемость выходцев из сел Европейской части СССР ниже, чем выходцев из местных сел Сибири.

---

[1]) Трудовые ресурсы СССР. Под ред. Н. И. Шишкина, Экономиздат, М., 1961, стр. 102; В. И. Переведенцев, К проблеме оптимального размещения трудовых ресурсов СССР. Сб. «Экономические проблемы труда в период перехода к коммунизму». Новосибирск, 1964, стр. 25.

[2]) Е. С. Русанов. Занятость населения и использование трудовых ресурсов. М., 1965, стр. 128.

Таблица 2.

Сравнительные данные прибывших и выбывших по оргнабору в сельской местности Томской области*)

Годы	Все вселенные=100 %		Всего выбыло из мест вселения от количества вселившихся %	В том числе выбыло из мест вселения	
	в том числе прибыло по оргнабору из др. областей %	в том числе прибыло по внутриобластному оргнабору %		за пределы Томской области %	в поселения Томской области (гл. образом в городские) %
1955	7	93	17,3	9	91
1956	38	62	36,5	60	40
1957	54	46	37,8	69	31
1958	76	24	47,1	83	17
1959	62	38	36,3	77	23
1960	49	51	38,0	68	32
1961	43	57	17,9	54	46
1962	42	58	31,9	54	46
(1955-1962 гг.) в среднем за год	46,4	53,6	35	59,2	40,8

*) Рассчитано по данным отдела переселения и оргнабора при Томском облисполкоме.

Так, например, в колхозы и совхозы Кривошеинского района в 1963 г. прибыло по оргнабору 35 переселенческих семей, в том числе 28 семей по межобластному переселению (из Ульяновской области) и 7 семей внутриобластного переселения. Все прибывшие были обеспечены жильем, механизаторам предоставлена работа по специальности, выдавалась продовольственная ссуда в нормах закона, продукты питания (мясо, молоко, масло) продавались по себестоимости. Оказывалась помощь в приобретении коров, мелкого скота и домашней птицы, имелись приусадебные участки. Несмотря на полное хозяйственное устройство, из 28 семей межобластного переселения 23 уехали в места выхода. Такое положение характерно для большинства районов Томской области.

Одной из причин малой приживаемости переселенцев в селах области является то, что на деле были преданы забвению принципы сочетания общественных и личных интересов, материальная заинтересованность. Но наряду с этим есть и другие, не менее важные причины. К ним относятся: отдаленность сел от го-

рода и железной дороги, неудовлетворительные жилищно-бытовые условия, недостаточно развитая сеть школ, больниц, медпунктов, клубов.

Села Томской области оставляют не только переселенцы, но и коренные жители, уезжающие главным образом в местные города.

Данные механического движения населения Томской области показывают, что если сальдо миграции в городской местности положительно (имеется приток населения), то в сельской местности оно отрицательно, т. е. число выбывших из села превышает число прибывших. Это можно проиллюстрировать цифровыми данными (табл. 3).

Таблица 3.

Сравнительные данные прибывших и выбывших по Томской области (городская и сельская местность)*)

Годы	На 100 чел. прибывших выбыло	
	городская местность	сельская местность
1945	58	85
1946	16	27
1947	52	0
1948	41	103
1949	47	101
1950	63	107
1951	62	103
1952	56	103
1953	66	109
1954	80	114
1955	84	103
1956	90	106
1957	89	112
1958	99	98
1959	79	85
1960	76	117
1962	88	101
1963	75	108

* Расчеты механического движения населения, по данным Томского облстатуправления, показали, что 76% выбывающих из городских поселений области и 87% из сельских уезжают в районы Российской Федерации, в том числе 31% городского и 26% сельского населения выбывают в наиболее промышленные районы Сибири: в Кемеровскую, Новосибирскую, Омскую области, в Красноярский край.

Отрицательное сальдо миграции сельского населения не только уменьшает численность трудовых ресурсов в сельском хозяйстве, но и ухудшает их качественный состав. Уезжают из села главным образом молодые и квалифицированные кадры, т. е. основная масса выбывающих из села — это наиболее дееспособная часть населения.

В 1960 г. выбывшие в рабочем возрасте моложе 40 лет от всего состава мигрантов составляли 66,1%, а в 1964 г. — 66,8%, тогда как на возрастные трудоспособные группы старше 40 лет соответственно приходилось в 1960 г. 11%, в 1964 г. — 9,7% (табл. 4).

Таблица 4.

Состав мигрантов по возрастам, выбывших из сельской местности Томской области в городскую местность*)

Возрастные группы	Выбыло из сельской местности в городскую в %	
	1960 г.	1964 г.
Все выбывшие		
в том числе:	100,0	100,0
до 15 лет	18,0	20,4
от 16 до 19 »	18,1	22,4
от 20 до 24 »	20,8	15,7
от 25 до 29 »	12,0	12,7
от 30 до 34 »	9,0	8,6
от 35 до 39 »	6,2	7,4
от 40 до 44 »	3,9	3,1
от 45 до 49 »	3,1	2,6
от 50 до 54 »	2,5	2,3
от 55 до 59 »	1,5	1,7
от 60 и старше	4,9	3,1

*) Рассчитано по данным механического движения Томского облстатуправления.

Доля населения в трудоспособном «производительном возрасте» на селе стала ниже, чем в городе, а доля за пределами этого возраста выше. Если в 1963 г. в городской местности на 1000 человек населения приходилось 622 человека трудоспособных, то в сельской местности 457, в 1962 г. соответственно 615 чел. и 460 чел.[1]).

[1]) Рассчитано по данным кн. «Народное хозяйство РСФСР» в 1961 г. С., 1962, стр. 74, в 1962, М., 1963, стр. 14 и по данным баланса трудовых ресурсов Томской области.

Характерной чертой миграционных процессов в селах области является то, что в составе сельских мигрантов число мужчин превышает число женщин.

Так, например, в 1964 г. из села мигрировало мужчин 52,2%, а женщин 47,8%. Это ухудшает и без того неблагоприятную половозрастную структуру в сельской местности, тормозит освоение и более эффективное использование новой техники.

По данным переписи 1959 г., в селах Томской области на 1000 мужчин приходилось женщин: в возрасте 30-34-х лет — 1222, 35-39 лет — 1581, 40-44-х лет — 1586 и т. д.[1]).

Уменьшение численности молодежи на селе и ухудшение половозрастной структуры отрицательно влияет не только на экономику сельского хозяйства, но и на процесс воспроизводства населения, что в свою очередь ведет к относительному сокращению потенциальных трудовых ресурсов на селе.

Для сельской местности по сравнению с городом стал характерен более низкий удельный вес трудоспособного населения в возрасте от 20 до 40 лет и более высокий — в возрасте 40 лет и старше. По данным переписи 1959 г., городское население Томской области в возрасте от 20 до 40 лет составляло 39,0%, а сельское — 31,6%; в возрасте от 40 лет и старше городское — 23,8%, сельское — 25,5% (табл. 5).

Таблица 5.

Возрастная структура населения городской и сельской местности в Томской области по переписи 1959 г. (в процентах)*)

Местность	Все население	В том числе по возрастам											
		до 9 лет	10—19 лет	20—24 лет	25—29 лет	30—34 лет	35—39 лет	40—44 лет	45—49 лет	50—54 лет	55—59 лет	60—69 лет	70 и старше
Городская местность	100,0	19,2	18,0	13,5	9,8	9,7	6,0	5,2	5,2	4,0	3,0	4,1	2,3
Сельская местность	100,0	28,5	14,7	8,0	8,6	9,3	5,7	4,8	4,8	3,8	3,2	4,6	4,0

*) Рассчитано на основе данных работы «Итоги Всесоюзной переписи населения РСФСР 1959 г.», М., стр. 82-83, 94-95.

[1]) Рассчитано по книге «Итоги Всесоюзной переписи населения РСФСР 1959». М., 1963, стр. 94-95.

Надо признать, что отрицательные последствия миграционных процессов на селе в какой-то мере явились следствием допущенных ошибок в руководстве сельским хозяйством, с последствиями которых, как указывалось на мартовском Пленуме ЦК КПСС 1965 г., мы сталкиваемся во всех зонах страны.

Отставание в оплате труда, низкий уровень культуры на селе, неустроенность жизни по сравнению с культурно-бытовыми условиями в городе привели к тому, что молодежь мигрирует в город. В городе всегда есть такие профессии, которые влекут деревенскую молодежь. В городе есть техникумы и вузы, консультационные пункты, где можно работать и учиться. К услугам молодежи театры, музеи, парки. И совершенно естественно, что молодые люди хотят работать и жить в городе, где тоже нужны квалифицированные рабочие кадры.

Сеть предприятий бытового обслуживания в сельской местности из расчета имеющегося населения выше, чем в городской, однако объем работ, выполняемых этими предприятиями, во много раз меньше. В 1964 г. он составил всего лишь около 20% от общего объема (табл. 6).

Таблица 6.

Объем работ, выполненных предприятиями бытового обслуживания на 1000 человек населения в Томской области (в рублях), составляет*)

	Городская местность			Сельская местность		
	1960 г.	1964 г.	1964 г. в % к 1960 г.	1960 г.	1964 г.	1964 г. в % к 1960 г.
Всего бытовых услуг	8836	10342	117	2033	3266	161
в том числе: Промышленные виды услуг	5349	6352	119	1374	2377	173

*) Рассчитано по данным Томского облстатуправления.

Наиболее крупные предприятия бытового обслуживания размещены в рабочих поселках и райцентрах. Многие отдаленные от райцентров населенные пункты либо их не имеют, либо они малой мощности, располагаются в неприспособленных помещениях, случайно оказавшихся свободными.

Наряду с этим предприятия бытового обслуживания испытывают острый недостаток в квалифицированных кадрах.

Например, в Верхне-Кетском районе Томской области из 10 человек лишь один имеет профессионально-техническое образование и один подготовку на уровне краткосрочных курсов.

Уменьшение различий (разрыва) в условиях жизни населения между городом и селом явится важнейшим экономическим стимулом планомерного передвижения трудовых ресурсов в нужном для общества направлении, в частности, это будет способствовать ликвидации неоправданного отлива рабочей силы из сельской местности.

В поисках решения проблемы перераспределения трудовых ресурсов между городом и деревней в Западной Сибири, как нам представляется, было бы более оптимальным решением организация производства по первичной переработке сельскохозяйственного сырья и производству строительных материалов.

Еще в середине прошлого столетия К. Маркс писал: «Понятно, какой потерей было бы для России, если бы 50 из 65 миллионов населения ее европейской части оставалось бы без занятия в течение шести или восьми зимних месяцев, когда необходимо прекращаются всякие полевые работы...». Исходя из этого, К. Маркс делает вывод: «Здесь видно, каким образом расхождение между периодом производства и рабочим периодом, причем последний составляет только часть первого, образует естественную основу для соединения земледелия с сельским подсобным промыслом...»[1]).

Вопрос о соединении земледелия с промышленностью до сих пор остается актуальным.

Дело в том, что недостаток рабочей силы в сельском хозяйстве мы понимаем как недостаток ее в период полевых работ, тогда как в другие времена года имеет место их недоиспользование, малая занятость.

Организация промышленных предприятий, работающих в свободное от полевых работ время, дает возможность лучше использовать потенциальный годовой фонд рабочего времени в условиях сезонного характера производства и строить более экономичные многоквартирные жилые дома с современными коммунальными удобствами. Станут более укрупненными населенные пункты и облегчится их благоустройство. Это приведет к преобразованию сел в поселки городского типа. Значит станет больше условий и возможностей для культурно-бытового обслуживания

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 272.

трудящихся. Сократится излишняя миграция сельского населения в города, что приведет к более рациональному размещению производительных сил и более полному производительному использованию трудовых ресурсов.

В конечном счете, говорится в Программе КПСС, по культурно-бытовым условиям жизни сельское население сравняется с городским, что явится «одним из величайших результатов строительства коммунизма».

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
имени ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

№ 25 1969

УСЛУГИ КАК ФОРМА УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ

В. М. ФИЛОНИН, З. В. РЕДЬКИНА

Повышение уровня жизни населения немыслимо без соответствующего развития средств обслуживания. В текущей пятилетке намечено увеличить объем работ только по бытовому обслуживанию населения примерно в 2,5 раза, в том числе в сельской местности более чем в 3 раза (прирост за 1961-1966 гг. составил 90%). Сфера обслуживания отвлекает на себя относительно все большую часть работоспособного населения страны. В период 1960-1980 гг. численность работников всех отраслей народного хозяйства, по имеющимся расчетам, возрастет на 40%, а в непроизводственной сфере и сфере обслуживания — втрое.

В связи с задачей обеспечения высокого жизненного уровня в нашей стране научная разработка теории услуг и практики бытового обслуживания приобретает особое значение.

Каждый предмет потребления требует двоякого рода труда: труда на его создание и труда, связанного с потреблением, с непосредственным приспособлением продукта к потреблению (приготовление пищи, сервировка стола или поддержание одежды в состоянии, годном к потреблению). С развитием производительных сил и общественного разделения труда резко повышается

общественная производительность труда. Это обусловило необходимость и возможность использования части труда в сфере потребления.

В. И. Ленин указывал, что разделение труда ведет к увеличению числа отраслей промышленности, причем тенденция этого развития состоит в том, чтобы «превратить в особую отрасль промышленности производство не только каждого отдельного продукта, но даже каждой отдельной части продукта, и не только производства продукта, но даже отдельные операции по приготовлению продукта к потреблению»[1]).

Так, выделяется в самостоятельные отрасли приготовление пищи, изготовление одежды, обуви, услуги транспорта. Число занятых в сфере потребления растет как относительно так и абсолютно. Особенно заметен этот рост в связи с концентрацией населения в крупных городах. Этот процесс в связи с машинизацией производительных сил пробивает себе дорогу как в развитых индустриальных странах, так и в странах с низким уровнем развития.

Труд в сфере услуг имеет особый характер овеществления: он «оказывает услуги не в качестве вещи, а в качестве деятельности»[2]).

Полезность услуги не в полезности вещи, а в полезности живого труда, деятельности, хотя последняя может быть связана с материальными благами.

Конкретно полезные свойства труда, связанного с приспособлением уже созданной вещи к личному потреблению или проявляющегося непосредственно в виде чистой деятельности, удовлетворяющие те или иные личные потребности человека, — есть услуга.

Понятие услуги не совпадает с понятием непроизводительного труда, потому что труд, затраченный как услуга, может быть производительным (ремонт бытовых машин, индпошив и ремонт одежды и т. п.), то есть связанным с продолжением производства в сфере потребления и присоединяющим новую стоимость, и непроизводительным (труд учителя, врача, парикмахера), то есть не связанным с материальными благами и не создающим стоимости.

Труд по оказанию материальной услуги связан с материальными благами, которые уже вышли из общественного кругообо-

---

1) **В. И. Ленин.** Полн. собр. соч., т. 3, стр. 15.
2) **К. Маркс и Ф. Энгельс.** Соч., изд. 2, т. 26, ч. I, стр 413.

рота и в силу своего назначения функционируют в личном потреблении. Услуги обладают теми особенностями, что они должны потребляться в месте производства, т. е. носят местный характер; они не импортируются и не экспортируются. Для некоторой части услуг совпадает время производства и потребления, например, для услуг пассажирского транспорта. Особенность части услуг в том, что результат полезного действия их не всегда точно определим и может быть измерен (например, услуги врача).

В динамике соотношения вещественных благ и услуг, предназначенных удовлетворять личные потребности, пропорция изменяется в пользу услуг. Особенно возрастает удельный вес услуг, связанных с культурным обслуживанием, с отдыхом, транспортировкой.

Возрастание доли услуг в потреблении есть одновременно возрастание значения услуг для воспроизводства рабочей силы. В потреблении подготавливается главная производительная сила, стимулируется трудовая активность работников, хотя, безусловно, производство всегда есть исходная и господствующая фаза в процессе воспроизводства. Оно определяет уровень, структуру и способ потребления, развивает новые потребности; производство предъявляет свои требования и к рабочей силе.

Маркс еще для эпохи домонополистического капитализма подчеркивал, что использование услуг, как бы ничтожно для обычной рабочей силы оно ни казалось, совершенно необходимо, поскольку для того, чтобы стать развитой рабочей силой, нужна хотя бы минимальная общеобразовательная подготовка.

В условиях социализма значение социально-культурного обслуживания резко возрастает не только с точки зрения воспроизводства рабочей силы, но и всестороннего гармонического развития человека будущего.

При социализме существует две формы удовлетворения потребностей: индивидуальная, основанная на личном или семейном труде, и общественная форма — через предприятия общественного обслуживания.

Прогрессивное развитие общества связано со всемерным развитием общественных форм обслуживания, позволяющих резко сокращать издержки труда, связанного с потреблением. В. И. Ленин указывал на тот факт, что высокие издержки потребления ведут к расхищению общественного труда, к уменьшению его производительности, что мелкое домашнее хозяйство расхищает труд работою до дикости непроизводительной, мелочной, изнер-

вливающей, отупляющей.

Структура сферы услуг, удельный вес отдельных отраслей ее социально обусловлены, для капитализма характерен быстрый рост услуг, удовлетворяющий потребности сравнительно небольшой группы собственников средств производства, структура услуг при социализме подчинена задаче всестороннего развития личности каждого. Сфера общественного обслуживания включает в себя целый комплекс отраслей народного хозяйства. Одна группа отраслей связана с коммунально-бытовым обслуживанием, другая осуществляет социально-культурное обслуживание.

Коммунально-бытовое обслуживание характеризует обеспеченность населения коммунальными услугами (электричеством, газом, центральным отоплением и др.), сетью розничной торговли и общественного питания, пассажирским транспортом и связью, а также предприятиями бытового обслуживания (банями, прачечными, парикмахерскими, мастерскими по ремонту бытовых вещей и др.).

В зависимости от характера реализации услуг выделяются отрасли платного обслуживания, функционирующие на основе хозрасчета, и отрасли бесплатного обслуживания, издержки которых покрываются из госбюджета.

Как уже отмечалось, всемерное развертывание сферы обслуживания непосредственно способствует повышению жизненного уровня населения. Эта проблема многогранна и имеет ряд аспектов.

Сближение жизненного уровня сельского и городского населения находит свое выражение в более быстром развитии коммунально-бытового обслуживания в сельской местности, объем которого увеличится только за 1968 г. на 26%, а за пятилетие возрастет в 3,3 раза. Общий объем работ по бытовому обслуживанию увеличится в 1968 г. по сравнению с 1967 г. на 20%.

Всемерное развитие предприятий сферы обслуживания в восточных и северных районах Союза в определенной мере решает проблему закрепления кадров. На XXIII съезде КПСС отмечалось, что в целях создания благоприятных условий для жизни и труда населения и формирования постоянных кадров необходимо обеспечить в восточных и северных районах более высокие, чем в целом по стране, темпы жилищно-коммунального и культурно-бытового строительства.

По данным исследователей института экономики СО АН СССР за 1956-1960 гг., отток населения из Западной Сибири превышает приток. На 100 приехавших с юга выбыли в города

юга 135 человек, на Северный Кавказ — 107, в Закавказье — 130, в Среднюю Азию — 142 человека[1]).

Сфера общественного обслуживания выступает как один из факторов социалистического переустройства быта людей, ликвидации фактического неравенства женщин в быту. По наблюдениям экономистов, почти в половине семей женщины заняты домашним трудом в 1,5-2 раза, а в каждой третьей семье в 3-4 раза больше, чем мужчины[2]).

В. И. Ленин указывал, что для настоящего освобождения женщины требуется массовая переустройка мелкого домашнего хозяйства в крупное социалистическое. Сфера обслуживания как результат развитого разделения труда в свою очередь прогрессивно влияет на повышение общественной производительности труда, создавая условия для вовлечения в производство миллионов работников, занятых в домашнем и подсобном хозяйстве. По материалам Всесоюзной переписи 1959 г., домашнее хозяйство отвлекает 10% трудовых ресурсов. Причем большая часть людей, занятых в домашнем хозяйстве, в прошлом участвовала в общественном производстве и имела определенную квалификацию.

Использование этого резерва рабочей силы позволит увеличить выпуск продукции и значительно повысить производительность труда.

Степень развития социально-культурного и коммунально-бытового обслуживания определяет рациональную структуру не только внерабочего, но и подлинно свободного времени трудящихся. В суточном фонде времени при неизменном рабочем дне между временем, затрачиваемым на домашнее хозяйство, и свободным временем — обратная зависимость: чем меньше первая часть, тем больше вторая. Между тем «как для отдельного индивида, так и для общества всесторонность его развития, его потребления, его деятельности зависит от сбережения времени», — отмечал Маркс[3]).

Обеспеченность населения учебными заведениями, медицинскими, санитарно-курортными учреждениями, сетью культурного обслуживания (театрами, концертными залами, публичными библиотеками и др.) прямо влияет на рациональное исполь-

---

[1]) «Народное хозяйство СССР». Статистический сборник 1964 г. М., 1964, стр. 8.

[2]) А. А. Лабзин. Строительство коммунизма и устранение остатков неравенства в положении женщин. «Философские науки», 1965, № 1.

[3]) Архив Маркса и Энгельса, т. IV, стр. 119.

зование свободного времени. Особенно отчетливо это влияние заметно в связи с концентрациями свободного времени при переходе на пятидневную рабочую неделю.

В данной статье ставится задача проследить динамику развития некоторых видов коммунально-бытового обслуживания на примере Томской области.

Основой организации хорошо налаженного, экономного быта является благоустроенное жилье.

Решение жилищной проблемы в СССР поставлено партией как одна из первоочередных задач. Так, средний ежегодный прирост жилой площади в течение 1966-1970 гг. составит примерно 96 млн. м² против 79 млн. м² в 1961-1966 гг. Таких объемов жилищного строительства наша страна еще не знала. Жилищное строительство идет высокими темпами; только в 1966 г. построено жилья общей полезной площадью 102,1 млн. м² [1]; причем около 90% вновь построенной жилплощади оборудовано водопроводом, канализацией и центральным отоплением.

По числу построенных квартир вообще и количеству квартир на 1000 жителей СССР твердо занимает одно из первых мест по сравнению с развитыми капиталистическими странами (за исключением ФРГ, где на 1000 жителей приходится квартир несколько больше, чем в СССР). (См. табл. 1)[2].

Таблица 1.

Жилищное строительство в СССР и некоторых капиталистических странах

	Число квартир, построенных в отдельных странах (тысяч)	Число квартир на 1000 чел. населения в отдельных странах
СССР	2291	9,8
Англия	402,5	7,3
США	1252	6,4
ФРГ	586,2	10,2
Франция	414,4	8,4
Япония	934,2	9,4

[1]) «Страна Советов за 50 лет». М., 1967, стр. 245.
[2]) См. там же, стр. 246, 247.

В Томской области за последние годы (1960-1967 гг.) жилая площадь без индивидуальных застройщиков увеличилась на 1080 тыс. м², что почти в два раза больше всей жилой площади г. Томска в 1923 г. (585,4 тыс м²).

Особенностью нынешней пятилетки является рост жилищного строительства за счет средств предприятий и организаций, имеющих свои фонды на социально-культурные мероприятия и жилищное строительство в соответствии с решениями сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС. В Томской области предприятия, перешедшие на новые методы планирования и материального стимулирования, за 1967 г. на жилищное строительство израсходовали 41 тыс. рублей.

Наряду с государственными капитальными вложениями большое внимание уделяется кооперативному строительству жилья. Преимущество кооперативного строительства перед индивидуальным очевидно. Оно позволяет при наименьших затратах сил и средств получить в короткий срок квартиры со всеми бытовыми и коммунальными удобствами. В области созданы необходимые условия для поощрения жилищных кооперативов. Затраты по подготовке территории, прокладке дорог проводятся за счет государственных средств. Кооперативы обеспечиваются материалами и заключением договоров с подрядными организациями наравне с государственным жилищным строительством. В течение 1964-1965 гг. в г. Томске через кооперативное строительство было введено общей полезной площади 22231 м², в том числе жилой площади 15853 м², кооперативных домов за один 1967 г. за счет средств жилищно-строительных кооперативов построено 13,4 тыс. м² общей площади, в том числе 9,3 тыс. м² жилой.

В директивах XXIII съезда КПСС предусматривается оказывать всемерную помощь рабочим, служащим и колхозникам в строительстве домов за счет собственных средств. В течение 1960-1966 гг. в области прирост жилой площади в индивидуальных домах составил 415 тыс. м² или около 60 тыс. м² в среднем за год. Вместе с ростом жилой площади растет ее благоустройство. Так, если в 1960 год жилая площадь обор дованная водопроводом, составляла 27,5%, канализацией — 17,1%, горячим водоснабжением — 3,3%, ваннами и душами — 6,1% ко всей жилплощади, то в 1966 г. соответственно: 34,3%, 26,6%, 5,2%, 7,3%.

Протяженность коммунальной канализационной сети возрос-

ла с 19,6 км в 1961 г. до 50,8 в 1967 г.; прокладка коммунальной водопроводной сети — со 118 км в 1960 г. до 158 км в 1967 г.

Централизованное отопление в суровых условиях Сибири снимает огромные расходы как времени, так и средств по заготовке топлива (эти расходы в несколько раз выше, чем в европейской части Союза). Обеспеченность населения централизованным отоплением в 1966 г. по сравнению с 1960 увеличилась вдвое и составила 27,1% ко всей жилой площади.

В городе и области газифицировано 8127 квартир, в том числе 1863 квартиры на селе. Газификация жилой площади в течение 1960-1966 гг. возросла в 7 раз и составила 0,3% ко всей общей площади. О резком нарастании темпов газификации свидетельствуют данные 1967 г.: за год газифицировано 4400 квартир, в том числе в сельской местности — 1211 квартир.

Современный этап решения жилищной проблемы в стране характеризуется той особенностью, что намечено не только покончить с недостатком жилищ, но и поставлена задача создания благоустроенных квартир для посемейного расселения, увеличения площади и числа комнат в каждой квартире, создания микрорайонов. Если до начала массового жилищного строительства в домах старого типа получали отдельные квартиры примерно 30% семей, а остальные были квартирами совместного проживания, то теперь квартиры для заселения одной семьи составляют 90% и более. В основе многочисленных районов лежит стремление отделить жилую зону от производственной, создать сеть общественно-бытового обслуживания, исходя из минимальных затрат времени всех жителей на удовлетворение этих нужд. В Томске уже существует два микрорайона, застройка которых проведена в соответствии с этими принципами.

В области ведется большое жилищное строительство. И все-таки жилищный вопрос остается еще острым. Если в целом по Союзу на человека в городах приходится в среднем по 10 м² общей полезной площади, то в Томске несколько ниже — 8,5 м². Отстает от союзного уровня и степень благоустроенности жилья. Низка обеспеченность жильем студентов. Степень износа жилищного фонда в области выше, чем в целом по стране. Примерно половина домов, принадлежащих местным Советам, находится в хорошем техническом состоянии, остальные требуют капитального ремонта или сноса.

Между тем в условиях Томской области оптимальное решение жилищной проблемы необходимо не только с точки зрения

нормального воспроизводства рабочей силы, прогрессивной структуры внерабочего и свободного времени, но и с точки зрения стирания территориальных различий.

Однако планы по вводу жилплощади и капитальному ремонту из года в год не выполняются.

Не уделяется должного внимания развитию материально-технической базы предприятий коммунального хозяйства, в частности, затянуто сооружение блока очистных сооружений для городского водопровода, канализационных коллекторов. Такое отставание жилищно-коммунального строительства объясняется прежде всего недостаточной мощностью стройиндустрии и целым рядом других причин.

Материалы по изучению бюджетов внерабочего времени населения показывают, что 40-45% времени затрачивается на покупку продовольственных товаров, приготовление пищи и мытье посуды. Пути сокращения этих затрат могут быть двоякого рода: развертывание сети общественного питания и передачи части труда обобществленному производству (подготовка полуфабрикатов для продажи через магазины кулинарии) — с одной стороны, широкая механизация трудовых процессов по приготовлению пищи в домашних условиях (через использование кухонных комбайнов, электромясорубок, механических посудомоек и т. д.) — с другой. Причем последнее не является решающим условием для сокращения издержек труда в домашнем хозяйстве. Главное — обобществление домашнего труда через развитие сети общественного питания, которая обеспечивает громадную экономию материальных и трудовых ресурсов общества.

Ф. Энгельс писал: «...возьмем приготовление пищи, — сколько затрачивается зря места, продуктов и рабочей силы при современном раздробленном хозяйстве, когда каждая семья отдельно готовит нужное ей небольшое количество пищи, имеет свою отдельную посуду, нанимает отдельную кухарку, отдельно закупает на рынке, в зеленной, у мясника и у булочника. Можно смело предположить, что при общественном обслуживании легко было бы освободить две трети занятых этим делом рабочих»[1]).

В условиях социализма открываются возможности для быстрого продвижения по пути обобществления труда, ранее занятого в домашнем хозяйстве. Проследим это на примере Томской области. На конец 1966 г., по данным облстатуправления, предприятиями общественного питания изготовлено 105415

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2, стр. 542-543.

тыс. блюд, что почти в два раза превышает данные 1959 г. В среднем каждый житель области в 1966 г. посетил столовую 45 раз (если предположить, что его меню каждый раз состояло из трех блюд), а в 1959 г. — лишь 24 раза.

В течение 1959-1966 гг. в области наблюдалось расширение сети общественного питания, выразившееся не столько в увеличении числа предприятий (с 752 в 1959 г. до 810 в 1966 г.), сколько в увеличении числа посадочных мест. Если число предприятий увеличилось на 7,7%, то число мест — на 70% и число работающих на этих предприятиях на 40%.

В течение 1966 г. было построено 9 столовых на 938 посадочных мест и 5 предприятий реконструировано.

Эти данные говорят не только о количественном, но и качественном росте сети общественного питания, о концентрации на более крупных предприятиях с большим числом посадочных мест. В 1958 г. одно предприятие имело 27 посадочных мест, в 1966 г. — 32. Большие изменения произошли и в структуре сети общественного питания: число столовых, домовых кухонь и кафе увеличилось в полтора раза. Уменьшилось число буфетов и закусочных с 374 в 1959 г. до 271 — в 1966 г., хотя число мест в них увеличилось с 1907 до 2808, в основном исчезли «чайные» с продажей спиртных напитков. Увеличилось число предприятий с ассортиментом, пользующимся повышенным спросом у населения. В условиях Томской области к таким предприятиям относятся пельменные, блинно-пирожковые. Многие предприятия общественного питания имеют постоянные и приспособленные помещения, разнообразное и сложное тепловое, механическое и электрическое оборудование.

Так, за 1964-1966 гг. число холодильных установок увеличилось с 375 до 471.

Важным условием повышения эффективности общественного питания является приближение предприятий к месту работы и учебы основной массы людей. Это снимает необходимость приготовления горячих завтраков и обедов в семье, рационально используется время обеденного перерыва. Так, на промышленных

предприятиях г. Томска работает 118 столовых и буфетов с числом посадочных мест 4780, в течение последних 7 лет число школьных столовых в области возросло с 2 до 53, число посадочных мест в них — с 92 до 1926.

Увеличение доли продукции кухни в обороте общественного питания сопровождается изменением меню, возрастанием удельного веса молочных, овощных, рыбных и мясных блюд и снижением доли крупяных и макаронных изделий.

Таблица 2.

Структура товарооборота общественного питания

Наименование	ГОДЫ				
	1950	1955	1958	1963	1964
Товарооборот общественного питания	100	100	100	100	100
В том числе расход основных продуктов:					
мяса, птицы	4,9	8,4	9,4	14,6	15,8
рыбы и сельди	2,2	2,6	4,0	4,2	3,7
жиров	2,9	5,3	7,0	6,4	7,2
молока и молочных продукт.	0,4	1,8	6,2	7,9	8,1
овощей	0,9	1,5	1,4	2,0	2,2
крупы и бобовых	1,6	1,0	0,9	1,1	0,9
макаронных изделий	0,8	0,7	0,6	0,7	0,5

И все же предприятия общественного питания еще не стали основными очагами питания населения. Продовольственные товары реализуются главным образом через торговую сеть, минуя столовые. Так, товарооборот общественного питания по таким видам продуктов, как овощи, сахар, масло, молоко и молочные продукты, не достигает 10% ко всему товарообороту по этим продовольственным товарам. При этом необходимо учитывать, что подавляющее большинство жителей села потребляет продукты личного подсобного хозяйства, не учитывающиеся в общем товарообороте. Это объясняется недостаточным развитием сети общественного питания и пока еще лучшим качеством и дешевизной приготовления пищи в домашних условиях. Культура и

формы обслуживания не всегда соответствуют современным требованиям.

Для населения г. Томска, насчитывающего 300 тыс. человек, явно недостаточно 11700 посадочных мест, которые имеют предприятия общественного питания. Это всего 70% от нормы обеспечения населения общественным питанием. А обеспеченность учащейся молодежи составляет всего 25% нормы, если нормой считать 40 мест на одну тысячу населения.

В связи с переходом на пятидневную рабочую неделю особое значение приобретают общедоступные столовые, кафе и рестораны. В Томске всего 34 подобных предприятия, они имеют всего 1734 посадочных места. Это в основном мелкие предприятия, а стало быть их труднее механизировать и сделать рентабельными. Очень мало кафе, закусочных, работающих сезонно, в парках, скверах, в пригородных зонах отдыха трудящихся, на водных станциях и пляжах, а в зимнее время на катках, лыжных базах. Работниками общественного питания явно не освоены маршруты загородного отдыха трудящихся. Сеть общественного питания в Томске остро страдает от хронической нехватки квалифицированных кадров. Из общего числа работников в городе (3635 чел.) только шестая часть имеет специальное образование. Поварской состав в целом имеет низкий квалификационный разряд.

Важные изменения в существующие до сих пор взаимоотношения между столовыми и промышленными предприятиями вносит Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию и улучшению общественного питания», принятое в марте 1967 г. Предприятия и организации должны предоставлять для столовых, обслуживающих коллективы их работников, помещения, мебель, торговое, технологическое, холодильное и др. оборудование, силовую энергию и т. д. с отнесением издержек за свой счет.

Для удешевления общественного питания рабочих и служащих передовые предприятия страны в ходе внедрения хозяйственной реформы широко используют средства из фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства. Это очень действенная форма материального стимулирования. К сожалению, предприятия Томской области, перешедшие на новые условия работы, такую форму материального стимулирования еще не используют.

Большие резервы экономии труда таит в себе сама организация дела в общественном питании. Только передача части кухонного труда централизованным фабрикам-кухням повышает производительность труда по очистке картофеля на 36%, по приготовлению крупнокусковых полуфабрикатов из мяса в 1,5 раза, приготовлению мясных котлет — в 8,5 раза[1]).

В Томской области при переводе нескольких столовых на работу с мясными полуфабрикатами цены на блюда (по расчетам Томского треста столовых) изменились в следующем соотношении. Так, если цена при полном приготовлении тефтелей была 13 коп., поджарки — 24 коп. и пр., то при использовании полуфабрикатов цены соответственно понизились до 11 и 13 коп. Ясно, что использование полуфабрикатов ведет к удешевлению питания. Между тем имеющийся в г. Томске цех по переработке картофеля из-за отсутствия квалифицированных кадров и работы в одну смену используется не более чем на 40%.

Предприятия общественного питания недостаточно используют передовые формы, ускоряющие обслуживание: в наших столовых не прижились комплексные обеды, абонементы, не получилась доставка горячих обедов в цехи (так, в столовой № 1 Асиновского лесозавода сначала купили абонементы 3 рабочих на один месяц, впоследствии абонементы не купил ни один).

Признано целесообразным ограничивать ежедневное меню небольшим количеством первых и вторых блюд. Это обеспечивает лучшее качество приготовления пищи; но это не исключает, а требует планомерного изменения меню в течение недели, месяца. Изучение меню Тегульдетской районной столовой показало, что за 72 дня года приготовлялись: гуляш — 70 раз, котлеты — 67 раз, тефтели — 42, биточки, бигус — 1 раз. Естественно, что разнообразное домашнее питание обладает рядом преимуществ перед таким приготовлением пищи.

Из года в год не выполняются планы по вводу в действие предприятий общественного питания: так, в 1966 г. по плану в городе Томске должно быть построено 16 столовых на 1350 мест, открыто 9 на 938 посадочных мест.

До недавнего времени среди отраслей обслуживания наименее развитым было бытовое обслуживание. В результате мер, принятых партией и правительством в последние годы (Поста-

[1]) **Д. В. Павлов.** Советская торговля в современных условиях. М., 1965, стр. 117.

новления ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1959, 1962, 1965 и 1967 гг.) бытовое обслуживание в стране неуклонно развивается: увеличивается объем услуг, возникают новые формы обслуживания, совершенствуется их отраслевая структура, улучшаются качественные показатели работы предприятий быта, снижаются отпускные цены на услуги и т. д.

В нашей области также проделана большая работа по совершенствованию и развитию бытового обслуживания. Объем промышленных видов бытовых услуг возрос в течение семилетки (1959-1965 гг.) на 71%, в том числе: в городе — на 74%, в сельской местности — на 62%, непромышленных видов в целом по области — на 67%, в том числе: в городе прирост равен 48%, в сельской местности объем данных услуг возрос в 2,2 раза. Среднегодовые темпы роста за эти годы по промышленным видам услуг по области равны 10%, втом числе в городе — 10,5%, в селе — 9%; непромышленных видов в целом по области — 9%, в том числе: в городской местности — 7%, в сельской — 30%.

Особенно быстрые темпы бытовое обслуживание набирает в годы текущей пятилетки. в течение 1966-1967 гг. объем промышленных видов услуг ежегодно возрастал на 17%, непромышленных на 12%.

Нельзя не отметить ту особенность, что среднегодовые темпы развития бытового обслуживания превышают темпы роста промышленного производства в области.

Изменяется и совершенствуется отраслевая структура бытовых услуг (см. табл. 3).

Структура промышленных видов услуг изменяется в сторону повышения доли ремонта сложных бытовых приборов, ремонта и изготовления мебели. Эти прогрессивные изменения связаны с увеличением в общем объеме товарооборота удельного веса электро-радиотоваров, бытовой техники. Вместе с тем возрастание производства трикотажа и обуви явно свидетельствует о недостаточной насыщенности спроса на промышленный трикотаж и обувь.

Среди непромышленных видов бытового обслуживания наблюдается значительное увеличение удельного веса услуг по ремонту квартир и «прочих бытовых услуг». Рост последних обусловлен популярностью таких новых видов, как «прокат предметов культурно-бытового назначения» и «бюро добрых услуг».

Расширилась сеть предприятий быта, их общее число на 1 июля 1967 г. достигло 814 и возросло по сравнению с 1959 г.

Таблица 3.

Структура бытовых услуг

Наименование видов бытовых услуг	Удельный вес отдельных отраслевых групп в их общем объеме (в процентах)				
	1959	1961	1963	1965	1966
Промышленные виды бытовых услуг	100	100	100	100	100
В том числе:					
1. Ремонт и индпошив одежды	74	69	67	54,7	53,4
2. Ремонт и индпошив обуви	7	6,7	7	8	8,1
3. Ремонт металлоизделий, технически сложных бытовых машин и приборов	10,0	12,0	16,0	16,8	16,5
4. Химчистка и крашение	0,8	1,2	2,6	2,4	2,8
5. Ремонт и индпошив, вязка трикотажа	—	—	—	5,6	5,4
6. Ремонт и изготовление мебели	0,5	0,4	0,8	2,0	2,3
7. Прочие виды промышленных услуг	6,0	5,0	4,5	7,8	8,5
8. Прачечные	0,6	5,0	5,0	3,0	3,0
Непромышленные виды бытовых услуг					
В том числе:					
1. Бани	44,4	40,0	41,5	38,2	37,5
2. Парикмахерские	38,8	40,5	38,0	36,6	33,7
3. Фотографии	15,5	17,0	18,0	16,8	16,3
4. Ремонт квартир	—	—	0,8	0,8	1,7
5. Прочие	1,3	2,3	1,6	7,4	10,5

на 57%. Вместе с количественным ростом произошли характерные качественные изменения: созданы производственные объединения («Томскодежда») и крупные предприятия, специализирующиеся на оказании населению определенных видов услуг (головной завод по ремонту бытовой техники, фабрика по ремонту и изготовлению обуви, кожгалантереи).

Концентрация и специализация бытового обслуживания сопровождалась увеличением числа территориально обособленных приемных пунктов (с 10 в 1959 г. до 35 в 1966 г.). Это позво-

ляет приблизить предприятия быта к месту работы и жительства населения.

В большинстве колхозных и совхозных поселков организованы комнаты быта (где нет комбинатов или домов бытового обслуживания), в них по определенному расписанию, утвержденному облисполкомом, работают выездные бригады бытового обслуживания.

Полнее стала номенклатура оказываемых услуг, в течение 1965-1967 гг. освоено 18 новых наименований среди которых обслуживание личного транспорта населения, заправка шариковых авторучек, изготовление грампластинок, вспашка личных огородов и т. п.

В то же время служба быта в области явно переживает трудный период становления. В 1966 г. объем бытовых услуг на одного жителя у нас составил 8 руб. 91 коп., это ниже средних показателей по РСФСР и областей-соседей. Областное бытовое обслуживание, развиваясь относительно быстрыми темпами, не выходит на запланированные рубежи (годовой план 1965 г. выполнен на 95%, 1966-1967 гг. — на 99%. Причем, если в целом по РСФСР поставлена и успешно разрешается задача ускоренного развития промышленных видов обслуживания на селе по сравнению с городским, то в Томской области сельское бытовое обслуживание еще не набрало необходимых темпов.

Низко качество выполняемых работ, велики сроки их исполнения. Это обусловлено недостаточным количеством [illegible] ых предприятий (так, в соответствии с установленными нормативами на 1000 человек, в парикмахерских Томска должно быть 462 рабочих места, имеется 158), непродуманностью и случайностью их размещения (большинство из них расположено в центре, а в новых жилищных массивах, например, заводов электромеханического и режущих инструментов, их почти нет). Планы по вводу в действие предприятий бытового обслуживания из года в год не выполняются, так как не обеспечиваются фондами строительных материалов. В некоторых районных центрах имеется достаточная сеть бытовых предприятий, но они не могут представить полного ассортимента бытовых услуг (Шегарский, Молчановский КБО). Недостаточно материально-техническое снабжение запланированного объема обслуживания, например, потребности бытовых предприятий в запасных частях к велосипедам, мотороллерам, телевизорам, холодильникам. Прокатные пункты не имеют необходимых бытовых машин, автотранспорта.

В специфических условиях нашей области территориально крупные и редконаселенные районы, часть которых имеет хорошее сообщение с областным центром только в период навигации, использование такой организации бытового обслуживания, как выездные бригады, связано с наличием транспорта. Между тем даже в г. Томске бытовые предприятия, как правило, не могут представить автотранспорт для доставки тяжелых бытовых приборов. Слабо поставлена реклама службы быта, особенно на селе. Население зачастую не информировано о месте расположения и перечне услуг, часах работы; отсутствие хорошей рекламы является одной из причин недостаточной загруженности выездных бригад обслуживания.

Среди части хозяйственных руководителей укоренилась недооценка бытового обслуживания, некоторые бригады и колхозные поселки не имеют постоянных комнат быта, прием заказов ведется в случайных помещениях.

Таким образом, хотя за последние годы в Томской области многое сделано для улучшения коммунально-бытового обслуживания населения, все же уровень обслуживания еще значительно отстает от возросших требований.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
имени ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

№ 25 1969

К ВОПРОСУ О ДВУХ ВИДАХ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

В. М. ФИЛОНИН

Четкое представление о путях развития и совершенствования отношений распределения при социализме на пути превращения их в коммунистические имеет большое как теоретическое, так и практическое значение.

При рассмотрении данной проблемы мы исходим из марксистско-ленинского положения примата производства над распределением; вместе с тем учитываем, что распределение как фаза воспроизводства не является пассивным моментом, оно в свою очередь оказывает влияние как на само производство, так и на потребление. К. Маркс, раскрывая сущность распределения, писал: «Структура распределения полностью определяется структурой производства. Распределение само есть продукт производства — не только по содержанию, ибо распределяться могут только результаты производства, но и по форме, ибо определенный способ участия в производстве определяет особую форму распределения, форму, в которой принимают участие в распределении»[1]).

При капитализме рабочая сила соединяется со средствами

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 12, стр. 721.

производства на основе частной собственности, в силу чего средства производства превращаются в средства эксплуатации чужого труда.

При социализме же соединение рабочей силы со средствами производства осуществляется на основе общественной собственности, поэтому средства производства выступают как средства наиболее полного удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей членов социалистического общества.

Вместе с этим социалистические производственные отношения характеризуются наличием неантагонистического противоречия: равенства членов общества между собой как собственников средств производства и неравенства их в пользовании средствами производства. Неравенство в пользовании средствами производства обусловлено определенными объективными условиями, прежде всего уровнем развития материально-технической базы и культурно-техническим уровнем производителей, следовательно, каждый производитель материальных благ не может пользоваться любыми средствами производства, а только теми, которые может предоставить ему общество на каждом данном этапе своего развития и которыми может пользоваться производитель исходя из своего культурно-технического уровня, опыта и знаний. Данное противоречие находит свое выражение в возможном равенстве использования своих способностей к труду и неравенства в результатах своего труда. Это противоречие оказывает свое влияние на распределение.

Разный уровень технического оснащения отраслей народного хозяйства, также наличие неодинаковых способностей, различного уровня знаний и опыта производителей объективно обусловливает различия между тяжелым и легким, простым и сложным, физическим и умственным трудом, трудом в промышленности и сельском хозяйстве. Подобные различия в труде приводят к различиям количественной и качественной определенности, которые объективно обусловливают необходимость в дифференциации оплаты труда в соответствии с его количеством и качеством. В этом, собственно, и проявляется одно из неантагонистических противоречий в распределении материальных благ. Принцип уравнительного распределения независимо от трудовых усилий людей для эпохи социализма не приемлем, ибо он подрывал бы важнейшие основы развития производства: рост производительности труда, повышение квалификации ра-

ботников, материальную заинтересованность. От уравнительного способа распределения выиграли бы только лодыри и тунеядцы и проиграли бы работники, хорошо и честно работающие.

Следовательно, распределение материальных благ нужно осуществлять по такому принципу, который бы обеспечил развитие производительных сил по пути прогресса, был бы стимулом роста производительности труда как важнейшего фактора роста материальных благ, необходимых на каждом данном этапе коммунистического строительства для наиболее полного удовлетворения растущих материальных и культурных потребностей членов общества, т. е. обеспечивал бы воспроизводство рабочей силы и всестороннее развитие личности. Таким принципом является принцип распределения по труду.

Ф. Энгельс, имея в виду социалистическое общество, писал: «Распределение, поскольку оно управляется чисто экономическими соображениями, будет регулироваться интересами производства, развитие же производства больше всего стимулируется таким способом распределения, который позволяет всем членам общества как можно более всесторонне развивать, поддерживать и проявлять свои способности»[1]).

Данное положение Энгельса применимо к распределению по труду. Принцип распределения по труду, когда труд еще не стал первой жизненной потребностью, обеспечивает материальную заинтересованность работников в развитии производства, росте производительности и результатов своего труда, в наиболее полном проявлении своих способностей, в повышении культурно-технического уровня, в добросовестном и сознательном отношении к труду и во всеобщем вовлечении трудоспособного населения в общественное производство.

В настоящее время, когда во все отрасли народного хозяйства внедряется хозяйственная реформа, разумное использование принципа распределения по труду в зависимости от его количества и качества и независимо от пола и возраста, расы и национальности приобретает особо важное значение.

Научно обоснованное использование экономических рычагов, обусловливающих материальную заинтересованность каждого работника в отдельности и коллективов предприятий в целом, будет способствовать росту моральной заинтересованности. А на основе правильного сочетания материальных и моральных стимулов, а также других факторов совершенствования произ-

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 201.

водства будет достигнута высокая рентабельность и увеличен выпуск продукции высокого качества.

Таким образом, распределение по труду обусловливает материальную заинтересованность в развитии производства и в результатах своего труда, а также выполняет функцию воспроизводства рабочей силы.

Уровень развития производительных сил и характер производственных отношений обусловливает собой не только распределение по труду, но и другой вид распределения — распределение через общественные фонды потребления.

Чем объясняется, на наш взгляд, необходимость распределения через общественные фонды потребления?

Распределение через общественные фонды потребления всецело определяется интересами развития производительных сил по пути к коммунизму.

Основная масса средств, идущая через общественные фонды потребления, используется для создания равных социально-экономических условий, необходимых для всестороннего развития и проявления способностей подрастающего поколения.

Распределение через общественные фонды потребления является средством разрешения неантагонистического противоречия между равенством членов общества как владельцами средств производства и неравенством в их использовании.

Если допустить, что те средства, которые распределяются через общественные фонды потребления, распределялись бы между членами общества в дополнение к распределению по труду, то можно прямо сказать, что значительная часть членов общества использовала бы их далеко не по целевому назначению (просвещение, здравоохранение и т. д.), а на другие нужды. В результате этого стирания социально-экономических различий в труде затягивалось бы, тормозилось бы и развитие производительных сил по пути к коммунизму.

Распределение через общественные фонды потребления позволяет расходовать средства строго по целевому назначению, а коллективное потребление их открывает возможности у подрастающего поколения развивать такие важные качества человека будущего, как чувства товарищества и коллективизма.

Возникновение, становление и развитие этих двух видов рас-

пределения относятся к одному времени и по своему существу они не исключают друг друга, а взаимно дополняют.

Если распределение по труду обусловливает материальную и моральную заинтересованность каждого индивидуума в развитии производства и имеет своей главной функцией воспроизводство рабочей силы, то распределение через общественные фонды потребления способствует развитию не только материальной и моральной заинтересованности индивидумма, коллектива, но и общества в целом. Этот вид распределения обусловливает не только простое воспроизводство рабочей силы, но и «создание экономических условий, достаточных для постепенного, но возможно более быстрого стирания социально-экономических различий в уровне развития способностей в процессе всестороннего развития всех членов общества»[1]).

Далее общественные фонды потребления способствуют некоторому экономическому выравниванию уровня жизни трудящихся. Так, из материалов анкетного обследования 1967 г. в г. Свердловске, мы видим, что в семьях с меньшим денежным доходом и большим количеством членов семьи поступления из общественных фондов потребления больше, чем в семье с большим заработком и меньшим количеством членов семьи.

«За счет общественных фондов потребления, — пишут Д. Стадухин и М. Хаверсон, — материальная обеспеченность семей с меньшим достатком повышается в значительно большей степени, чем семей более обеспеченных».

Например (авторы распределили все семьи по уровню дохода на 10 групп), в семьях I-III гр. (менее обеспеченных) оно увеличивается на 46,4%; IV-VII групп (средне обеспеченных) — на 19,7%; VIII-X групп (более высокой обеспеченности) — 11,5%[2]).

Итак, распределительные отношения при социализме характеризуются наличием двух видов распределения материальных и культурных благ, необходимых для нормальной жизнедеятельности и всестороннего развития всех членов социалистического общества. Несмотря на это, второму виду распределения, распределению через общественные фонды потребления, в нашей экономической литературе до XXI съезда КПСС уделялось крайне мало внимания, и только после XXI съезда КПСС разра-

[1]) **Б. В. Ракитский.** Общественные фонды потребления как экономическая категория. М., 1966, стр. 21.

[2]) **Д. Стадухин, М. Хаверсон.** Общественные фонды потребления и жизненный уровень населения. «Экономические науки», 1967, № 12, стр. 32.

ботка проблем, связанных с распределением через общественные фонды потребления, приняла весьма активный характер. За последние 8-10 лет написано значительное количество работ, только за 1959-1964 гг., по подсчетам Л. С. Глязера, было опубликовано более 600 работ. Наиболее содержательными работами в этой области как с точки зрения постановки проблемы, так и по убедительности научной аргументации и обобщениям, являются работы Б. В. Ракитского, А. Фаризова, Л. С. Глязера, Н. И. Бузлякова и целый ряд других работ[1]). Исследования в этой области продолжаются и в настоящее время. Актуальность данной проблемы особых доказательств не требует, она целиком вытекает из той функции, которую выполняет распределение через общественные фонды потребления. Важность и сложность данной проблемы вполне очевидна. И от того, как будут совершенствоваться распределительные отношения через общественные фонды потребления в сочетании с распределением по труду, от этого во многом будет зависеть успешное разрешение задач, связанных с коммунистическим строительством.

На сегодняшний день, несмотря на отдельные результаты в исследовании данной проблемы, среди советских экономистов отсутствует единство взглядов по такому вопросу: является ли распределение через общественные фонды потребления коммунистическим или социалистическим способом, нет ясности и в определении самой сущности общественных фондов потребления. Совершенно ясно, что правильное понимание выше затронутых аспектов данной проблемы имеет большое теоретическое и практическое значение. В связи с этим и хочется высказать некоторые соображения. Начнем с того, существует ли при социализме два способа распределения или это просто две формы одного экономического закона распределения при социализме?

Некоторые экономисты утверждают, что распределение по труду и через общественные фонды потребления есть две формы одного экономического закона распределения, но подобный за-

[1]) **Б. В. Ракитский.** Общественные фонды потребления как экономическая категория. М., 1966.

А. Фаризов. Экономическая природа общественных фондов. Изд. «Казахстан», Алма-Ата, 1966.

Л. С. Глязер. Некоторые вопросы методологии планирования общественных фондов потребления. Изд. «Экономика». М., 1966.

Н. И. Бузляков. Общественные фонды потребления. М., 1964.

кон они представляют совершенно умозрительно, не пытаясь дать определения сущности этого закона. А раз мы не знаем сущности экономического закона распределения, то как можно говорить что этот закон, с одной стороны выступает в форме распределения по труду, с другой, — в форме распределения через общественные фонды потребления, где значительная часть средств распределяется вне зависимости от количества и качества труда. Думается, что считать два вида распределения как две формы экономического закона распределения, сущность которого остается неизвестна, не представляется возможным, ибо вся форма предполагает определенное содержание.

До недавнего времени среди некоторых экономистов (С. К. Гурьянов, В. И. Докукин и др.) была и такая точка зрения, что при социализме существует только один способ распределения — распределение по труду, тем самым заведомо игнорировался факт реальной действительности — распределение через общественные фонды потребления. Другие экономисты утверждают, что распределение через общественные фонды возникает только в переходный период от социализма к коммунизму и неприсуще периоду становления и развития социалистического способа производства. Еще задолго до победы Великой Октябрьской социалистической революции классики марксизма-ленинизма предвидели, что при социализме, кроме основного принципа распределения по труду, будут и другие виды распределения.

Маркс в «Критике Готской программы» указывает, что кроме фонда личного потребления, который должен распределяться по труду с учетом его количества и качества, необходимо выделить фонд для содержания нетрудоспособных и для совместного удовлетворения потребностей (школы, здравоохранение и т. д.), который также должен распределяться между членами общества[1]).

Если мы обратимся к периоду становления и развития социалистических производственных отношений, то увидим, что во всех странах, строящих социализм, распределение материальных и культурных благ осуществляется двумя способами: по труду и через общественные фонды. Доказательством этого является не только рост и совершенствование оплаты по труду, но и увеличение объема средств, выплачиваемых через общественные фонды потребления. Данное положение подтверждается

[1]) К. Маркс. Критика Готской программы. М., 1948, стр. 12-13.

следующими показателями роста выплаты через общественные фонды потребления в СССР.

Таблица 1.

Показатели роста выплаты через общественные фонды потребления в СССР

	1927—28	1940	1950	1960	1965	1970
						план
млрд. руб.	0,2	4,6	13,0	27,0	41,5	60,0
на душу населения						план
(руб.)	1,3	23,5	72,2	127,5	177,9	240

Таким образом, классики марксизма-ленинизма теоретически обосновали, а практика в ходе социалистического и коммунистического строительства подтвердила, что при социализме существует два вида распределения, два самостоятельных и в то же время диалектически взаимосвязанных экономических явления: распределение по труду и через общественные фонды потребления. Причем эти два вида распределения имеют как общие черты, так и то, что их различает. Общим является то, что в основе их возникновения и развития лежит общественная собственность, что распределение осуществляется во имя интересов общества и каждого члена в отдельности. Различия сводятся к тому, что распределение по труду находится в прямой зависимости от количества и качества затраченного труда, всего распределяемого продукта по труду. А при распределении через общественные фонды потребления только часть средств распределяется в зависимости от затраченного труда, значительная же часть распределяется независимо от затрат труда, т. е. бесплатно, без обмена на труд.

Если распределение по труду в основном обеспечивает воспроизводство рабочей силы, то распределение через общественные фонды потребления главным образом обеспечивает постепенное стирание различных экономических условий для развития способностей членов общества.

Многие экономисты, исходя из того факта, что значительная часть общественных фондов потребления распределяется бесплатно, считают данный способ распределения коммунисти-

ческим, особенно то, что касается расходов на здравоохранение и просвещение. Так ли это на самом деле?

Действительно, за счет роста объема общественных фондов потребления, за счет совершенствования их распределения за 50 лет Советской власти в нашей стране достигнуты небывалые успехи. Наша страна превратилась в страну сплошной грамотности. В текущем пятилетии поставлена задача перейти в основном ко всеобщему среднему образованию. По выпуску инженеров и техников, по качеству их подготовки мы занимаем первое место в мире; абсолютное большинство населения получает бесплатную медицинскую помощь и т. п. Вместе с этим, исходя из сущности коммунистического принципа распределения по потребностям, мы не можем считать, что каждый член общества удовлетворяет свои потребности в соответствии с коммунистическим принципом. Дело в том, что в области здравоохранения еще недостаточное количество койко-мест, чтобы удовлетворить потребности всех членов общества в стационарном лечении, нет еще достаточного количества специалистов-врачей по оказанию квалифицированной медицинской помощи на периферии.

Как мера ограничения в оказании медицинской помощи и лечения трудящихся имеются ведомственные медучреждения, и если к этому добавить, что в целом ряде крупных городов функционируют платные поликлиники и разрешена частная практика врачей, то станет ясно, что удовлетворение потребностей через систему здравоохранения в полной мере коммунистическим признать нельзя. То же самое и в области просвещения (конкретно в системе среднего специального и высшего образования) количество членов, испытывающих потребности получить среднее специальное и высшее образование значительно больше, чем общество имеет возможность удовлетворить эту потребность. Поэтому конкурсы, проводимые при поступлении в средние специальные и высшие учебные заведения, являются своеобразной мерой ограничения в удовлетворении потребностей в образовании с отрывом от производства. Правда, значительной части желающих получить среднее специальное и высшее образование приходится учиться на вечерних факультетах (отделениях) или заочно. Подобное совмещение не всем под силу, следовательно, не все, кто желает учиться в среднем специальном и высшем учебном заведениях, могут удовлетворить свои потребности. И если учесть, что дети обучаются в платных специальных школах (детских музыкальных, детских спортивных), то и

распределение через систему просвещения полностью не является коммунистическим.

Распределение через общественные фонды потребления есть социалистический способ распределения, но он, безусловно, содержит в себе элементы коммунистического способа рапределения, которые получат свое полное развитие лишь при полном коммунизме.

О сущности распределения через общественные фонды потребления существуют также различные точки зрения. Их можно свести к следующим:

1. Общественные фонды потребления есть часть совокупного общественного продукта или национального дохода, которая, по мнению одних экономистов, распределяется независимо от количества и качества труда, по мнению же других, только часть распределяется вне зависимости от труда, а другая часть — в зависимости от труда.

2. Общественные фонды потребления есть часть национального дохода и услуг, которая в значительной части распределяется также независимо от количества и качества труда, или по мнению других, часть распределяется в зависимости от труда.

На наш взгляд, первая точка зрения не согласуется с факторами реальной действительности, поэтому не может быть признана правильной. По своей величине общественные фонды потребления всегда больше той части национального дахода, которая поступает для распределения через эти фонды на сумму труда, затраченного на услуги, которые также распределяются через эти фонды. Нельзя признать верным и то, что все общественные фонды распределяются независимо от труда. Значительная часть общественных фондов потребления распределяется в зависимости от затрат труда, причем зависимость наблюдается двоякого рода: прямая (пенсии, пособия по беременности и родам, а также временной нетрудоспособности) и обратная (детские сады, ясли и др.). Далее, в настоящее время мы все больше встречаемся с тем фактом, когда предпочтение в получении бесплатных или льготных путевок для отдыха и квартир отдается передовикам производства.

Следовательно, более правильной нужно признать вторую точку зрения и именно ту ее часть, где речь идет об общественных фондах потребления как части национального дохода и услуг и что распределяются они в значительной части своей не-

зависимо от количества и качества труда и только часть в зависимости от труда.

В целом эта точка зрения, по нашему мнению, полностью не раскрывает сущности общественных фондов потребления, ибо здесь не нашла своего отражения главная функция этого вида распределения. Поэтому, не претендуя на окончательное решение данного вопроса, нам представляется, что наиболее правильным определением сущности общественных фондов потребления может быть следующее.

Общественные фонды потребления — часть национального дохода и услуг, которые большей частью распределяются бесплатно и частью в зависимости от количества и качества затраченного труда не только для воспроизводства рабочей силы, а главным образом для ликвидации социально-экономических различий в развитии способностей и воспитания человека будущего.

В предстоящий период, исходя из решений XXII и XXIII съездов КПСС, «главным направлением в повышении доходов трудящихся должен быть рост денежной заработной платы рабочих и служащих, увеличение оплаты труда в общественном хозяйстве колхозов»[1]), то есть основным источником удовлетворения материальных и культурных потребностей будет оплата по труду; вместе с этим все больше будет удовлетворяться потребность через общественные фонды потребления, темпы роста которых значительно превысят темпы роста индивидуальной оплаты по труду, и к 1980 г. «общественные фонды потребления будут по своей сумме составлять примерно половину всей суммы реальных доходов населения»[2]).

Следовательно, в перспективе соотношение двух видов распределения будет меняться в пользу общественных фондов потребления, причем это будет сопровождаться как совершенствованием оплаты по труду, так и рационализацией структуры и направлений в использовании средств через общественные фонды потребления.

Итак, в ходе выяснения сущности и особенности двух видов распределения возникает вопрос о том, в каком соотношении

---

[1]) Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966, стр. 61.
[2]) Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961, стр. 393.

они должны выступать, т. е. какова должна быть их оптимальность, чтобы обеспечить неуклонный рост общественного производства и повышение материального и культурного благосостояния людей. Поэтому проблема оптимальности двух видов распределения имеет огромное теоретическое и практическое значение, является весьма актуальной и заслуживает самостоятельного изучения.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
имени ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

№ 25 1969

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФОНДОВ ПОТРЕБЛЕНИЯ

В. М. ФИЛОНИН

Строительство коммунистического общества связано не только с бурным развитием производительных сил, но и совершенствованием экономических отношений, одной из важных сторон которых являются распределительные отношения.

Распределительные отношения при социализме характеризуются наличием двух способов распределения: распределения по труду и через общественные фонды потребления. Интересы строительства коммунизма требуют не только неустанного совершенствования распределения по труду в связи с дальнейшим ростом и совершенствованием общественного производства, но и совершенствования распределения через общественные фонды потребления (объем которых в перспективе будет расти все более быстрыми темпами) путем улучшения структуры общественных фондов потребления, разумного и постоянно контролируемого расходования средств строго по целевому назначению.

Два вида распределения нуждаются не только в постоянном совершенствовании, но и в научно обоснованном их сочетании на основе ленинского принципа материальной заинтересованности, что должно, с одной стороны, обеспечить рост общественного производства и благосостояния народа и, с другой — исключить

возможность иждивенческих настроений и попытки отдельных людей жить за счет общества.

Одним из важных аспектов распределительных отношений при социализме как в теоретическом, так и в практическом планах является четкое определение источников общественного фонда потребления. Правильное понимание и уяснение экономической природы общественного фонда потребления позволяет глубже проникнуть в экономические явления, более правильно представить те отношения, которые проявляются через общественные фонды потребления. Вопрос об источниках общественного фонда потребления является дискуссионным и, несмотря на определенные успехи, достигнутые в ходе дискуссии в решении этого вопроса, все же полного единства нет.

До сих пор среди экономистов идет спор о том, что считать источником общественного фонда потребления: необходимый или прибавочный продукт или тот и другой вместе взятые? Необходимый и прибавочный продукт есть результат деления труда и продукта в сфере материального производства. Они являются составными частями национального дохода.

И если исходить из того, что источником общественного фонда потребления является необходимый или прибавочный продукт, или тот и другой вместе взятые, то мы вынуждены признать, что общественный фонд потребления по своему составу, объему является только частью национального дохода, а это будет верным только к части общественного фонда потребления. А куда отнести ту массу труда, которая затрачена на производство услуг, идущих на удовлетворение личных потребностей?

Конечно, мы исходим из того, что продукт сферы материального производства занимает в общественном фонде потребления определяющее положение, но вместе с этим он не является единственным. Общественный фонд потребления по своему объему больше той части национального дохода, которая поступает в общественный фонд потребления как раз на ту сумму затрат работников сферы услуг, которая включается в общественный фонд потребления.

Таким образом, если рассматривать источники общественных фондов с точки зрения необходимого или прибавочного продукта или то же самое с точки зрения национального дохода то анализ данной проблемы будет односторонним и не будет соответствовать реальной действительности.

Тем не менее часть экономистов считает, что единственным

источником общественных фондов потребления является труд, затраченный в сфере материального производства, поэтому и общественные фонды потребления представляют собой только часть национального дохода. Что касается услуг (здравоохранение, просвещение), которые распределяются через общественный фонд потребления, то они в расчет не принимаются как результат труда сферы нематериального производства. А по сему и отношения между производителями материальных благ и услуг невольно выступают как отношения кормильцев и иждивенцев. Другие считают, что источником общественного фонда потребления является как труд, затраченный в сфере материального производства, так и труд, затраченный в сфере услуг, и что отношения между работниками этих сфер складываются на равной основе эквивалентного обмена своей трудовой деятельностью и характеризуются сотрудничеством и взаимопомощью.

Мы разделяем последнюю точку зрения, ибо она отражает факт реальной действительности и помогает глубже вникнуть в сущность данного экономического явления. Распределение через общественный фонд распределения — есть распределение потребительских благ, необходимых для удовлетворения различных потребностей человека.

Известно, что всякий производитель материальных благ, занимаясь производством какого-то одного вида продукта, не может этим продуктом удовлетворить все свои потребности. И чтобы удовлетворить их, он нуждается в массе других продуктов человеческого труда, которые производят другие производители материального производства, а все другие производители прямо или косвенно нуждаются в продукте труда первого производителя материального производства. Таким образом, между производителями материального производства должен происходить эквивалентный обмен продуктами своего труда, т. е. они работают друг на друга.

Но чтобы удовлетворить все потребности: физические, интеллектуальные и социальные, производители сферы материального производства, очевидно, нуждаются не только в материальных благах, но и в различного рода услугах, тоже не менее реальных потребительских благах, которые они могут получить только от работников сферы услуг. А работники сферы услуг в свою очередь не менее остро нуждаются в материальных благах. Здесь, как и в первом случае, мы видим эквивалент-

ный обмен между работниками двух сфер человеческой деятельности.

«Здесь господствует тот же принцип, — писал Маркс, — что при обмене товарными эквивалентами — известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой»[1]).

Причем одни услуги работники сферы материального производства получают за плату, другие бесплатно. Платные услуги производители материальных благ оплачивают за счет заработной платы как части и одной из форм необходимого продукта. Бесплатные услуги оплачиваются обществом за счет обобществленной части необходимого продукта, которую общество удерживает в своих руках. Существо дела от этого не меняется, функциональное назначение услуг то же самое — удовлетворение потребностей с целью воспроизводства рабочей силы и всестороннего развития личности.

«Если я покупаю услуги учителя... — писал Маркс, — то издержки на это обучение, подобно издержкам на мое содержание, входят в издержки содержания моей рабочей силы»[2]).

Из сказанного следует, что для удовлетворения различных потребностей членов общества необходимы как материальные блага, созданные в сфере материального производства, так и услуги, созданные в сфере нематериального производства.

Данный вывод можно проиллюстрировать, если более детально развернем пример Н. Г. Смирнова[3]).

Все затраты человеческого труда мы объединяем в сферу человеческой деятельности (т. е. сюда включаем и сферу услуг). Далее предположим, что во всей сфере человеческой деятельности затрачено 2000 чел-час (цифры берем условно). Затем сферу человеческой деятельности делим на сферу материального производства, где затрачено 1700 чел-час., и сферу услуг с затратами 300 чел-час. живого труда.

Результатом труда сферы материального производства является совокупный общественный продукт, равный 1700 чел-час. Совокупный общественный продукт в свою очередь распадается на фонд возмещения 1000 чел-час. и национальный доход 700 чел-час.

1) **К. Маркс и Ф. Энгельс.** Сочинения, изд. 2, М., 1962, т. 19, стр. 18-19.
2) **К. Маркс и Ф. Энгельс.** Сочинения, изд. 2, М., 1962, т 26, стр. 414-415.
3) **Н. Г. Смирнов.** О необходимом продукте при социализме. Вопросы политэкономии социализма, вып. 2, изд. ТГУ, Томск, 1963, стр. 72-73.

Результатом деятельности сферы услуг является определенное количество услуг, на которые затрачены 300 чел-час. живого труда. Таким образом, всего вновь затраченного труда в сфере человеческой деятельности 1000 чел-час. Национальный доход в свою очередь распределяется на фонд накопления 100 чел-час и фонд потребления 600 чел-час., кроме этого в фонд потребления поступают услуги на 300 чел-час. Следовательно, общий фонд потребления будет равен 900 чел-часам, который в последнем счете расходуется на оплату труда работников обеих сфер, на развитие культуры, на социальное обеспечение, просвещение и здравоохранение, оборону страны.

Теперь можно проследить обмен результатов человеческой деятельности результатами затрат труда сферы материального производства и сферы услуг. Допустим, что каждый чел-час труда, вложенный в сферу человеческой деятельности (700 чел-час. в материальное производство и 300 чел-час. в сфере услуг), будет оплачен одинаково — по 0,9 денежной единицы. Исходя из этих данных, мы можем рассчитать, сколько материальных благ пойдет на удовлетворение потребностей работников материального производства и работников сферы услуг.

Далее, чтобы уяснить количественную определенность как для работников сферы материального производства, так и для работников сферы услуг, определим стоимость продукта сферы материального производства как отношение 600:1000 = 0,6 денежных единиц, а стоимостное выражение единицы услуг как отношение 300:1000 = 0,3 денежной единицы.

Исходя из этого, мы видим, что работники материального производства на свои затраченные 700 часов труда получают материальных благ на 420 денежных единиц (700 чел-час. × 0,6 денежных единиц), кроме этого, получают услуг на 210 денежных единиц (700 чел-час. × 0,3 денежных единиц). Всего же работники материального производства получают материальных благ и услуг на сумму 630 денежных единиц. Работники сферы услуг материальных благ получают на сумму 180 денежных единиц (300 чел-час. × 0,6 денежных единиц) и услуг на 90 денежных единиц (300 чел-час. × 0,3 денежных единиц). Всего работники сферы услуг получают материальных благ и услуг на сумму 270 денежных единиц.

В результате подобного обмена результатами человеческой деятельности обмен между работниками материального производства и услуг на первый взгляд кажется неэквивалентным.

Работники сферы материального производства от сферы услуг получили услуг на сумму 210 денежных единиц, а взамен дали им материальных благ на 180 денежных единиц.

Но дело в том, что накопляться может только часть национального дохода в вещественном выражении (в нашем примере эта часть равна 100 чел -час.) как результат труда работников сферы материального производства. И если допустить, что в покрытии общественных потребностей не участвует труд работников сферы услуг, то мы вновь встречаемся с фактом неравенства в этом отношении работников двух сфер.

Работники материального производства затратили труда 700 чел -час., получили от общества материальных благ и услуг 630 чел -час. 70 чел -час. общество удержало в своих руках для удовлетворения общественных потребностей.

Работники сферы услуг затратили 300 чел -час. труда, получили от общества материальных благ и услуг на 270 чел -час. 30 чел -час. общество оставило для покрытия общественных потребностей. Следовательно, на покрытие общественных потреблений пошло 100 чел-час. труда как сумма 70 чел-час. труда сферы материального производства и 30 чел -час. труда сферы услуг, хотя сами услуги потреблены в сфере потребления. Причем 70 единиц труда, как часть национального дохода, поступает в накопление непосредственно от самих производителей материальных благ за себя, а 30 единиц труда как часть национального дохода поступает от производителей материальных благ за работников сферы услуг; и в обмен на это работники сферы материального производства в процессе обмена результатами труда от работников сферы услуг получают услуг на 30 денежных единиц больше, чем дают им материальных благ. Таким образом, кажущийся неэквивалентный обмен становится эквивалентным.

Факт того, что часть труда сферы услуг идет на покрытие важнейших общественных потребностей, подтверждается расчетами Э. М. Агабабьяна. Автор произвел стоимостную оценку живого труда работников сферы услуг (включая и производство материальных услуг) в 1962 г., которая составила 38,1 млрд. руб. Весь объем личного потребления работников этой сферы и их иждивенцев составил 22,7 млрд. руб., а 15,4 млрд. руб. пошло на удовлетворение общественных потребностей[1]).

[1]) «Плановое хозяйство», 1965, № 2, стр. 37-38.

Из анализа обмена трудовой деятельности между работниками двух сфер можно четко определить структуру и объем фонда потребления как сумму части национального дохода и результатов труда работников сферы услуг.

К. Маркс, обращая внимание на данное обстоятельство, писал: «В каждый данный момент в числе предметов потребления, наряду с предметами потребления, существующими в виде товаров, имеется известное количество предметов потребления в виде услуг. Таким образом, общая сумма предметов потребления всегда оказывается больше той, какой она была при отсутствии пригодных для потребления услуг»[1]).

Следовательно, фонд потребления есть результат труда работников двух сфер: материального производства в виде части национального дохода и сферы услуг в виде услуг как результат труда в виде деятельности.

Исходя из практики социалистической деятельности, С. П. Фигурнов писал, что работники сферы услуг совместно с работниками сферы материального производства принимают самое активное участие в повышении народного благосостояния. Поэтому общая масса затрат труда, идущая на удовлетворение материальных и культурных потребностей людей, значительно больше труда материального производства, а следовательно, и общий фонд народного потребления всегда больше фонда потребления национального дохода. Исключать самостоятельную роль услуг в составе народного потребления значит ограничить мир потребительных стоимостей лишь теми товарами, которые являются носителями стоимости и входят в национальный доход. Между тем мир потребительных стоимостей, идущих на удовлетворение потребностей, значительно шире. И это необходимо учитывать при расчетах фонда потребления[2]).

Данное положение Фигурнова С. П. подтверждается практикой нашей действительности. Общий объем фонда потребления в 1962 г. был равен сумме фонда потребления национального дохода, который составлял 117 млрд. руб., плюс стоимость услуг, предоставленных сферой обслуживания, что составило

---

[1]) **К. Маркс и Ф. Энгельс.** Соч., изд. 2, М., 1962, т. 26, ч. 1, стр. 151.

[2]) **С. П. Фигурнов.** Строительство коммунизма и рост народного благосостояния. М., 1962, стр. 190.

38,1 млрд. руб., т. е. всего общий фонд личного потребления составлял 155,1 млрд. руб.

Несмотря на это, методика определения фонда потребления до недавнего времени ограничивалась лишь предметами потребления, созданными трудом работников материального производства. А это не отражало действительной картины народного потребления и не позволяло выявить реальную общественную роль труда, занятого в сфере услуг.

Вывод. Общественные фонды потребления являются частью общего фонда личного потребления, который по своему составу представляет собой не что иное, как часть национального дохода и услуг, в основе которых лежит труд, затраченный в сфере материального производства, и труд, затраченный в сфере услуг. Следовательно, источником общественных фондов потребления является не только труд, затраченный в сфере материального производства, но и труд сферы услуг.

Вопросы, поднятые в статье, рассматривались в порядке постановки.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
имени ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

№ 25 1969

СОСТАВ И ЧИСЛЕННОСТЬ БУРЖУАЗИИ В СИБИРИ В ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИЗМА

И. Г. МОСИНА

Зрелость буржуазии — одного из ведущих классов капиталистического общества, положение ее отдельных слоев в обществе определяет тактику пролетариата в подготовке и проведении как буржуазно-демократической, так и социалистической революции.

Процесс формирования класса буржуазии, степень его организованности, его политическая и экономическая деятельность еще недостаточно изучены[1]). В советской исторической литературе не проведена работа по подсчету численности буржуазии, недостаточно изучен ее состав. Только в работах В. И. Ленина мы можем найти подсчет численности и анализ состава класса российской буржуазии на конец XIX века[2]). Вопрос о численности и составе буржуазии России в период империализма, а особенно отдельных его частей, не привлек еще внимания исследователей. Целью настоящей статьи является попытка установле-

[1]) См. по этому вопросу статью И. Ф. Гиндина «Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности». «История СССР», 1963, № 2, стр. 57-60.

[2]) См. работу **В. И. Ленина** «Развитие капитализма в России». Полн. собр. соч. (в дальнейшем ПСС), т. 3.

ния численности крупной и средней городской буржуазии в Сибири, одного из тех отрядов российской буржуазии, который играл решающую роль в годы революции и гражданской войны.

В. И. Ленин отмечал, что процентный рост городского населения является одним из важнейших показателей развития капиталистических отношений, раскрывающих, насколько быстро происходит процесс отвлечения населения от земледелия к торгово-промышленным занятиям[1]).

После проведения железной дороги города Сибири растут значительно быстрее, чем города европейской части страны. Процесс роста населения в городах, расположенных вдали от железной дороги, за 1897-1910 гг. увеличился: в Тобольске на 6,3%, Тюкалинске на 24,9%, Барнауле на 59,6%, Бийске на 65%. Процент роста населения городов, лежащих на железной дороге, возрастал еще быстрее. В Кургане численность населения увеличилась на 235%, в Мариинске — 147%, Новониколаевске — 998%, Омске — 210%[2]). В Сибири появился ряд новых городов: Славгород, Татарск, Черепаново, Черемхово и др. Росли села, достигали значения города. Из крошечного поселка, заложенного в 1894 г., вырос город Новониколаевск. В 1897 г. он насчитывал 7832 человека, а к 1917 г. в городе жило почти 70 тысяч. Особенно быстро росло население городов, бывших крупными торговыми и промышленными центрами. Население пяти наиболее крупных городов Сибири: Омска, Красноярска, Томска, Иркутска и Новониколаевска выросло с 175590 человек в 1897 г. до 445376 человек в 1917 г., т. е. за 20 лет население этих городов увеличилось в 2,5 раза[3]).

---

[1]) См.: **В. И. Ленин**, ПСС, т. 3, стр. 558-560.

[2]) **П. М. Головачев.** Экономическая география Сибири. М., 1914, стр. 160.

[3]) Подсчитано по данным Сибирской Советской энциклопедии, т. 1, стр. 705-706.

Если же взять не отдельные города, а рост всего городского населения, то его абсолютный и процентный рост можно проследить по табл. 1[1]).

Таблица 1.

Годы	Население		% городского населения
	всего	в городах	
1897	6 069 675	474 673	7,7
1914	10 592 400	1 106 700	10,5

Но рост городского населения, являясь ярким свидетельством увеличения торгово-промышленного населения, еще не дает представления о численности отдельных слоев городской буржуазии, в том числе крупной торгово-промышленной буржуазии.

Определяя численность городской торгово-промышленной буржуазии в Сибири[2]), необходимо уточнить, какая буржуазия относится к этой прослойке. В. И. Ленин писал, что в России есть две буржуазии: «Одна, это — очень узкий слой зрелых и перезрелых капиталистов, которые в лице октябриста и кадета заняты на деле тем, что делят между собой и Пуришкевичами теперешнюю политическую власть... Другая буржуазия, это очень широкий слой совсем незрелых... мелких и частью средних хозяев, преимущественно крестьян, которым на деле приходится решать

[1]) Таблица составлена на основании данных книги А. Г. Рашина «Население России за 100 лет» (М., 1956), Сибирской Советской энциклопедии, т. II, (Новосибирск, 1930, стр. 705-708), «Ежегодника Министерства финансов», СПб., 1915, стр. 568-569. В Сибири процесс роста процента городского населения несколько смазан переселенцами, большинство которых было крестьянами, устремившимися и оседавшими в деревнях.

[2]) Численность буржуазии в период империализма не только в отдельных районах, но и по всей России до сих пор не подсчитана. По сведениям, помещенным в энциклопедической словаре Гранат, по всей России в начале XX в. лиц купеческого сословия насчитывалось менее 2 млн. человек, или $^1/_2$% населения, а «купцы» как профессиональная группа составляла 3,8% населения и число их достигало 6 млн. человек. (Словарь Гранат, II стереотипное издание, т. 26, стр. 207). Ссылки на источники такого подсчета в словаре не указаны. Также без ссылки на источники Советская историческая энциклопедия утверждает, что численность «купцов» (без оговорки купцы как сословие, или купцы как профессионально-экономическая группа) достигла в 1897 г. 225,6 тыс. человек. (Советская историческая энциклопедия, т. 8, М., 1965, стр. 304). О росте численности купечества в последующие годы ничего не говорится.

вопрос... о том, чтобы не умереть с голоду от Пуришкевичей[1]).

К городской торгово-промышленной буржуазии относится как раз именно та буржуазия, которая делила власть с Пуришкевичами. Царское правительство в своем законодательстве так же выделяло эту часть буржуазии. В двух законах: Промысловый закон 1898 г. и Закон о выборах в Государственную думу 1907 г. выделялся особо этот слой класса капиталистов. По закону 1898 г. о промысловом налоге произошло уравнение между понятием «купечество» как сословие и купечество как занимающееся торговлей. По закону отпала обязанность для права торговли выбирать гильдейское свидетельство, достаточно было получить промысловое свидетельство. Купцами стали признаваться люди, занимавшиеся «заключением торговых сделок». Поэтому к «купцам» относили и фабрикантов, и заводчиков, а также и мелких буржуа-ремесленников, работавших не на заказ. Все они, независимо от сословий, обязаны были вести торговые книги. Таким образом, в России в конце XIX в. под понятие «купец» подводились все группы буржуазии.

Размеры основного промыслового налога, которым облагались мелкие и крупные предприниматели, зависели от класса местности и разряда предприятия. Торговые предприятия делились на пять разрядов. Промышленные предприятия — на восемь. Определение разряда, к которому относилось то или иное предприятие, определялось размером прибыли. К торговым предприятиям 1 разряда относились оптовые магазины и склады по продаже и скупке товаров с оборотом более 300 тыс. рублей в год и прибылью свыше 20 тыс. рублей, кредитные учреждения с основным капиталом свыше 200 тыс. рублей, элеваторы для хранения свыше 500 тыс. пудов зерна, а также предприятия бытового обслуживания в случае, если их прибыль составляла не менее 20 тысяч рублей в год.

Ко второму разряду относились магазины, ведущие розничную торговлю, и предприятия по скупке сельскохозяйственных продуктов с оборотом от 50 до 300 тыс. рублей в год и прибылью от 3 до 20 тыс. рублей в год.

К третьему разряду были отнесены мелкие магазины и лавки, где работало не более одного взрослого наемного приказчика, трактиры, все книжные магазины и киоски. Размеры прибылей предприятий 3 разряда колебались от 600 рублей до 3 тыс. рублей в год.

---

[1]) **В. И. Ленин.** ПСС, т. 21, стр. 241.

К четвертому разряду относились ларьки и палатки, в которых не применялся труд наемных приказчиков. Оборот этих предприятий не должен превышать 10 тыс. рублей в год.

Пятый разряд давался на развозный и разносный торг[1]).

Промышленных разрядов устанавливалось восемь.

К I разряду относились фабрики, заводы, горные промыслы, прибыли которых превышали 60 тыс. рублей, с числом рабочих свыше 1000 человек. Некоторые фабрики могли иметь меньшее число рабочих (свыше 500 человек). К таким предприятиям относились фабрики бумагопрядильные, рельсопрокатные и машиностроительные заводы, салотопенные и мыловаренные заводы, химические заводы. Мукомольные мельницы относились к I разряду при условии общей длины диаметра всех пар жерновов свыше 6 тыс. дюймов, маслобойные заводы с числом паровых прессов свыше двадцати, водочные заводы, вырабатывавшие более 100 тыс. ведер водочных изделий, каменноугольные копи при добыче более 12 млн. пудов угля, рудники, в которых добывалось свыше 15 млн. пудов различных руд.

Ко второму разряду относились предприятия с прибылью от 40 тыс. руб. до 60 тыс. рублей и числом рабочих свыше 500 (на бумагопрядильных и пр. предприятиях допускалось число рабочих от 200 до 500 человек).

К третьему разряду — предприятия с прибылью от 20 тыс. рублей до 40 тыс. рублей и числом рабочих от 200 до 500 (в некоторых предприятиях от 100 до 200).

IV разряд — прибыль от 6 тыс. рублей до 20 тыс. рублей и числом рабочих от 50 до 200 (или от 50 до 100).

V разряд — прибыль от 2 тыс. рублей до 6 тыс. рублей и числом рабочих от 15 до 50, а при употреблении механических двигателей свыше 10 — до 25 рабочих.

VI разряд — от 600 руб. до 2 тыс. рублей с числом рабо-

---

[1]) Помимо разрядов, существовало еще деление на классы. Деление на классы осуществлялось в зависимости от большей или меньшей активности торгово-промышленной жизни города. Классов было четыре. Вне классов стояли столицы (самый высокий налог). В Сибири первого класса не было. Ко второму классу относились только два города: Иркутск и Томск, к третьему классу — 9 городов, остальные к четвертому классу. («Сибирский торгово-промышленный календарь на 1902 г.», Томск, отд. 3, стр. 115. Пояснения к государственному промысловому налогу, выписки из него). В тексте при указании прибыли берутся данные по 3 и 4 классам, к которым относилось большинство сибирских городов. См. также: Г. А. Дихтяр. Внутренняя торговля в дореволюционной России, М., 1960, стр. 66-68.

чих свыше девяти до 15 при ручном производстве и свыше 7 до 10 — при механических двигателях.

VII разряд — прибыль от 200 до 600 рублей с числом рабочих свыше 4 до 9 человек при ручном производстве и при наличии механических двигателей свыше 4 до 7 человек рабочих.

VIII разряд — прибыль ниже 200 рублей с числом рабочих от 2 до 4 чел. при ручном и при механическом труде[1]).

По закону 1898 г. к купцам первой гильдии приравнивались предприниматели, выбравшие промысловое свидетельство одного из первых трех разрядов, или на пароходное предприятие, за содержание которых уплачено свыше 500 рублей в год основного налога. К купцам второй гильдии приравнивались лица, выбравшие промысловые свидетельства на торговые предприятия второго разряда, на промышленные предприятия 4-5 разрядов, на пароходство, основной налог на которое колеблется от 50 до 500 рублей в год[2]).

За получение гильдейских свидетельств надо было оплатить помимо основного промыслового налога еще налог в год для купцов I гильдии — 50 рублей (с 1902 г. — 75 рублей), для купцов II гильдии — 20 рублей (с 1902 г. — 30 рублей). Приобретение гильдейских свидетельств потеряло прежнее значение и сохранило смысл только для купцов-евреев, так как давало им право вести торгово-промышленные операции за пределами черты оседлости.

Купцы I и II гильдии и уравненные с ними предприниматели и купцы III разряда приравниваются к городской торгово-промышленной буржуазии.

При перевороте 3 июля 1907 года царское правительство также произвело раздел городской буржуазии на 2 группы — 2 съезда. К I съезду была отнесена крупная буржуазия, опираясь на которую царское самодержавие надеялось мирным путем перейти на рельсы конституционной монархии.

---

[1]) Расписание разрядов предприятий сообразно размерам их прибыли. «Сибирский торгово-промышленный календарь на 1902 г.», Томск, отд. 3, стр. 117. Полный свод узаконений, разъяснений и распоряжений правительства по гос. промысловому налогу, М., 1910, стр. 68-94.

[2]) Полный свод узаконений, разъяснений и распоряжений правительства по государственному промысловому налогу. М., 1912, стр. 9-10.

По закону о выборах в Государственную думу к I съезду городских избирателей были отнесены: 1) лица, обладавшие недвижимым имуществом в таких размерах, что их городской налог на недвижимость равнялся 1000 руб. в год (в мелких городах с населением менее 20 тыс. жителей — не менее 300 рублей налога); 2) лица, имевшие торгово-промышленные предприятия I-II торговых разрядов, I-V промышленных разрядов или владельцы пароходов, уплативших не менее 50 руб. промыслового налога[1]).

В Сибири в конце XIX-начале XX вв. численность городской торгово-промышленной буржуазии быстро возрастала в связи с развитием капитализма.

До издания закона о промысловом налоге рост буржуазии можно проследить по увеличению гильдейского купечества. В сибирском торгово-промышленном календаре на 1903 г. помещены данные процесса роста гильдейского купечества по четырем сибирским губерниям[2]) (табл. 2).

Таблица 2.

Губернии	По I гильдии				По II гильдии			
	1893 г.	1894 г.	1897 г.	1898 г.	1893 г.	1894 г.	1897 г.	1898 г.
Томская	20	24	30	38	1306	1656	2085	2307
Тобольская	26	24	32	28	900	909	1129	1097
Иркутская	25	27	52	53	800	831	1214	1259
Енисейская	8	13	16	22	791	817	1134	1122
Итого	79	88	130	141	3797	4213	5562	5785

Только за пять лет число купцов I гильдии увеличилось почти на 80%, а число купцов II гильдии более чем на 50%.

К сожалению, эти данные дают представление о росте гильдейского купечества, но не определяют численности городской торгово-промышленной буржуазии.

Число лиц, выбравших промысловые свидетельства, превышало число лиц, выбравших гильдейские свидетельства. Так, по

---

[1]) Полное собрание законов (ПСЗ), III изд., СПб., 1907, т. 27, 19242, т. е. к крупной буржуазии относились лица, чьи прибыли давали возможность приравнять их к купцам I и II гильдий.

[2]) «Сибирский торгово-промышл. календарь на 1903 г.», Томск, отд. 2, стр. 21.

Томской губернии на 1893 г. свидетельств I гильдии было выбрано 20, а билетов к промысловым свидетельствам I разряда — 121, II гильдии — 1306, а промысловых свидетельств II разряда — 1778[1]).

Всероссийская перепись 1897 г. позволяет с наибольшей точностью установить численность крупной городской торгово-промышленной буржуазии на конец XIX в. Но так как переписи в дореволюционной России проводились на основе сословного признака, то взять готовые цифры нельзя. В 1897 г. население Сибири составляло 6069679 человек[2]). К сословию потомственных и почетных граждан и купцов относилось 17990 человек.

Вместе с тем по данным той же переписи из 6069 тыс. человек населения Сибири «торгово-промышленное население»[3]) составляло 628148 человек, а торговлей (крупная и мелкая торговля) занималось 133 тыс. человек[4]). По данным той же переписи, число торговцев, вибиравших свидетельства I-II разрядов по городам Сибири составило приблизительно 21-22% от общего числа торгующих. Пользуясь этими данными, можно подсчитать, что торговой буржуазии в городах Сибири в 1897 г. было около 30 тысяч человек. С учетом того, что торговая буржуазия составляла от 75 до 90% торгово-промышленного класса[5]), численность крупной буржуазии в Сибири в 1897 г. можно ограничить цифрой от 33 до 40 тыс. человек, т. е. в два раза больше, чем числилось по сословию почетных граждан и купцов.

Для того, чтобы судить о развитии капитализма, необходимо было установить рост численности торгово-промышленного класса. К сожалению, никаких сведений о росте населния на конец исследуемого периода (1916—февраль 1917 г.) нет. Но в ста-

---

[1]) Данные о выборке промысловых свидетельств на 1893 г. помещены в «Сибирском торгово-промышленном календаре на 1894 г.», Томск, отд. 2, стр. 116.

[2]) Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 8, СПб., 1905, стр. 18-21. У А. Г. Рашина (Население России за 100 лет, М., 1956, стр. 168) население Сибири равно 5959,4 тыс. чел., но Рашин не включает в Сибирь Акмолинскую область.

[3]) Это население, жившее в городах и включавшее в свой состав, кроме крупных буржуа, и ремесленников, и мелких торговцев, и рабочих, работавших в сфере промышленности и торговли.

[4]) Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., вып. 8, СПб., 1905, стр. 18-21 (подсчет автора). В подсчеты включено население Акмолинской области.

[5]) См. об этом ниже.

тистических сборниках, в Ежегоднике Министерства финансов, наконец, в материалах представительных организаций содержатся некоторые данные о численности населения в Сибири на 1912-1914 гг. Пользуясь этими данными, попробуем произвести подсчет крупных буржуа в Сибири в довоенный период.

По данным «Ежегодника Министерства финансов», число торгово-промышленной буржуазии в 1912 г. достигло в Сибири 48198 человек (включая свидетельства по I-II разряду для торговых предприятий и I-V разрядов для промышленных предприятий, плюс владельцы пароходств, приисков и шахт (см. табл. 3 на стр. 93) [1]).

Если обратиться к данным справочника «Вся Россия», то число торговых и промышленных предпринимателей в Сибири достигнет цифры 103 тыс. человек[2]). Эта цифра, безусловно, является чрезвычайно большим преувеличением, так как в этом случае к числу буржуазии будут отнесены даже ремесленники, бравшие свидетельства VIII разряда. Вместе с этим эта цифра не отражает число буржуа в Сибири, так как не включает данные о численности золотопромышленников и пароходовладельцев Иркутской губернии и Забайкальской области.

Для установления численности торгово-промышленной буржуазии обратимся к данным биржевого комитета о составе населения Сибири (по сословиям) и исходя из подсчетов численности населения по губерниям и областям, произведенных А. Г. Рашиным, составим следующую таблицу: в1913 г. состав населения Сибири по сословиям был следующий[3]).

---

[1]) Сведения о числе торгово-промышленной буржуазии помещены в «Ежегоднике Министерства финансов», но без указания, откуда взяты эти сведения. Эти цифры не являются точными, так как сюда совершенно не включены владельцы по трем казенным палатам (Иркутской, Омской и Тобольской), а в Иркутской губернии и Акмолинской области горнодобывающая промышленность наиболее развита. Исходя из этого, цифру в 48 тысяч можно принять за минимальную.

[2]) «Вся Россия», 1912, стр. 3, 4, 55, 58, 62, 198, 200.

[3]) Данные населения по сословиям в Сибири на 1913 г. отсутствуют. Но есть число общего населения по губерниям Сибири в книге Рашина и данные о населении по сословиям из расчета на 1000 человек по каждой губернии, помещенные в отчете Иркутского биржевого комитета. Автором произведены подсчеты, которые дали возможность составить приведенную таблицу. Для составления таблицы были использованы: А. Г. Рашин (указ. соч., стр. 69) и «О введении земских учреждений в губерниях и областях Восточной Сибири», записки Иркутского биржевого комитета, Иркутск, 1913, стр. 5.

Дворян и чиновников	63,4 тыс.	человек
Духовенства	32,5 »	»
Почетных граждан и купцов	28,5 »	»
Мещан	542,0 »	»
Крестьян	6972,0 »	»
Казаков	431,0 »	»
Инородцев	933,0 »	»
Прочих	183,0 »	»
Итого	9185,4 тыс.	человек.

Следуя методике, примененной В. И. Лениным[1]), можно определить число сельскохозяйственного населения и населения, занятого в торговле и промышленности в Сибири на 1913 г:

Население, занятое в сельском хозяйстве,	8336000
Торгово-промышленное население	753500
Непроизводительное[2])	95900
Итого	9185400

Если взять за основу расчеты, позволившие подсчитать численность торговой и промышленной буржуазии в 1897 г., то в 1912-1914 гг. численность торгово-промышленного класса в Сибири можно ограничить цифрой 56-60 тыс. человек[3]), что составляло 0,5-0,6% от всего числа населения Сибири.

Следовательно, за прошедший период, с 1897 по 1914 год, численность буржуазии в Сибири возросла в полтора раза. Это является свидетельством непрерывного развития капитализма на азиатской окраине России.

Второй, не менее важной стороной этого вопроса является характеристика состава буржуазии Сибири.

Состав буржуазии Сибири определялся особенностями ее экономического развития и положением края в Российской империи.

В XIX веке в Сибири торговый и промышленный капитал еще не были разделены. Лишь в самом конце XIX — начале XX века можно говорить о начавшемся процессе разделения торгового и промышленного капиталов. Третьей группы буржуазии, характерной для развитого капиталистического общества, —

---

[1]) **В. И. Ленин**, ПСС, т. 3, стр. 502-506.

[2]) К непроизводительному населению относятся самые различные слои: духовенство, чиновничество, войска, прислуга.

[3]) Цифры численности торговцев и промышленников Сибири и в 1897 г. и в 1913 г. не включают членов семьи.

Таблица 3.

Название губернских и обл. казенных палат	Число сословных купеческих свидетельств		Число промысловых свидетельств								Свид. на паровые суда	Свид. на золотые прииски
			Для торг. предприятий			Для промыш. предприят.						
	I гильдии	II гильдии	I р	II р.	III р.	I р.	II р.	III р.	IV р.	V р.		
Енисейская	6	95	21	1314	3319	—	—	—	12	26	12	1177
Иркутская	24	180	65	1369	3269	—	—	8	18	43	12	—
Забайкальская	18	205	59	1909	3374	—	—	8	21	31	46	770
Омская	20	192	108	2259	7064	—	1	5	31	64	11	—
Тобольская	7	164	44	1898	5304	—	1	4	18	53	73	—
Томская (данные 1911 г.)	24	169	108	4450	8299	1	—	10	32	73	38	257
Итого	99	1005	405	13199	30629	1	2	35	132	290	197	2204

«Ежегодник Министерства финансов», вып. 1913, СПб., 1913, стр. 650-651, 656-657.

группы банковских капиталистов в Сибири в конце XIX — начале XX в. не было.

Наиболее многочисленной была торговая буржуазия. В Иркутске в 1912 г. оборот торговых предприятий составил 70 млн. рублей, а промышленные предприятия выпустили продукции всего на 2 млн. рублей[1]). В Красноярске соотношение между торговыми и промышленными предприятиями было следующим (см. табл. 4)[2]):

Таблица 4.

Годы	Число предприятий	
	торговые	промышленные
1909	1 013	146
1910	1 101	120
1911	1 130	144
1912	1 129	164

Соотношение между двумя отрядами класса буржуазии можно установить по документам Государственного банка, где кредитовались торговая и промышленная буржуазия сибирских городов. В списках лиц, аккредитованных в отделениях банка, указывался каждый раз основной род деятельности предпринимателя, которому открывался кредит.

Данные кредитования по отделениям Госбанка на 1912 г. приведены в таблице 5 (см. стр. 95).

Из этой таблицы следует, что соотношение между группами торговой и промышленной буржуазии будет приблизительно следующее: число торговцев в сибирских городах колебалось от 75% до 96%, численность промышленной буржуазии — от 4% до 25%[3]).

Зарождавшаяся промышленная буржуазия Сибири вкладывала свои средства в три отрасли: добывающую промышленность, транспорт и обрабатывающую.

---

[1]) **Кудрявцев, Вендрих.** «Иркутск», Иркутск, 1958, стр. 208.

[2]) ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 7, д. 318, л. 3.

[3]) Такое же процентное соотношение между этими двумя группами наблюдается и по клиентским спискам частных коммерческих банков, в частности, по спискам Торгового Сибирского банка. (ЦГИАЛ, ф. 638, оп. 1, дд. 210, 211).

В 1912 г. по отделениям Госбанка кредитовались[1]):

Таблица 5.

Отделения Госбанка	Торговцев		Промышленников		Всего	
	число	%	число	%	число	%
Барнаульское	56	77,9	16	22,1	72	100
Бодайбинское	39	84,8	7	15,2	46	100
Иркутское	94	75,0	33	25,0	127	100
Красноярское	180	84,9	32	15,1	212	100
Омское	110	84,5	20	15,5	130	100
Петропавловское	231	96,0	10	4,0	241	100
Тобольское	102	91,1	10	8,9	112	100
Томское	77	85,6	13	14,4	90	100
Тюменское	131	84,0	25	16,0	156	100
Читинское	90	84,0	18	16,0	108	100
Итого	1110	84,7	184	15,3	1294	100

Наиболее крупная и экономически сильная была группа буржуазии, вкладывающая свои капиталы в добывающую промышленность. В конце XIX века золотопромышленностью занимались не только буржуазия, но и дворянство. Титулованная знать, члены царской фамилии, придворные чины держали в своих руках значительную часть приисков. В 90-е годы XIX в. в золотопромышленности большую роль стали играть купеческие капиталы. В роли арендаторов выступали мелкие местные золотопромышленники. Если следовать наиболее точному и подробному списку, золотопромышленников Сибири можно разделить на следующие группы[2]):

Члены царской фамилии, придворные чины, сановники и крупные военные чины — 100

[1]) Подсчет произведен по клиентским печатным спискам Государственного банка, хранящимся в научно-справочной библиотеке ЦГИАЛа. «Списки лиц и фирм, аккредитованных в конторах и отделениях Государственного банка для предъявления к учету векселей, с указанием долгов (на такую-то квартальную дату)». Подсчет приблизителен: он не может дать точного числа буржуазии, так как отделения банка существовали не во всех городах, и не все торговцы и промышленники имели в открытых отделениях кредит.

[2]) Список золото- и платинопромышленных фирм в России, составленный С. И. Литтауэром, СПб., 1904 (подсчитано автором).

Потомственные почетные граждане и купцы	—	277
Мещане	—	240
Крестьяне	—	63
Казаки	—	23
Иностранные подданные	—	46
Дворяне (арендаторы)	—	61
Инженеры и техники (вне зависимости от сословного происхождения)	—	90
Итого		900

В углепромышленности положение было несколько иное. В первые годы XX в. «угольщики» — местные сибирские капиталисты. Большинство из них в прошлом были купцами: Щелкунов — купец I гильдии, Рассушин и Метелев, которые также занимались торговлей. Вкладывали свои средства в углепромышленность и должностные лица. Один из крупнейших деятелей в Черембассе — Собещанский был инженером-путейцем. Но вкладывали ли буржуа свои капиталы в золотопромышленность или строили мельницы, водочные или маслодельные заводы, они не порывали окончательно с торговлей.

Крупные золотопромышленники и углепромышленники Тонконоговы, Кытманов, Вострогины, Саввиных, Родюков и др. вкладывали свои средства в золотопромышленность и одновременно продолжали заниматься крупными торговыми операциями. Тонконоговы были известны как монополисты в торговле хлебом, рыбой и пушниной на севере Сибири. Родюков — хлебный торговец. Вострогины вели торговые операции на севере Енисейского края. Угольщик Рункевич создал специальное «Сибирское торговое товарищество», ведущее торговлю углем.

Старые торговые фирмы, вложив свои капиталы в промышленные предприятия, также сохранили свои связи с торговлей. Примером могут служить наиболее крупные предприниматели, как Плотников, Кухтерин и ряд других.

Начало деятельности торгового дома Плотниковых было заложено с 1839 г., когда Михаил Данилович Плотников, ранее занимавшийся рыбным промыслом, создал свое собственное «Рыбное и торгово-промышленное дело». Достаточно нажившись на грабеже народов Севера в устье Оби, М. Д. Плотников занялся пароходством. В 1864 г. он купил пароход «Чайка». С этого времени фирма Плотниковых стала одной из ведущих торговых

фирм на Оби. К 1915 г. фирма обслуживала движение на реке от Монголии до Обской губы, имея даже лихтер для плавания в Газовскую губу. Фирма торговала хлебом, орехами, маслом, рыбой, солью и проч. товарами. Но фирма Плотниковых занималась не только пароходством и торговлей. В 1898 г. фирма открыла первую сибирскую консервную фабрику. В 1914 г. фирма имела уже 5 консервных заводов, общая выработка которых равнялась 15 тыс. пудов в год[1]). Захватив на севере лучшие рыбопромысловые угодья, на которых трудились тысячи людей, поставив треугольником Тобольск — Томск — Обдорск свои консервные заводы, Плотниковы обеспечили себе монопольное положение в рыбной промышленности северо-западной Сибири. Кроме консервных фабрик, занимались добычей соли[2]).

Известный в Сибири торговец Кухтерин владел одной из крупнейших в Западной Сибири спичечной фабрикой. Пущенная в ход в 1900 г. она выпускала первоначально 85 тыс. ящиков в год[3]). Одновременно он вкладывал деньги в мыловаренное производство, имел паровую вальцевую мельницу, винокуренный, ректификационный, водочный заводы. В конце 1916 г. А. В. Кухтерин — один из учредителей акционерного «Общества первых свеклосахарных и рафинадных заводов в Сибири» с основным капиталом в два млн. рублей[4]).

Торговец Коковин, известный на всю Восточную и Западную Сибирь как главный поставщик чая, поместил свои капиталы в два пароходства, владел тремя паровыми мельницами, пятью заводами, шестью мойками шерсти. Даже газета, выпускаемая в Якутии, фактически принадлежала Коковину.

Мелкие капиталисты, торговцы по III разряду, являлись торговцами и промышленниками в одном лице. Таким образом, в Сибири процесс отделения промышленного капитала от торгового затянулся на более длительное время, чем в центре России.

Рассматривая вопрос о составе сибирской буржуазии, ее численности, правомерно поднять проблему размеров капитала у сибирских дельцов.

Размеры капиталов у сибирских купцов в основном были небольшими. Поэтому при издании закона о Государственном

---

[1]) «Торгово-промышленная газета», 21 декабря 1914 года (3 янв. 1915 года), № 291.

[2]) «Сибирская жизнь», 18 января 1915 года, № 14.

[3]) **Ю. Рябов, И. Кузьменко.** Фабрика «Сибирь», Томск, 1950, стр. 6.

[4]) «Сибирская жизнь», 14 января 1917 года, № 11.

промысловом налоге в 1898 г. в Сибири ни один город не был отнесен к 1 классу, ко 2 классу были отнесены только 2 города: Иркутск и Томск, а основная масса городских поселений — к 3 и 4 классам[1]).

О размерах капитала сибирских купцов можно судить по данным Государственного банка. Банк ограничивал размер кредита каждому предпринимателю в зависимости от платежеспособности дебиторов. Сумма кредита определялась в первую очередь размерами его основного капитала. В упомянутых ранее клиентских списках Государственного банка указывались размеры кредита каждого клиента. На основании этих списков можно видеть, какие капиталы преобладали в сибирских городах.

Таблица 6[2]).

Города	Количество клиентов, получавших кредит						Итого клиентов	
	до 10 тыс. руб.		от 10 до 100 тыс. руб.		свыше 100 тыс. руб			
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Иркутск	71	47,4	75	50	4	2,6	150	100
Красноярск	145	67,0	67	31,6	3	1,4	215	100
Омск	76	62,4	45	36,8	1	0,8	122	100
Томск	32	32,0	60	60 0	8	8 0	100	100
Тюмень	110	62,2	59	33,3	8	4,5	177	100
Итого	434	56,3	306	40,5	24	3,2	764	100

Эта таблица подтверждает утверждение сибирских экономистов о небольших размерах капиталов в Сибири. Но вместе с тем в торговле Сибири действовали и крупные капиталисты. К их числу принадлежал иркутский купец Второв. В конце XIX века он имел склады товаров и магазины во всех сибирских городах. В начале XX века Второв стал одним из крупнейших финансистов Москвы[3]).

[1]) «Сибирский торгово-промышленный календарь на 1902 г.», изд. Романова, Томск, отд. 3, стр. 115.

[2]) Списки лиц и фирм, аккредитованных... на 1 июля 1912 года.

[3]) В начале XX в. основные капиталы Второва помещены в предприятиях Европейской части России. Его вложения в сибирскую торговлю по сравнению с его остальными предприятиями невелики. А в 1916-1917 гг. только прибыли Второва оценивались в 100-150 млн. руб., а его основной капитал оценивался в 382 млн.; основной капитал «Тов-ва А. Ф. Второва с с-ми» в Сибири, имевшего 15 отделений, равнялся 10 млн. рублей (И. Ф. Гиндин, Д. Е. Шепелев. Банковские монополии в России. «Исторические записки», 1960, № 66, стр. 95).

Не менее известен в Сибири И. Г. Гадалов — красноярский купец первой гильдии, имевший 15 крупных магазинов по городам Сибири (мануфактурных и бакалейных). Основные его капиталы были помещены в торговле Сибири, главная контора тем не менее помещалась в Москве[1]).

Торговый дом «Е. Кухтерин и с-я» имел отделения в Томске, Тюмени, Новониколаевске, Барнауле, Мариинске, Ачинске, Енисейске, Минусинске, Красноярске, Тулуне, Зиме, Иркутске, Мысовой, Чите, Верхнеудинске, Стретенске, Нерчинске, Кяхте, Троицкосавске; в Европейской части России: в С.-Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Казани, Перми, Екатеринбурге; на ярмарках: Нижегородской, Ирбитской, Верхнеудинской[2]). Основной капитал торгового дома Кухтерина был объявлен равным 300 тыс. рублям[3]), но фактически он обладал значительно большим капиталом. Это подтверждалось тем, что он имел кредит в двух банках: 300 тыс. рублей в Томском отделении Государственного банка[4]) и второй в тех же размерах в Томском отделении Сибирского торгового банка[5]).

Торговый дом «Коковин и Басов» торговал по всей Сибири чаем и другими китайскими товарами. Основная контора его была в Кяхте. Только через порты Охотского моря Коковин получал из Китая до 22,5 тысяч пудов чая и других товаров[6]). Торговый дом «Коковин и Басов» был монополистом по торговле чаем от Томска до Благовещенска, имел для этой торговли 12 отделений по городам Сибири, отделения в Москве и Казани, на ярмарках Нижегородской и Ирбитской[7]). В 1907 г. основной капитал общества был объявлен равным 500 тыс. руб., но фактически он был значительно больше. В 1905 г. Коковин вместе с купцом И. Н. Черных образовали «Товарищество Байкальского пароходства и торговли», в 1911 г. целиком перешедшее в руки торгового дома. «Байкальское пароходство» держало в

---

[1]) «Сибирский торгово-промышленный календарь на 1902 г.». Томск, объявления, стр. 16.

[2]) «Сибирский торгово-промышленный календарь на 1902 г.». Томск, объявления, стр. 16.

[3]) Сборник сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях. СПб., 1912.

[4]) Список лиц и фирм, аккредитованных... на 1 июля 1912 года. Томск, л. 1.

[5]) ЦГИАЛ, ф. 638, оп. 1, д. 210, л. 177.

[6]) ГАИО, ф. 609, оп. 1, д. 32, л. 13.

[7]) «Сибирский торгово-промышленный календарь на 1902 г.». Объявления, 71.

своих руках всю торговлю на Байкале. Основной капитал общества был объявлен равным 150 тыс. рублей.

Всю торговлю в бассейне р. Лены держали в своих руках четыре фирмы: «Т. д. Коковин и Басов», «фирма Громовой», «Т. д. наследников Кушнарева», «Т. д. Васильева-Никифорова». Фирма Громовой вывозила через порты Охотского моря до 35 тыс. пудов товаров из Китая. Совместно все четыре фирмы вывозили из бассейна р. Лены пушнину, мамонтовую кость, пух, перо, кожи, рыбу, в общей сложности до 29198 пудов (из этого числа львиная доля в 26500 пудов вывозилась фирмой Громовой)[1]).

После завершения строительства железной дороги число крупных торговых капиталистов в Сибири увеличилось в значительной мере за счет иностранных торговых капиталистов и крупных торговых фирм западной и центральной части России.

Первоначально иностранный капитал вкладывал средства в торговлю маслом и сельскохозяйственными машинами. До 50% всех сельскохозяйственных машин, ввозимых в Сибирь, продавали сами иностранные фирмы, а 20-25% шли в продажу через русские торговые фирмы, переселенческие управления. До 1907 г. экспорт русского масла из Сибири находился в руках иностранного капитала. После создания «Союза маслодельческих артелей» иностранный капитал потерял свое прежнее значение как экспортер-монополист. К 1914 г. размеры иностранного капитала, вложенного в экспорт и сбыт русского масла, составляли 30 млн. рублей[2]), а экспорт масла из Сибири достигал в это время уже 5670 тыс. пудов на сумму 71,5 млн. рублей.

В первые годы XX века из числа наиболее крупных иностранных фирм выделялись «Международная компания жатвенных машин», «Торговый дом Кунст и Альберс», сосредоточившие в своих руках почти всю торговлю предметами широкого потребления на Дальнем Востоке и Забайкалье, «Гартонг и Стонг», «Зингер» Некоторые иностранные предприниматели создавали непосредственно в Сибири свои заводы. Так был построен завод сельхозмашин в Омске датским подданным Рандрупом.

Буржуазия центральных губерний России, ведущая торгов-

---

[1]) ГАИО, ф. 609, оп. д. 32, лл. 12, 13, 17.

[2]) **А. Борзов.** Роль иностранного торгового капитала в хозяйстве дореволюционной Сибири. «Научные доклады высшей школы». Экономические науки, 1958, № 4, стр. 159.

лю в Сибири, т. е. имеющая по городам и селам Сибири свои магазины, комиссионерства, немногочисленна. Эти представители крупного торгово-промышленного капитала в Сибири выступали в основном как торговцы. Многие из них, занимаясь торговлей, одновременно производили установку продаваемой ими аппаратуры, постройку мельниц и т. п. Например, московское товарищество «Антон Эрлангер и К°», имевшее свои отделения во всех крупных сибирских городах, занималось не только продажей мельничных машин, но и постройкой мукомольных мельниц. Московский I гильдии купец Ф. И. Розенталь имел технические конторы и склад в Томске; акционерное общество «Б. И. Виннер» (правление находилось в Петербурге), изготовлявшее и продававшее порох, динамит и др. взрывчатые вещества, имело на территории Сибири 10 заводских складов (из 41). Рижское общество «Проводник» (резиновые изделия) имело в Томске фабричный склад и контору[1]). Товарищество бр. Нобель имело в Сибири 13 складов.

В конкурентной борьбе с местной сибирской буржуазией крупная торговая буржуазия центра страны, иностранные капиталисты открывали в городах Сибири свои склады, в которых накапливали товары, а затем и отделения фирм и собственные небольшие предприятия. В свою очередь крупные сибирские торговые капиталисты открывали свои отделения в городах Европейской России, в Москве и Петербурге и даже за границей. Каинский купец I гильдии Ерофеев имел комиссионерства не только в Петербурге, но и в Лондоне[2]). «Сибирский союз маслодельческих артелей» также имел свои конторы за границей.

Таковы в основном были крупные торговые капиталы в Сибири.

Подсчитав численность торгово-промышленной буржуазии в Сибири и проанализировав ее состав, можно отметить следующие особенности торгово-промышленного класса в Сибири: процесс разделения торгового и промышленного капитала в Сибири не развился. Торговый капитал был преобладающим в экономике Сибири. Крупных капиталистов в Сибири было мало, преобладали преимущественно небольшие капиталы. Все это свидетельствовало о сравнительно замедленном развитии капитализма на этой окраине России.

---

[1]) «Сибирский торгово-промышленный календарь на 1902 г.». Изд. Романова, Томск, Объявления.

[2]) «Сибирский торгово-промышленный календарь на 1902 г.». Изд. Романова, Томск, Объявления, стр. 91.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
имени ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

№ 25 1969

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ КАДЕТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СИБИРИ

И. Г. МОСИНА

Русская буржуазия формировалась в политическую силу значительно позднее буржуазии Западной Европы. Этот процесс имел ряд особенностей: он проходил в условиях империализма — высшей стадии капитализма, протекал при сохранении пережитков феодализма, прежде всего при сохранении самодержавия, наконец, формирующейся буржуазии противостоял уже сформировавшийся рабочий класс во главе с марксистской партией. Поэтому история русской буржуазии имела значение не только для истории революционного движения, но и для анализа места и роли различных слоев и групп буржуазии многих капиталистических стран на современном этапе. Позиция буржуазии в революционном процессе определяется ее экономическим и политическим положением в стране, ее отношением к правящему классу и к широким трудящимся массам — пролетариату и мелкой буржуазии в городе и деревне.

Наиболее четко и последовательно экономические и политические интересы буржуазии выражали ее политические партии. Без конкретного изучения деятельности этих партий нельзя изучать классовую борьбу.

Целью данной статьи является исследование особенностей партийных организаций буржуазии в Сибири[1]).

Разнородная по своему экономическому положению, по своему социальному составу буржуазия различных районов России при формировании в политическую силу имела различные особенности и отличия. Буржуазиия в Сибири, одной из самых больших окраин России, где капитализм стал развиваться значительно позднее центра страны, имела ряд особенностей в своем экономическом развитии. К этим особенностям относилось сохранившееся единство торгового и промышленного капитала с явным преобладанием торговых операций, сосредоточение наиболее крупного капитала в добывающей промышленности при слабо развитой обрабатывающей промышленности, сохранение влияния торгово-ростовщического капитала наряду с зарождающимся влиянием монополистического банковского капитала. Экономические особенности сибирской буржуазии определяли и ее политические позиции, особенно остро проявившиеся в период организации и создания политических партий и ее отделов.

В. И. Ленин отмечал, что деление общества на политические партии, их классовая сущность всего яснее выступают в период кризисов, потрясающих основы общества, в период революционных боев[2]). Таким кризисом в России была революция 1905-1907 гг.

Первая буржуазно-демократическая революция 1905-1907 гг. окончательно размежевала политические силы в русском обществе, ускорила развитие классовых сил, определила положение различных классов в двух противоположных классовых лагерях. Лагерь правящих классов объединил царское самодержавие, его классовую опору — помещиков и класс буржуазии. Особенности исторического развития буржуазии, экономическая зависимость ее от самодержавия, позднее политическое созревание и классовая борьба буржуазии с пролетариатом определили

---

[1]) О формировании русской буржуазии в политическую силу есть целый ряд интересных работ: монография Е. Д. Черменского «Буржуазия и царизм в революции 1905-1907 гг.», М.-Л., 1939, а также ряд его статей; **В. Стальный.** Кадеты. Изд. «Пролетарий», 1929; **С. Е. Сеф.** Буржуазия в 1905 г. М.-Л. 1926; **В. Я. Лаверычев.** Московские промышленники в годы первой русской революции. «Вестник Московского университета», серия IX, История, 1964, № 3 и др. Но организация и деятельность провинциальных отделов кадетской партии в Сибири в исторической литературе не исследованы.

[2]) **В. И. Ленин.** Полн. собр. соч. т. 21, стр. 276.

реакционный характер этого класса, его контрреволюционность[1]).

Под влиянием всеобщего революционного подъема русская буржуазия ускорила начавшийся процесс формирования, начала складываться в единую и сознательную политическую силу[2]). Уже в марте 1905 г. крупнейшие капиталисты московской губернии на совещании, созванном С. Т. Морозовым, заговорили о необходимости объединения в единый союз всех совещательных организаций буржуазии[3]). В июле 1905 г. крупная петербургская и московская биржевая буржуазия на совместном заседании в московской бирже приняла решение о необходимости объединения своих сил. Организаторами этого совещания были такие крупные биржевые деятели, как Четвериков Вишняков, три брата-миллионера Рябушинские, Крестовников. Морозов. Впервые на этом совещании были сформулированы основные политические требования крупной буржуазии: «правильная организация народного представительства, законность, неприкосновенность личности и жилища, свобода слова, печати, союзов и собраний в нормах закона и ограждения собственности»[4]).

В Сибири до революции 1905 г. совершенно отсутствовали политические буржуазные организации. Революция послужила мощным толчком, ускорившим организацию торговцев и промышленников в этом районе страны. Революционная борьба пролетариата, охватившая всю страну, ускорила политическое созревание буржуазии. Первой активно выступила буржуазная интеллигенция. Под влиянием событий в центре страны буржуазия в Сибири летом 1905 г. приступила к активной организации «профессионально-технических» объединений. Как и по всей России оживилась деятельность уже существовавших организаций учителей. В городах Сибири возникали общества практических врачей, общества присяжных поверенных, техников и инженеров, деятелей по народному образованию и т. п. В августе 1905 г. В Иркутске, одном из центральных городов Сибири, действовало уже 14 «профессионально-политических» союзов. В Томске, единственном сибирском городе, имевшем высшие учебные заведения, был создан, кроме того, «Академический

---

[1]) **В. И. Ленин.** Полн. собр. соч., т. 19, стр. 213-214; т. 24, стр. 348.

[2]) **В. И. Ленин.** Полн. собр. соч., т. 16, стр. 125.

[3]) Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 426, оп. 1, д. 103, л. 1.

[4]) Центральный Государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 102, 00, 1905 д. 999, ч. 44, л. 4 (подчеркнуто автором).

союз» (сентябрь 1905 г.), в который вошли профессора университета и Технологического института. В отличие от подобных «Академических союзов», созданных в центре страны, томский «союз» объединял в единой организации не только профессуру, но и младших сотрудников, вплоть до лаборантов[1]).

Подобно буржуазной интеллигенции, формировала свои объединения торгово-промышленная буржуазия. В Иркутске мелкие лавочники образовали «союз лавочников»[2]). Крупные хозяева-предприниматели, по примеру московской буржуазии, создали «торгово-промышленный союз»[3]).

В мае 1905 г. профессионально-политические союзы объединились в союз союзов, а в конце лета по всей России стали образовываться местные союзы союзов. Профессиональные союзы русской буржуазной интеллигенции стояли на позициях либеральной буржуазии. Позднее они составили ядро отделов кадетской партии[4]).

В Сибири такой союз союзов был образован в Иркутске в октябре 1905 г. В него вошли все 14 профессиональных союзов, действовавших в городе, в том числе и «союз лавочников», и «торгово-промышленный союз». Была приглашена в «союз» и местная группа социал-демократов, но она отказалась войти в это объединение. Свой отказ социал-демократы мотивировали тем, что «союз» является буржуазной организацией[5]). Во главе иркутского «союза союзов» стало бюро из 19 человек, возглавляемое инженером-железнодорожником, князем Андрониковым[6]).

Профессиональные союзы буржуазии были непрочными. Они объединяли самые разнообразные слои, от крупной буржуазии до демократической интеллигенции. Они не могли отражать различные, иногда противоположные интересы этих слоев. Поэтому эти союзы не были деятельными и быстро распадались. Созданный в октябре иркутский «союз союзов» был распущен

---

1) ГАТО, ф. 3, оп 70, д. 968, л. 154.

2) Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 600, оп. 1, д. 141, л. 84.

3) Там же. И. Серебренников. Красные дни в Иркутске. «Сибирские вопросы», 1907, № 26, стр. 8.

4) См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 266.

5) ГАИО, ф. 600, оп. 1, д. 141, лл. 34, 84.

6) Там же, л. 84. Князь Андроников, провозгласивший себя в 1905 г. эсером, после поражения революции в 1907 г. перешел в партию кадетов.

в декабре 1905 г. местной администрацией и больше не возобновлял своей деятельности.

Наиболее полно и точно отражали требования буржуазии не «профессиональные» организации, а политические партии.

Оформление политических партий русской буржуазии произошло во второй половине 1905 г. Неоднородность, различное экономическое и политическое положение привело к тому, что крупная и средняя буржуазия в России имела две партии — партию «17 Октября» (октябристы) и конституционно-демократическую партию (кадеты). Партия октябристов была партией блока крупной буржуазии и помещиков; партия кадетов — партией промышленной буржуазии и либерального помещика, с одной стороны, и буржуазной интеллигенции, с другой[1]). Это были, в сущности, два фланга одного класса, борющегося на два фронта — с демократией и с самодержавием[2]).

Вслед за созданием буржуазных политических партий в центре страны, в городах Сибири стали создаваться отделы этих партий.

Для создания и укрепления партии октябристов в Сибири не было необходимой опоры. Крупной промышленной буржуазии было немного, помещиков совсем не было. Среди торговых и промышленных кругов городской буржуазии партия октябристов не пользовалась авторитетом. Слабость экономических позиций сибирской буржуазии в конкурентной борьбе с крупными дельцами центра страны, поддерживаемыми самодержавием, третирование местной администрацией прав промышленной и торговой буржуазии — все это приводило к непопулярности партии октябристов. Отделов партии «17 Октября» в Сибири было мало. В 1906 г. по всей Сибири было создано только три отдела этой партии: в Томске, Омске и Красноярске[3]).

В Томске отдел партии октябристов был создан в декабре 1905 г. Было избрано бюро отдела, во главе которого стал ректор Томского университета Курлов. Проект программы был разработан профессором Базановым. В бюро вошли представители буржуазной интеллигенции: профессора Курлов, Кащенко, Базанов, Чернышов, Эман, Богомолов; от купечества и предпринимателей — миллионер Кухтерин, Малышев, Молчанов, За-

---

1) См. **В. И. Ленин,** Полн. собр. соч., т. 14, стр. 192; т. 12, стр. 189-190.
2) **В. И. Ленин.** Полн. собр. соч., т. 21, стр. 170, 171.
3) ЦГАОР, ф. 115, оп. 1, д. 6, лл. 11, 33.

вирков, Тренцев, Петров, Хамеров; от духовенства — Беликов[1]). Созданный отдел партии был бездеятелен. Вскоре после своего образования он распался на несколько частей. Одна группа образовала союз «истинно русских людей», вторая — отдел «союза русского народа», откололась и отошла к беспартийным небольшая группа умеренно либеральной интеллигенции. Осталась небольшая группа людей во главе с Кухтериным, ничем фактически не занимавшаяся. Деятельность этой группы возрождалась только во время выборов в Государственную думу. Большого влияния эта группа среди томского купечества не имела.

В Омске отдел партии «17 Октября» действовал на протяжении 1906-1907 гг. и деятельность его развертывалась также только во время выборов в Государственную думу. Во главе омской организации стоял чиновник А. В. Соболевский, особенно активно выступавший на всех предвыборных собраниях. Своего печатного органа омское отделение не имело, но в 1907 г. издало речь Соболевского на предвыборном собрании 14 января в виде брошюры[2]).

В Красноярске отдел октябрьской партии был самым многочисленным и самым бездеятельным. По сообщениям печати, в 1907 г. он насчитывал около 70 человек[3]). Но ни в архивах местного жандармского управления, ни в периодической печати, ни в делах октябристской партии никаких следов деятельности этого отдела нет.

В других городах Сибири организации октябристов вообще не были созданы. Попытки создать отдел партии в Новониколаевске не увенчались успехом, так как сочувствовавших этой партии в городе не нашлось[4]). Даже в таком крупном городе, как Иркутск, отдел партии не был создан. При подготовке третьего съезда партии октябристов уполномоченный ЦК, приехавший в Восточную Сибирь, писал из Иркутска: «В Иркутске и вообще этой области у нас ровно никого нет и даже нет депутата, который мог бы указать сочувствующих лиц[5]). На третьем съезде партии «17 Октября», на который все провинциальные отделы направляли своих депутатов, от Сибири был направлен

---

[1]) «Сибирская жизнь», № 255, от 17 декабря 1905 г.

[2]) **А. В. Соболевский.** Речь, произнесенная 14 января 1907 г. на предвыборном собрании Омского отдела «Союза 17 октября». Омск, 1907.

[3]) «Сибирская жизнь», № 118, от 18 сентября 1907 г.

[4]) ГАТО, ф. 3, оп. 77, д. 402, л. 191 (из донесения Новониколаевского жандармского управления томскому губернатору).

[5]) ЦГАОР, ф. 115, оп. 1, д. 17, л. 7.

только один депутат — адвокат П. В. Оленин от томской организации, остальные отделы депутатов на съезд не посылали[1]).

Одним из доказательств непопулярности октябристской партии служило то, что ни в один состав Государственной думы от Сибири не было избрано ни одного октябриста.

Вскоре после окончания первой русской революции октябристские организации в Сибири распались. Сохранившаяся организация в Томске не была ни активной, ни популярной. В этом откровенно признавался томский губернатор: «В Томске октябристы и правые имеют постоянно функционирующие организации, но очень слабые по своим силам и составу[2]).

Наибольшей популярностью и поддержкой среди торгово-промышленной буржуазии Сибири пользовалась партия кадетов.

Создание отделов кадетской партии проходило в Сибири в октябре 1905-июне 1906 гг. Ее организации сразу же охватили большое количество лиц буржуазной интеллигенции, промышленников, торговцев и чиновников. В годы революции кадетские организации в городах Сибири росли очень быстро. Отделы и подотделы кадетской партии открывались в каждом сибирском городе. В крупных городах численность отделов кадетской партии колебалась от 300 до 500-600 человек. Так, в Томске на организационное собрание пришло 70 человек[3]), но уже в начале декабря число членов томского отдела кадетской партии выросло до 500 человек[4]), а в начале 1906 г. увеличилось до 600 человек[5]). В Красноярске отдел партии кадетов насчитывал в начале января 1906 г. до 300 членов[6]). В Омске только в первые дни организации в отделе числилось 250 человек[7]). В конце ноября образовались отделы партии в Тобольске и Семипалатинске, а в конце года в Иркутске образовался отдел партии «народной свободы», к которому сейчас же присоединился «торгово-промышленный союз», созданный еще летом 1905 г. и объединявший крупное иркутское купечество[8]).

По списку отделов кадетской партии в России, составленному Маклаковым в июне 1906 г., в Сибири действовало пять гу-

---

1) ЦГАОР, ф. 102, 4Д, 1912, д. 130, ч. 77, л. 6.
2) ЦГАОР, ф. 115, оп. 1, д. 47, л. 43.
3) «Сибирская жизнь», № 238, от 26 ноября 1905 г.
4) «Сибирская жизнь», № 247, от 8 декабря 1905 г.
5) ЦГАОР, ф. 523, оп. 1, д. 400, л. 17.
6) Там же, д. 211, л. 12.
7) Там же, д. 169, л. 1.
8) «Сибирская жизнь», № 25, от 1 февраля 1906 г.

бернских (в Акмолинской области, в Енисейской, Иркутской, Тобольской и Томской губерниях) и четыре городских комитета[1]). Кроме того, в список Маклакова еще не был включен образовавшийся после марта 1906 г. городской отдел в Омске — один из крупнейших отделов кадетской партии в Сибири и ряд мелких отделов (напр., Черемховский отдел, созданный промышленником Собещанским и подчиненный иркутскому губернскому комитету, городские отделы в Канске, Ачинске, Минусинске, подчиненные енисейскому губернскому комитету, находившемуся в Красноярске)[2]).

Состав отделов партии кадетов в Сибири также свидетельствовал о ее популярности в торгово-промышленных кругах.

В архивах не сохранились полностью списки всех местных отделов партии. Сохранились списки только некоторых комитетов (омского и красноярского) и списки наиболее активных деятелей и организаторов томского, иркутского и красноярского отделов.

В Омске из девяти членов комитета было трое предпринимателей, четыре человека — представители буржуазной интеллигенции .Председателем отдела был Ящеров — торговец, домовладелец, член городской думы.

В Красноярске первый состав комитета (последующий был более правым), состоявший из десяти человек, распределялся следующим образом: четыре промышленника, пять представителей буржуазной интеллигенции и один ссыльный — Караулов[3]).

Во главе Томского комитета стоял профессор технологичес-

---

[1]) Государственный исторический музей, отдел письменных источников (ГИМ ОПИ), ф. 31, д. 143, лл. 31-51.

[2] ЦГАОР, ф. 523, оп. 1, д. 211, л. 8; Государственный архив Красноярского края (ГАКК), ф. 827, оп. 1, д. 261, л. 5.

[3]) Первоначальный состав комитета, как слишком «левый», не удовлетворил крупных промышленников и торговцев, членов отдела. Поэтому организаторы отдела кадетской партии собрали совещание 10 февраля 1906 г. на квартире золотопромышленника Григорьева и избрали новый состав комитета, более правый (ЦГАОР, ф. 523, оп. 1, д. 211, л. 14).

Начавший свою революционную деятельность как народоволец В. А. Караулов был отправлен в 1889 г. в Сибирь на поселение. Здесь, постепенно отказываясь от своих прежних взглядов, Караулов стал окончательно на путь ренегатства. В 1905 г. Караулов выступал как ярый контрреволюционер и монархист. В Государственной думе Караулов занимал одно из первых мест «среди самых подлых, контрреволюционных кадетов с вечной ханжеской фразой на устах», — писал о нем В. И. Ленин (Полн. собр. соч., т. 20, стр. 97-99).

кого института В. А. Обручев. В этом комитете большую роль играли профессора Томского университета и технологического института, являвшиеся членами «Академического союза». Но в отдел входили и представители торговой буржуазии. Большую роль играли купец I гильдии Горохов, книготорговец Макушин и др.

Организатором и руководителем иркутского отдела кадетской партии был врач Федоров, которого затем сменил глава биржевого комитета, директор местного отдела Русско-Азиатского банка А. Витте.

Состав отделов кадетской партии определил и ее тактику. С первых дней своего существования сибирские отделы кадетской партии и ее организаторы выступали с конституционно-монархических позиций. Еще летом 1905 г. на съезде земских и городских деятелей в Москве из активных красноярских кадетов Караулов выступил против идеи созыва учредительного собрания. Сибирское купечество требовало защиты монархии. Члены торгово-промышленного союза в Иркутске на организационном собрании кадетской организации поставили условием своего вхождения в отдел исключение из проекта программы пункта об учредительном собрании. «Мы должны исключить из политической программы этот пункт сейчас же, в противном случае наш союз может распасться»[1]), — утверждали они на собрании.

Это требование буржуазии было отражено во всех местных программах. В то время, как в программе кадетов, принятой на учредительном собрании кадетской партии в октябре 1905 г., говорилось весьма неопределенно и расплывчато, что «конституционное устройство Российского государства определяется основным законом», сибирские отделения партии высказывались более определенно. В первом пункте программы, принятой томским отделением кадетской партии в ноябре 1905 г., было записано: «Верховная власть в государстве Российском принадлежит Государю императору и Государственной думе»[2]). Направляя в начале 1906 г. представителя на всероссийский съезд кадетской партии, томская организация подчеркивала в своем постановлении: «Мы не считаем возможным введение в настоящую минуту в России республиканского образа правления, ...

[1]) «Сибирская жизнь», № 25, от 1 февраля 1906 г.

[2]) Программа томского отдела кадетской партии, принятая на учредительном собрании 25 ноября 1905 г. «Сибирский торгово-промышленный календарь 1906 г.». Томск, 1906, отд. 2, стр. 102.

мы стоим за конституционную монархию[1]). Кадетская газета «Сибирская жизнь» утверждала на своих страницах, что «республика не отвечает православию и традициям русского населения[2]). Программа красноярского отдела, написанная в первых числах ноября 1905 г., также начинается с утверждения, что власть в государстве должна принадлежать царю и Государственной думе[3]).

Правое направление кадетских организаций было не случайным в Сибири, оно объяснялось социальным составом отделов этой партии. Сибирские кадеты, под влиянием торговой буржуазии, вошедшей в организации, начали путь, о котором В. И. Ленин писал: «Либеральная буржуазия, с партией кадетов во главе, вступившая на контрреволюционный путь уже при первых крупных выступлениях масс в революции, продолжает идти по этому пути, еще более сближаясь с октябристами и своей царистско-националистической агитацией, — выражающей рост самосознания буржуазии как класса, — фактически служит службу абсолютизму и крепостникам-помещикам»[4]).

Основного своего врага буржуазия видела не в самодержавии, а в пролетариате, в его организации, прежде всего в пролетарской партии. Растущее революционное движение внушало ужас буржуазии. Августовские стачки 1905 г., прокатившиеся по полосе сибирской железной дороги, августовские выступления пролетариата в Красноярске, Иркутске, Чите, растущее движение среди крестьян Сибири испугали буржуазию. Кадетские организации в Сибири активно выступили против рабочих, в поддержку самодержавия. Устами ренегата Караулова красноярские кадеты высказали свое кредо. На собрании красноярского отдела кадетской партии Караулов заявлял буквально следующее: «Если с одной стороны будет правительство, осуществляющее манифест 17 октября, а с другой стороны крайние партии с диктатурой пролетариата на знамени, я пойду сражаться в рядах правительства и умирать у его ног»[5]). Выступление Караулова сопровождалось бурными аплодисментами местных дельцев, членов кадетской партии. Недаром позднее, в 1907 г., Караулов был выдвинут цензовой буржуазией Красноярска депутатом в III Государственную думу.

---

[1]) ЦГАОР, ф. 523, оп. 1, д. 400, л. 16.
[2]) «Сибирская жизнь», № 260, от 23 декабря 1905 г.
[3]) ЦГАОР, ф. 1, д. 77, л. 1.
[4]) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 326.
[5]) ГАКК, ф. 827, оп. 1, д. 261, лл. 28, 29.

В момент наивысшего накала революционного движения в декабре 1905 г. кадеты в Сибири откровенно выступили против борющихся трудящихся масс. Предложения некоторых членов партии о блоке с «крайними партиями» — партией социал-демократов и партией эсеров — были встречены в штыки. В томском отделе партии кадетов на общем собрании 14 декабря 1905 г. адвокат Бейлин, один из виднейших кадетов в Томске, заявил, что о возможности союза с левыми партиями нечего говорить, так как «такой союз немыслим и не нужен»[1]). Но это же собрание записало в своей резолюции о необходимости совместной деятельности с правительством и поддержки его мероприятий, немеченных манифестом 17 октября»[2]). Красноярские кадеты также протестовали против возможного блока с партиями эсеров и социал-демократов. Караулов лицемерно заявлял, что он готов признать заслуги этих партий, но «они заигрались» и поэтому союз с ними немыслим[3]).

Особое озлобление вызывала у кадетов тактика большевиков: политическая стачка, переходящая в вооруженное восстание. Кадетская пресса обрушилась со злобными обвинениями на московский пролетариат, поднявшийся на вооруженное восстание в декабре 1905 г. На своих собраниях, на страницах кадетской газеты «Сибирская жизнь» они выступали против вооруженного восстания. «... Это кровопролитие, — кричали кадеты, — не только не служит делу свободы, оно может потушить уже зажегшийся огонек свободы, и мы, благодаря крайним партиям, можем не дожить и до той Государственной думы, которую они собираются бойкотировать»[4]).

Полностью отрекаясь от вооруженного восстания, сибирские кадеты отрицали фактически и политическую стачку как один из методов борьбы, считая ее чересчур радикальным и опасным методом. Общая политическая стачка, как было заявлено на собрании томского отдела кадетской партии 11 декабря 1905 г., является «героическим и **крайним** средством, **допустимым** только в **исключительных** случаях и **по постановлению съезда делегатов партии**»[5]).

---

[1]) «Сибирская жизнь», № 255, от 17 декабря 1905 г.
[3]) «Сибирская жизнь», № 251 от 13 декабря 1905 г.
[4]) Там же.
[5] «Сибирская жизнь», № 251, от 13 декабря 1905 г. (подчеркнуто автором). Так же ЦГАОР, ф. 523, оп. 1, д. 400, л. 16 (письмо томской организации на второй всероссийский съезд кадетской партии).

На своих же собраниях кадеты откровенно признавали, что они считают вопрос о политической стачке неприемлемым решением. Они уговаривали, убеждали на своих открытых собраниях отказаться от наступательной тактики. «Наступательные, насильственные действия для разрушения существующего порядка «неприемлемы, так как они «создают ненужные жертвы и оказываются утопическими перед развитой техникой войск, — утверждали кадеты. — Более того, — лицемерно продолжали они, — эти действия, раздражая и возбуждая население против освободительных идей, могут оказать обратное влияние в смысле усиления реакции»[1]).

Борясь против марксистской партии, буржуазия выдвигала свои лозунги для привлечения и подчинения широких масс крестьянства, ремесленников и рабочих. Поэтому в программах местных отделов кадетской партии помещались широковещательные демагогические пункты по аграрному и рабочему вопросам. О причинах включения этих пунктов в программу сказано в письме томской организации кадетов в центральный комитет партии. «Аграрная реформа должна быть осуществлена... Без этого наша партия не будет в состоянии завоевать поддержку крестьянского класса»[2]). По этой же причине в весьма неопределенных, расплывчатых выражениях был выдвинут и пункт по рабочему вопросу.

Особенно большое внимание уделяли кадетские организации аграрному вопросу. Демагогически провозглашая требование наделения крестьян землею «на самых широких началах», сибирские кадеты предлагали наделить крестьян удельными, кабинетскими и частновладельческими землями, полученными в результате «вознаграждения» бывших владельцев, т. е. за выкуп[3]). Несколько отличалась в этом пункте только программа омских кадетов, предложивших «национализацию земли на основе вознаграждения владельцев» с последующей сдачей земли в аренду крестьянам[4]). Но, в сущности, все местные кадетские программы предлагали провести реформистским путем самые наболевшие вопросы, которые сами крестьяне уже начали решать революционным путем.

Значительно более осторожно и туманно формулировали ка-

---

[1]) «Сибирская жизнь», № 260, от 23 декабря 1905 г.
[2]) ЦГАОР, ф. 523, оп. 1, д. 400, л. 16-17.
[3]) Там же, л. 16 и д. 77, л. 1.
[4]) Там же, д. 399, л. 3.

деты свои обещания рабочим. Красноярские кадеты в своей программе, составленной еще в ноябре 1905 г., предлагали создать «благоприятные условия для развития самодеятельности рабочих». В программу было включено требование реформы рабочего законодательства, без указания, в чем эта реформа заключается, а также требование 8-часового рабочего дня, «где это возможно». Кадеты признавали за рабочими право экономических стачек, но тут же предлагали для разбора всех спорных вопросов учреждение примирительных палат, составленных из равного числа выборных от рабочих и предпринимателей[1]).

Томский отдел конституционно-демократической партии демагогически заявил, что отдел «не враждебен процессу социализации производства», но тут же оговорил, что этот процесс должен «совершаться в духе эволюции». И также основным методом урегулирования рабочего вопроса предлагали создание примирительных камер[2]).

Таковы были основные вопросы, поднимаемые в программах сибирских отделов кадетской партии. При рассмотрении их становится ясным, что с первых дней своего существования отделы кадетской партии в Сибири стояли на близких к октябристским монархических позициях. Такова была первая особенность кадетских организаций в Сибири.

Второй особенностью кадетских организаций в Сибири было сближение их с областническим течением.

В XX веке сибирское областничество выражало интересы молодой промышленной и торговой буржуазии. С первых же дней создания Сибирского областного союза было ясно, что областники стремятся к прочному союзу или даже к полному слиянию с группировками местных «прогрессистов», будущих кадетов. Еще в июне 1905 г. глава сибирского областничества Г. Н. Потанин писал в письме, что в состав учреждаемого Сибирского областного союза входят и областники и прогрессисты[3]).

Первый съезд Сибирского областного союза собрался 28 августа 1905 г. в Томске на квартире П. В. Вологодского. На съезде были делегаты от Томска, Иркутска, Красноярска, Мариинска, Барнаула и села Берского. Присутствовали на съезде многие видные деятели и будущие организаторы кадетских орга-

---

[1]) Там же, д. 77, л. 1, д. 400, д. 17.

[2]) Там же.

[3]) Томский областной краеведческий музей, оп. 4, частный фонд Потанина, д. 12, л. 30.

низаций в Сибири: Караулов и Козлов (Красноярск), Вологодский (Томск), Витте (Иркутск и др.[1]). Уже на этом съезде стало ясно, что областники полностью отреклись от идеи сепаратизма. Прежде всего об этом говорила принятая на съезде программа.

Мысль об отделении Сибири от России не находила поддержки ни среди богатого крестьянства, ни среди торгово-промышленных кругов. Поэтому областники спешили подчеркнуть в программе «союза», что Сибирь составляет нераздельную часть России[2]). В программе областников («Основные положения сибирского областного союза») на первое место были выдвинуты не сибирские, а обещегосударственные вопросы: о Государственной думе, с требованием не законосовещательной, а законодательной думы; об учреждении ответственного кабинета министров, об установлении буржуазных свобод (слова, собраний, печати и т. п.), об учреждении административных учреждений[3]). Весь «сепаратизм» сводился к требованию организации областного управления в форме сибирской областной думы под руководством и при подчинении областной думы центральному органу. По выдвигаемому проекту круг деятельности областной думы ограничивался вопросами местного бюджетного права, народного образования, медицинского обслуживания, местных путей сообщения, определения порядка землепользования в связи с переселением и т. д. Областная дума, как оговаривали областники, должна пользоваться правом участия при решении вопроса о размерах тарифов и правом распоряжения всеми землями области, составляющими часть общегосударственного фонда[4]). Этим и ограничивались «сепаратистские» наклонности областников. В сущности они повторили здесь программу кадетов о местном самоуправлении и автономии.

Реакционность областников, их переход к союзу с торгово-промышленной буржуазией обусловили вхождение областников в партию кадетов, наиболее популярную партию среди сибирской городской буржуазии.

Уже в ноябре 1905 г. группа областников во главе со своим вождем Г. Н. Потаниным заговорила о желательности еще большего сближения с кадетами, подчеркивала единство взгля-

[1]) ЦГАОР, ф. 102, 00, 1905, д. 999, ч. 59, лл. 3, 10.
[2]) Основные положения сибирского областного союза, б/г, б/м, стр. 3.
[3]) Там же, стр. 1.
[4]) Там же, стр. 4.

дов и программ партии кадетов и группы областников. Кадетская газета «Сибирская жизнь» писала: «Мы должны... констатировать почти полное тождество программ Сибирского союза и конституционно-демократической партии»[1]). Тождественны были требования ответственного министерства, требование парламента, избираемого всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием, областники и кадеты одинаково много говорили вообще о правах рабочих, не предлагая ничего конкретного. Совпадал и центральный пункт программы Сибирского союза об областной думе с требованием сибирских отделов кадетской партии об установлении местной автономии.

Экономическая программа областников устраивала торгово-промышленные круги Сибири. Областники выдвигали требования: изъятие аграрного вопроса из ведения переселенческого управления и передачу его на рассмотрение местных органов самоуправления, упразднение челябинского перелома, предоставление Сибири права пользоваться известным процентом доходов государственной казны от золотопромышленности, от таможен, устроенных на сибирско-азиатской границе[2]). Все это входило в экономическую программу сибирских отделов кадетской партии. Областничество становилось выразителем и защитником интересов торгово-промышленной буржуазии. Немудрено, что от высказываний об общей программе областники перешли к практическому объединению с отделами кадетской партии. «Нам представляется, — писали областники, — вполне возможным слияние обеих групп, воодушевленных, как мы видели, одними и теми же идеалами в единую политическую партию ... нам представляется более целесообразным создать одну русскую конституционно-демократическую партию, чем отдельно Сибирский союз, Малорусский союз, Новороссийский союз и т. д.[3]).

В начале декабря 1905 г. в Томске происходило совместное заседание бюро отдела конституционно-демократической партии и бюро Сибирского областного союза, посвященное вопросу совместной деятельности обеих политических организаций. Обмен мнений выяснил, что члены Сибирского союза при желании могут быть членами конституционно-демократической партии и наоборот. Большинство областников вошло в состав кадетских организаций и стало ее активными деятелями. Только неболь-

[1]) «Сибирская жизнь», № 233, от 19 ноября 1905 г.
[2]) «Сибирская жизнь», № 34, от 12 февраля 1916 г.
[3]) «Сибирская жизнь», № 233, от 19 ноября 1905 г.

шая часть областников влилась в партию народных социалистов и эсеров.

Связь областничества и кадетов Сибири была весьма прочной. Сибирские кадеты, опираясь на защиту краевых нужд и «местных дел» в лице областников нашли хороший цементирующий материал для создания наиболее спаянного и организованного либерализма, признаваемого сибирскими кадетами единственным средством возрождения и оздоровления общественного строя России.

Правое направление кадетских организаций в Сибири, приближающееся к октябризму, было характерно для них с первых дней. Малочисленность октябристских организаций, их слабость привела к объединению буржуазии в отделах кадетской партии.

На чисто кадетских позициях в Сибири стояли областники, с первых дней революции слившиеся с правокадетской и октябристской буржуазией. Ленинское предсказание о будущем объединении этих двух флангов класса буржуазии в Сибири осуществилось ранее, чем в центре страны, уже в начальный момент формирования буржуазии в политическую силу.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
имени ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

№ 25 1969

БОЛЬШЕВИСТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ В КРОНШТАДТЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

И. Г. ЧИЖОВ

В годы первой мировой империалистической войны большевики, исходя из тактических установок Центрального Комитета партии и В. И. Ленина по вопросам войны, мира и революции, развернули широкую военную работу в войсках царской армии и на кораблях флота. Большое внимание коммунисты уделили развертыванию революционной пропаганды среди моряков Кронштадта и в целом среди моряков Балтийского флота. Этой работой руководила военная группа Петербургского комитета РСДРП.

В. И. Ленин придавал важное значение широкой постановке большевистской работы в Балтийском флоте. Еще до войны, в период революционного подъема в стране, В. И. Ленин ставил перед большевиками задачу — создать прочные большевистские военные организации среди моряков Балтийского флота. В письме к А. М. Горькому в августе 1912 года В. И. Ленин писал:

«А в Балтийском флоте кипит! У меня был в Париже (между **нами**) специальный делегат, посланный собранием матросов и социал-демократов. Организации нет, — просто плакать хочется!! Ежели есть у Вас офицерские связи, надо все усилия

употребить, чтобы что-либо наладить. Настроение у матросов боевое, но могут опять все зря погибнуть»[1]).

Исходя из общих указаний В. И. Ленина, большевики Петрограда с самого начала войны начали развертывать работу по воссозданию большевистских военных организаций в Кронштадте, где для этого имелись благоприятные условия.

Во-первых, в Кронштадте были живы богатые революционные традиции, связанные с выступлениями моряков против царизма, особенно в период революции 1905-1907 годов, а затем в период революционного подъема. В Кронштадт царизм ссылал «политически неблагонадежных» с других флотов и флотилий, а Кронштадтский флотский полуэкипаж был превращен в дисциплинарный, в который направлялись осужденные матросы из самых отдаленных флотилий. Так, например, по решению суда особой комиссии при Благовещенском отряде Амурской речной военной флотилии от 11 декабря 1913 года в Кронштадтский флотский полуэкипаж был сослан на три года матрос 2-ой статьи Лука Быстрянский[2]), а такие факты были не единичны.

Во-вторых, в связи с мобилизацией во время войны в Кронштадте оказалось много опасных для самодержавия людей, представителей рабочего класса, участников революционного движения. Ученик школы юнгов Виталий Примаков еще до службы участвовал в революционном движении и был исключен из Черниговской мужской гимназии, «застигнутый при распространении противоправительственных прокламаций»[3]). В этом же деле были замешаны ученики школы юнгов Сергей Сербин, Валериан Петров и многие другие[4]). В годы войны в Кронштадте оказались большевики М. Мартынов, руководивший большевистской организацией рабочих судоремонтного завода, служившие во флоте Т. Ульянцев, И. Сладков, С. Пелихов, Д. Кондаков, Ф. Кузнецов-Ломакин, А. Любович, В. Зайцев, Н. Ильин и многие другие — непосредственные организаторы большевистского подполья.

В-третьих, Кронштадт как один из подрайонов Петрограда был близко расположен к столице, что позволяло большевикам Петрограда установить тесные связи с большевиками Кронштад-

---

[1]) **В. И. Ленин.** Соч., изд. 4, т. 35, стр. 30.

[2]) Центральный государственный архив Военно-Морского флота (ЦГАВМФ), ф. 407, 1915 г., д. 120.

[3]) **ЦГАВМФ**, ф. 930, 1917 г., оп. 2, д. 285, л. 6.

[4]) **Там же**, лл. 14, 21.

та и совместно с ними создать сильную большевистскую организацию.

Наконец, в-четвертых, царское командование в лице главного командира Кронштадтского порта и кронштадтского генерал-губернатора вице-адмирала Вирена, коменданта крепости вице-адмирала Куроша и других в целях пресечения «крамолы» в отношении «нижних чинов» принимало самые свирепые меры репрессий. Так, например, командир I-го Балтийского флотского экипажа генерал-майор Стронский приказом № 44 от 8 мая 1915 года отдал под суд матросов 2-й ст. Н. А. Евстафьева, П. А. Суханова, А. П. Ткачик, С. М. Дьяконова, матроса 1 ст. П. В. Петрова, зап. машиниста 2-й ст. И. П. Купцова, маляра П. С. Растимешина[1]). Все они были осуждены на различные сроки военно-морским судом Кронштадтского порта. Тот же генерал Стронский приказом № 45 от 13 мая 1915 года отдал под суд около 30 «нижних чинов»[2]).

Чтобы изолировать «политически неблагонадежных» от остальной массы матросов, вице-адмирал Вирен решил создать плавучий карцер на 50000 мест и по этому поводу вел в марте 1916 года переписку с начальником Главного морского штаба вице-адмиралом Стеценко[3]). Однако Морское министерство не согласилось ни с этим предложением Вирена, ни с его вторым предложением — послать всех «политически неблагонадежных» в действующую армию.

Свирепые репрессии вызывали законное недовольство рядовой матросской массы, которая быстро заражалась революционными настроениями. Из ненависти к царскому командованию вырастала ненависть ко всему самодержавно-крепостническому строю.

Таким образом, в годы войны в Кронштадте имелся большой социальный горючий материал для того, чтобы развернуть здесь широкую революционную работу. И большевики незамедлили воспользоваться этим.

В начале войны на первый план работы большевистской партии в Балтийском флоте выдвигались следующие задачи: воссоздание большевистских военных организаций; создание единого подпольного центра, тесно связаного с ЦК РСДРП; разо-

---

[1]) ЦГАВМФ, ф. 939, 1915; д. 463, л. 21.

[2]) Там же, лл. 33-35.

[3]) ЦГАВМФ, ф. 407, 1915 г., д. 459, л. 1; д. 489, л. 1; ф. 407, 1915-1916 гг., д. 46188, л. 45.

блачение империалистического, захватнического характера войны и воспитание у моряков и солдат ненависти к ней; пропаганда большевистских лозунгов «Превращение войны империалистической в войну гражданскую» и «Поражение своего правительства в империалистической войне».

Петербургский комитет РСДРП с самого начала войны развернул работу по проведению этих задач в жизнь. Осенью 1914 и зимой 1914-1915 годов большевики вели работу в Кронштадте по пропаганде Манифеста ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия», в котором разоблачался империалистический, грабительский характер войны, предательство лидеров II Интернационала и выдвигались конкретные лозунги борьбы против войны и царизма[1]). Вокруг большевиков сплачивались, группировались революционные элементы моряков. Уже в начале 1915 года на многих кораблях, базировавшихся на Кронштадт, и в некоторых морских и сухопутных частях крепости были созданы большевистские группы, коллективы и кружки. Правда, эти организации вначале не были связаны между собой и не имели единого руководящего центра, но они проводили революционную работу среди масс, что резко усилило антивоенные настроения значительной части моряков.

На первых порах антивоенные настроения матросов и солдат проявлялись своеобразно. Еще многие не понимали действительной сущности и характера происходящей войны. Не выступая против войны вообще, матросы и солдаты выражали резкое недовольство поражениями на фронтах, считали виновниками этих поражений немецкое окружение царя и офицеров с немецкими фамилиями, которых считали предателями и ненавидели их. О таких настроениях «нижних чинов» прямо сообщала кронштадтская охранка в своем донесении 24 августа 1915 года[2]).

Постановке планомерной и целеустремленной работы большевиков в Балтийском флоте способствовало объединение разрозненных, слабо связанных между собой отдельных ячеек, групп и коллективов в единую военную большевистскую органи-

---

[1]) Деятельность Петербургской организации РСДРП по распространению большевистской нелегальной литературы, в том числе и Манифеста ЦК РСДРП (б) («Война и российская социал-демократия») освещена в статье И. П. Лейберова «В. И. Ленин и Петроградская организация большевиков в период мировой войны (1914-1916 гг.)», опубликованной в журнале «Вопросы истории КПСС», 1960, № 5.

[2]) ЦГАВМФ, ф. 417, 1915 г., д. 45404, л. 3, оборот.

зацию с единым руководящим центром, который был создан в Кронштадте.

По указанию Петербургского комитета РСДРП члены военной группы С. Г. Рошаль, уволенный из армии, Кирилл Орлов (И. Ф. Егоров) и служившие в Кронштадте матрос 1-го Балтийского флотского экипажа Т. И. Ульянцев, унтер-офицеры учебно-артиллерийского отряда И. Д. Сладков и Ф. С. Кузнецов-Ломакин, матрос отдельного морского батальона 1-го Балтийского флотского экипажа С. Г. Пелихов и другие в начале 1915 года взялись за создание руководящего подпольного большевистского центра в Кронштадте. С. Г. Пелихов по указанию военной группы ПК РСДРП перешел на нелегальное положение с целью поддержания постоянной связи с Петербургским комитетом большевиков, транспортировки литературы и установления связей с другими базами Балтийского флота[1]).

К весне 1915 года в Кронштадте был создан Главный судовой коллектив РСДРП, председателем которого был избран выдающийся организатор и талантливый руководитель Тимофей Иванович Ульянцев (Отраднев) — член большевистской партии с 1905 г.[2]).

Главный судовой коллектив РСДРП был тесно связан с Петербургским комитетом партии. Эту связь осуществляли С. Г. Пелихов и Кирилл Орлов (Иван Федорович Егоров), который поддерживал связь с флотом через призванного из запаса матроса 1-го Балтийского флотского экипажа Н. И. Писарева[3]). Связь с Главным судовым коллективом РСДРП поддерживал член военной группы ПК РСДРП Семен Григорьевич Рошаль[4]).

Создание Главного судового коллектива РСДРП имело чрезвычайно важное значение и расценивается как крупный успех большевистской работы в Балтийском флоте. Благодаря дея-

---

[1]) ЦГАВМФ, ф. 930, 1916 г., оп. 2, д. 266, лл. 1-14.

[2]) Т. И. Ульянцев (1888-1919) — член РСДРП с 1905 г., руководитель большевистского подполья в Кронштадте; активный участник Октябрьской революции и гражданской войны. В 1919 г., будучи военным комиссаром армии, погиб при освобождении Азербайджана.

[3]) См. ж.: «Красный балтиец», 1920, № 5. Дело о революционной организации среди матросов.

[4]) С. Г. Рошаль — один из руководителей Кронштадтского комитета РСДРП после Февральской революции, руководитель большевистской фракции Кронштадтского Совета Р. и С. Д.; участник Октябрьского Вооруженного восстания в Петрограде. В 1918 году Советским правительством был назначен военным комиссаром Румынского флота, где расстрелян белогвардейцами.

тельности этого подпольного центра большевиков вскоре на многих судах и в некоторых частях Кронштадта были созданы большевистские группы.

Развертывая организационную работу и революционную пропаганду и агитацию, Главный судовой коллектив РСДРП выработал определенную тактику, которая состояла в том, чтобы всячески удерживать матросов от разрозненных, одиночных выступлений, имея в виду, избегая случайных выступлений, связать общее массовое выступление матросов с активными выступлениями рабочего класса.

В Кронштадт была налажена регулярная доставка большевистской литературы. Этим делом специально занимался С. Г. Пелихов, находившийся на нелегальном положении в Петрограде. В ресторанах, чайных, на берегу устраивались нелегальные собрания матросов, на которых обсуждались злободневные вопросы, связанные с войной и внутренним положением в стране.

В результате усиления большевистской работы не только росло революционное настроение масс, но в революционное движение включились более широкие круги матросско-солдатской массы. В 1915-1916 годах в революционное движение были вовлечены матросы Н. Г. Маркин, Н. А. Пожаров, И. Н. Колбин, А. Г. Пронин, С. Н. Баранов и многие другие, сыгравшие важную роль в последующий период борьбы большевиков за власть рабочего класса.

Кронштадтское жандармское управление, обобщая наблюдения своих агентов за работой большевистских организаций на флоте, осенью 1915 года сообщало: «...На каждом военном корабле в настоящее время функционируют с.-д. коллективы, имеющие своих представителей в общем руководящем коллективе. Последний, устраивая собрания на берегу в чайных, в ресторанах, главным образом направляет деятельность свою к разъяснению матросам текущих событий в желательном освещении, с целью создать среди них атмосферу недовольства. Подобный агитационный прием в руках опытных руководителей коллективов уже успел оказать влияние на настроения матросов, и в настоящее время почти на всех судах замечается приподнятое настроение и крайняя нервозность людей.

...Идейные руководители подпольной работы на военных судах всячески удерживают матросов от одиночных выступлений, подготовляя соответствующую обстановку на случай общих

выступлений со стороны рабочего класса, могущих оказать решительное влияние на изменение существующего государственного строя; каких-либо выступлений, приуроченных к определенному сроку, пока не намечено и вся революционная работа проявляется лишь в области организационной»[1]).

Крупное значение для развития революционного движения моряков Балтфлота имели волнения матросов летом и осенью 1915 года на кораблях «Гангут» и «Петропавловск», на крейсерах «Громобой», «Россия», «Баян» и на учебном судне «Николай I»[2]). Многочисленные аресты участников этих волнений вызывали новую волну возмущения у «нижних чинов». 22 октября 1915 года произошли волнения на крейсере «Рюрик», в результате чего 42 человека были арестованы и преданы суду[3]).

Классовая борьба в Балтийском флоте обострялась, принимая формы открытых столкновений матросов с офицерами. Разрозненные выступления и их поражения убеждали моряков в том, что выступать на борьбу с царизмом надо организованно, что выступление это надо тщательно готовить. Вырос авторитет большевиков в массах. Большевики усилили свою работу среди матросов и солдат, призывая их к выдержке, стойкости и организованности. ЦК РСДРП в специально изданной прокламации призывал матросов и солдат еще больше организоваться, сплотить свои ряды вокруг большевиков, поддерживать революционное движение рабочих и укреплять с ними связь. Особо важное значение для революционного воспитания Кронштадтского гарнизона имели две прокламации ЦК РСДРП, изданные летом 1915 года и обращенные к рабочим и солдатам. В первой прокламации разоблачался империалистический, захватнический характер происходившей войны и преступная политика самодержавия[4]). Во второй прокламации разоблачалось предательство и измена правящих и придворных кругов, назывались фамилии предателей и шпионов Мясоедова, Спиридовича, Остен-Сакена, Фрейтгата, Фредерикса и других. ЦК призвал рабочих и солдат

---

[1]) ЦГАВМФ, ф. 407, 1916 г., д. 471, л. 4.

[2]) ЦГАВМФ, ф. 407, 1915 г., д. 55, лл. 1-90; д. 391, лл. 1-8; д. 399, лл 1-2; ф. 417, 1915 г., д. 45404, лл. 17-18.

[3]) Указанные корабли базировались в Гельсингфорсе. Поэтому мы не рассматривали подробно ход волнений на этих кораблях.

[4]) Большевики в годы империалистической войны. Госполитиздат, 1939, стр. 46-48.

к свержению царской монархии и выходу из войны, призывал к революции[1]).

Главный судовой коллектив РСДРП принял меры к широкому распространению прокламаций ЦК и ПК нашей партии среди морских, сухопутных частей и судовых команд. Под воздействием этой широкой работы большевиков антивоенные и антиправительственные настроения моряков и солдат Кронштадтского гарнизона еще более усилились. Об этом доносило и Кронштадтское жандармское управление[2]).

Оживление революционного движения среди моряков Балтийского флота, которое особенно быстро развивалось с лета и осени 1915 года под влиянием работы большевиков, открыто антивоенные и антиправительственные настроения моряков, все более усиливающееся сопротивление матросов и солдат офицерству вызвало тревогу у царского правительства и командования Кронштадтской крепости и всего Балтийского флота. Царское правительство и командование Балтфлотом принимали меры к подавлению революционного движения и к ликвидации подпольной большевистской организации. Охранка усилила надзор и слежку за матросами и солдатами Кронштадтского гарнизона, стремилась через своих агентов внимательно следить за большевистской пропагандой, выслеживая истоки ее распространения. Кронштадт был наводнен шпионами и провокаторами из охранки, которые выслеживали большевиков и их подпольный центр. 500 шпионов и провокаторов, посланные охранкой в Кронштадт, рыскали в поисках большевистской организации, стараясь проникнуть в нее, а затем ликвидировать. Командование Балтфлота вменило в обязанность офицеров политический сыск и потребовало усилить и без того тяжелый режим службы.

В августе 1915 года во время транспортировки литературы из Петрограда в Кронштадт был арестован С. Г. Пелихов. Пелихов вез в Кронштадт листовки с требованием бойкотировать военно-промышленные комитеты. В январе 1916 года С. Г. Пелихов был доставлен этапным порядком в Кронштадт, заключен под стражу, а затем по приказу Вирена отдан под суд[3]).

Однако благодаря стойкости С. Пелихова охранке тогда не удалось выявить руководителей большевистской организации Кронштадта.

---

[1]) Там же.
[2]) ЦГАВМФ, ф. 417, 1915 г., д. 45404, лл. 24-25.
[3]) ЦГАВМФ, ф. 930, 1916 г., д. 266, лл. 1-14.

Усиление разведывательной деятельности кронштадтской охранки и принятые в этом же направлении меры командования крепости значительно осложнили обстановку для подпольной большевистской работы в Кронштадте и в целом в Балтийском флоте. Тем не менее руководители Главного судового коллектива РСДРП, несмотря на все трудности, продолжали расширять поле деятельности организации.

В конце 1915 года Петербургский комитет партии большевиков решил провести 9 января 1916 года политическую стачку в память жертв «кровавого воскресенья». Перед Главным судовым коллективом РСДРП была поставлена задача активизировать деятельность среди моряков Балтфлота, связать между собой все большевистские организации и подготовить флот к выступлению в поддержку питерского пролетариата.

Главный судовой коллектив РСДРП энергично взялся за выполнение этого решения ЦК РСДРП, несмотря на всю сложность условий работы. Коллектив начал с установления прочных связей с Гельсингфорсом, Ревелем и другими базами флота и объединения работы большевистских подпольных групп под своим централизованным руководством, хотя связи с этими базами поддерживались и до этого.

В конце октября 1915 года в Кронштадт из Гельсингфорса прибыл на ремонт линкор «Павел I». Большевики Кронштадта немедленно использовали этот случай для установления прочных связей с Гельсингфорсом. По заданию И. Д. Сладкова[1]) член Главного судового коллектива Ф. Кузнецов-Ломакин через своего брата, служившего на «Павле I», вскоре связался с большевиками линкора и установил с ними координацию действий. Через большевиков линкора «Павел I» была затем установлена связь с подпольными большевистскими организациями Гельсингфорса и Ревеля. По указанию Главного судового коллектива РСДРП здесь приступили к созданию прочных и сильных подпольных организаций большевиков и к развертыванию более широкой большевистской работы среди матросов. И. Д. Сладкову удалось установить личную связь с руководителем воен-

---

[1]) И. Д. Сладков — член РСДРП (б) с 1909 г., один из активных участников и руководителей подпольной большевистской работы в Кронштадте, активный участник Октябрьской социалистической революции. После Октябрьской революции он был первым комиссаром морских сил Республики. Умер в 1922 году.

ной большевистской организации Гельсингфорса Н. Ховриным и договориться с ним о всех подробностях работы[1]).

Для поддержания постоянных связей с большевиками-подпольщиками Гельсингфорса Главный судовой коллектив РСДРП направил в Гельсингфорс Н. В. Брендина. Брендин, служивший гальванерным унтер-офицером на крейсере «Россия», под видом болезни уволился на шесть месяцев и под кличкой «Альберт» поселился в Гельсингфорсе[2]).

С этого времени Главный судовой коллектив РСДРП превратился в общебалтийский подпольный центр большевиков.

Насколько большие размеры приняла к концу 1915 года работа большевиков среди моряков, говорят данные из донесений кронштадтского жандармского управления. В одном из донесений охранка отмечала, что крепкие подпольные организации большевиков созданы в Ревеле, Гельсингфорсе. Особенно, отмечала охранка, отличался своей организованностью коллектив на крейсере «Аврора»[3]). «Коллективы эти, — сообщала охранка, — поставили своей непременной целью в течение настоящей войны не предпринимать никаких активных выступлений вроде бывших на «Гангуте», так как таковые, вредя общему делу, возбуждают чрезмерную бдительность судового начальства, в то же время приложить все усилия к дальнейшему широкому развитию деятельности коллективов среди команд и к подготовке таковых к солидному выступлению всего Балтфлота... Коллективы пользуются нелегальной литературой, склад коей имеется на крейсере «Аврора»[4]).

В конце декабря 1915 года военная группа Петербургского комитета РСДРП предприняла, в связи с приближающейся датой 9 января, широкое издание прокламаций и листовок для армии и флота. Печатный станок и все материалы были сосредоточены в Петрограде, по Екатерингофскому проспекту, дом № 25, в комнате слушательницы Фребелевских женских курсов Елены Хундадзе. В 20-х числах декабря С. Рошаль и К. Орлов отпечатали большим тиражом воззвание к армии и флоту и предприняли распространение этого воззвания в войсках Петроградского гарнизона, в Кронштадте, Гельсингфорсе и в действующей армии. К. Орлов с этой целью несколько раз выезжал

---

[1]) **Н. А. Ховрин.** Балтийцы идут на штурм. Воениздат, М., 1966, стр. 13-16.
[2]) Там же, стр. 20, 40; «Красный балтиец», 1920, № 5.
[3]) ЦГАВМФ, ф. 407, 1916, д. 471, л. 4.
[4]) Там же, лл. 4-5.

в Кронштадт, где имел встречи с И. Сладковым и другими руководителями подполья.

Охранка самым внимательным образом следила за распространением большевистского воззвания среди гарнизона Кронштадта. Охранке удалось через провокаторов Башиева и Шурканова выследить подпольные связи И. Д. Сладкова[1]). 23 декабря охранка установила наличие подпольного большевистского коллектива на линейном корабле «Александр II», ей удалось также через провокаторов Башиева и Шурканова установить, что организатором этого коллектива является И. Сладков[2]). Шурканов донес также жандармскому управлению о предполагающейся 25 декабря 1915 года поездке И. Сладкова в Петроград за партийной литературой и указаниями. Получив эти сведения, охранка по соглашению с командиром линкора «Александр II» капитаном 1-го ранга Повалишиным с 25 декабря установила наружное наблюдение за И. Д. Сладковым, Ф. С. Кузнецовым-Ломакиным и другими подпольщиками-большевиками.

25 декабря 1915 года И. Д. Сладков, не подозревая слежки со стороны охранки, выехал в Петроград. В Петрограде Сладков пробыл до 27 декабря. 27 декабря вечером Сладков возвратился в Кронштадт с нелегальной литературой. 28 декабря Сладков решил переправить часть литературы на линейный корабль «Цесаревич» к Ерохину. Охранка внимательно следила за всеми действиями Сладкова, стремясь выяснить всю цепь связей подпольного центра и его участников. Забрав необходимую литературу, Сладков утром 28 декабря прибыл на линкор «Цесаревич» и здесь был арестован вахтенным офицером[3]). Арестован был и Ерохин.

Арест Сладкова и Ерохина представлял собой сильный удар по Главному судовому коллективу РСДРП, так как Сладков и Ерохин не успели уничтожить ряд партийных бумаг. У Сладкова, в частности, при аресте были отобраны[4]):

а) два клочка бумаги, на которых было написано, что должен был Сладков по поручению ПК РСДРП передать Ерохину, а последний на линкор «Павел I». На одном клочке бумаги имелась запись следующего содержания: «Были прения по поводу

---

[1]) ЦГАВМФ, ф. р. 402, оп. 2, д. 393. Воспоминания Ф. Кузнецова-Ломакина.

[2]) ЦГАВМФ, ф. 407, 1916 г., д. 471, л. 5.

[3]) Там же, л. 6.

[4]) Там же, оборот.

работы Комитета. Приезжал товарищ из Гельсингфорса и прения разрешились в положительном смысле. Работа будет вестись лучше. Коллективы надо иметь на всех судах. Главными являются коллективы на «Павле» и «России», а также на берегу. Квартиру они знают. В Гельсингфорс уезжает человек и на этой неделе повезут материалы. Для линейного корабля «Павел I» будет дан новый шифр и новый пароль для Петрограда с судов («Черноморец», «Балтик»). Записку эту, не задерживая, передать на «Павле». Строго придерживаться инструкции и не выступать во время демонстрации 9 января, чтобы не выдать ни в чем себя. На судах вести агитацию за то, чтобы 9 января кто-либо не сделал чего-либо глупого. Литература для матросов будет на этой неделе, а потом регулярно. По поводу коллективного протеста речи быть не может; будет разъяснено почему нельзя», б) заметка с условными наименованиями судов Балтийского флота, а также береговых команд и сухопутных частей Кронштадтского гарнизона и правила ведения конспиративной переписки о революционной работе на Балтийском флоте; в) литографированная программа Центральной группы связей РСДРП, в которой были подробно изложены директивы ведения коллективов на судах флота и взаимоотношения их с ЦК и ПК РСДРП; г) один экземпляр гектографированной прокламации ПК РСДРП; д) один экземпляр печатной прокламации этого же комитета. У Ерохина были изъяты 55 экземпляров прокламаций РСДРП, которые были пересланы Сладковым из Петрограда еще 26 декабря.

Получив все эти подпольные материалы большевистской организации в свои руки, кронштадтское жандармское управление, связавшись с охранкой Петрограда и Гельсингфорса, предприняло массовые обыски и аресты. На линейном корабле «Александр II» обыску подвергались комендор И. Возников, ученик комендора Н. Красильников, комендор Г. Минаев, комендор Е. Овсянников, артиллерийский унтер-офицер А. Сергеев, кочегарный унтер-офицер Л. Томсон, унтер-офицер учебно-артиллерийского отряда Ф. С. Кузнецов-Ломакин.

Никаких материалов подпольной организации у всех обысканных не было обнаружено, тем не менее все они были арестованы и заключены, как Сладков и Ерохин, в Кронштадтскую военно-морскую следственную тюрьму. Кроме того, по адресам, отобранным у Сладкова во время ареста, по требованию Кронштадтского жандармского управления обыски были произведены

в Гельсингфорсе, во время которых руководитель большевистского подполья среди матросов Гельсингфорса Н. А. Ховрин был арестован. Обыски производились в некоторых частях и подразделениях VI армии Северного флота в Петрограде. В начале января 1916 года были арестованы члены военной группы Петербургского Комитета РСДРП Рошаль, Орлов и другие[1]).

Сообщая обо всех этих мерах прокурору Кронштадтского военно-морского суда, начальник Кронштадтского жандармского управления в своем донесении от 25 января 1916 года сообщал, что связь подпольной военно-морской организации с ПК РСДРП поддерживается через некоего Альберта (т. е. Брендина), проживающего в Гельсингфорсе. За Брендиным был установлен тайный надзор, а в начале февраля 1916 года он был арестован.

В том же донесении от 25 января 1916 года охранка Кронштадта вынуждена была признать факт широкой подпольной революционной деятельности большевиков на флоте. В донесении, в частности, подчеркивалось: «Наличие распропагандированого элемента в командах на судах Балтийского флота, при ясно замеченном общем подъеме настроения матросов... — ныне широко использовано Петроградским комитетом Российской с.-д. рабочей партии, распоряжением коего на большинстве значительных судов Балтфлота, а также и в береговых командах Петрограда, Кронштадта, Ревеля и других портов Балтийского моря возникли коллективы означенной партии, руководимые названным комитетом»[2]).

Однако, несмотря на аресты активных деятелей Главного судового коллектива РСДРП (Сладкова, Кузнецова-Ломакина и других), охранка еще не знала всех руководителей подпольного центра большевиков, который возглавлял руководство отдельными коллективами на судах и в частях флота. Ни один из арестованных, кроме Брендина, не раскрыл этого во время допросов, несмотря на принятие к ним истязательных мер. За исключением Сладкова, Кузнецова-Ломакина, Ерохина, Ховрина и Брендина, все арестованные за неимением улик были списаны с кораблей и отправлены на фронт в действующую армию. Брендин, не перенеся пыток, смалодушничал и рассказал о революционной деятельности Сладкова, Кузнецова-Ломакина, Ховрина и других арестованных большевиков. Брендин же дал показание о существовании Главного судового коллектива РСДРП, хотя новых

[1]) Там же, лл. 7-8.
[2]) Там же, лл 3-4.

фамилий, кроме фамилий арестованных лиц, и не назвал. Но этого уже было достаточно для охранки, чтобы продолжать выслеживать всю цепь подпольной деятельности большевиков в Кронштадте.

В конце февраля-начале марта 1916 года в Кронштадте произошли новые аресты. Были арестованы машинист 1-ой статьи Г. Варюхин, матрос 2-ой статьи А. Вахрамеев, матрос 1-ой статьи В. Марусев, машинист 1-ой статьи И. Мурашев, матрос 1-ой статьи Н. Писарев — связной коллектива с ПК РСДРП, кочегар 1-ой статьи К. Мусьяченко — член Главного судового коллектива РСДРП, унтер-офицер 2-ой статьи электрик Т. Попов, машинист 1-ой статьи В. Пешков, артиллерийский унтер-офицер 1-ой статьи В. Филимонов, машинист 1-ой статьи М. Филиппов и другие. Наконец, в начале марта 1916 года провокатор Шиба, узнавший от матроса С. Вологжанина о революционной деятельности Т. И. Ульянцева, выдал последнего. Председатель Главного судового коллектива РСДРП Тимофей Иванович Ульянцев был арестован.

Царские власти, арестовав руководителей Главного судового коллектива РСДРП, торжествовали победу. Охранка считала окончательно разгромленным большевистский подпольный центр в Кронштадте.

Однако торжество было преждевременным. Охранка и власти явно переоценивали результаты осуществленных репрессивных мер в отношении большевиков. С арестом Ульянцева, Сладкова, Кузнецова-Ломакина, Мусьяченко и других работа большевиков в Кронштадте и в Балтийском флоте не прекратилась. Большевики, учтя опыт с арестами в конце 1915 года и в начале 1916 года, усилили конспирацию, стали более осторожными, разоблачали шпионов и провокаторов, а вместе с тем развертывали широкую агитационно-пропагандистскую деятельность среди моряков и в сухопутных частях гарнизона. В период производимых охранкой арестов в январе, феврале, марте, апреле 1916 года большевики в массовом порядке распространяли прокламации и листовки ПК РСДРП, в частности, широкое распространение получили прокламации «К солдатам» и «К армии и флоту»[1]).

Вместе с тем налаживались новые связи между коллективами, восстанавливались разгромленные организации большевиков.

---

[1] Там же, д. 501, л. 1.

Уже 8 января 1916 года начальник отделения по охранению общественной безопасности в столице в записке директору департамента полиции, давая оценку отношения различных политических партий к 9 января, сообщал: «Что касается Балтийского флота, то в таковом революционные организации налаживаются, но в целях сбережения их, до решительного момента, постановлено воздержаться от каких бы то ни было выступлений 9 января, хотя организованные матросы в своих взглядах вполне солидарны с революционным подпольем»[1]).

14 января 1916 года Кронштадтское жандармское управление вынуждено было также сообщить, что «среди нижних чинов Кронштадтской электротехнической роты весьма широко распространяются прокламации, изданные в последних числах декабря месяца Петроградским Комитетом Российской социал-демократической рабочей партии и имевшие распространение на судах Балтийского флота. Прокламации эти имеются почти у каждого нижнего чина роты, а также в I и II Кронштадтском полках и в других частях сухопутного гарнизона»[2]).

Эти документы свидетельствуют о том, что большевистская подпольная организация, несмотря на понесенные крупные потери, продолжала проводить революционную работу среди моряков. Однако Главный судовой коллектив РСДРП в результате ареста его руководства был сильно ослаблен и уже не был в состоянии в оставшемся виде и составе выполнять свои функции единого руководящего центра подпольной работы. Нужно было обновить его, пополнить руководящими кадрами и вновь восстановить подпольный центр.

Весной 1916 года Ульянцев и Сладков, сидевшие в Кронштадтской военно-морской следственной тюрьме, через распропагандированную ими охранку связались с оставшейся законспирированной группой Главного судового коллектива и дали ей указание связаться немедленно с ПК РСДРП и при его помощи восстановить и расширить организацию. В дальнейшем до суда Ульянцев и Сладков поддерживали постоянные связи с оставшимися на свободе большевиками и давали конкретные указания, как и что делать. Т. И. Ульянцев установил из тюрьмы личную связь с ПК РСДРП, информировал о положении дел в

---

[1]) См.: Большевики в годы империалистической войны, стр. 92-94, 98-99.

[2]) Цитирую по книге **С. Ф. Найда** «Революционное движение в царском флоте». Изд. АН СССР., М., 1948, стр. 546.

Кронштадте и о своих соображениях насчет восстановления организации.

Вскоре Петербургскому комитету удалось установить тесные и постоянные связи с учебными отрядами. Эта связь осуществлялась через матроса учебного судна «Азия», большевика Н. А. Пожарова[1]).

В мае 1916 года Петербургский комитет РСДРП провел в Кронштадте конспиративное собрание большевиков. Собрание после детального обсуждения вопроса решило создать на базе оставшейся группы Главного судового коллектива мощный руководящий центр по руководству большевистской работой в Кронштадте и во всем Балтфлоте. Собрание разработало детальную программу деятельности воссоздававшейся организации.

По указанию ПК РСДРП и при его помощи в мае 1916 года в Кронштадте были проведены собрания и сходки членов коллективов военных судов, береговых команд и сухопутных частей гарнизона. На этих собраниях были обсуждены вопросы о политическом положении в стране и о воссоздании руководящего подпольного центра военной организации.

В июне-июле 1916 года на базе Главного судового коллектива в Кронштадте был создан новый руководящий центр большевистской организации, получившей название Главного коллектива Кронштадтской военной организации РСДРП. Руководителями этой организации были матрос Владимир Михайлович Зайцев — член РСДРП с 1905 года, Николай Ильин — мастеровой нестроевой роты Кронштадтского крепостного артиллерийского склада, Ефим Зинченко — бомбардир 2-го Кронштадтского крепостного артиллерийского полка, Федор Сорокин — минный машинист 2-ой статьи учебно-минного отряда, Федор Зимин — строевой инструктор самостоятельной хозяйственной роты 1 Балтийского флотского экипажа и другие.

Главный коллектив Кронштадтской военной организации РСДРП находился в постоянной связи с Петербургским комитетом партии большевиков. Это была исключительно хорошо законспирированная организация, что вынуждена была признать и царская охранка. В августе 1916 года начальник Петроградской охранки доносил, что в «Кронштадтском коллективе дело поставлено очень серьезно, конспиративно, и участники — все молчаливые и осторожные люди. Коллектив этот имеет представителей на берегу». Жесточайшая конспирация и помощь со

[1]) ЦГАВМФ, ф. р. 402, оп. 2, д. 197, л. 1. Воспоминания А. Пронина.

стороны ПК РСДРП способствовали восстановлению прерванных арестами связей между большевистскими группами Кронштадта и всего Балтийского флота и развертыванию широкой пропаганды и агитации среди моряков и солдат.

В июле 1916 года Главный коллектив Кронштадтской военной организации обратился с воззванием «К организованным матросам и солдатам!» Воззвание было согласовано с ПК РСДРП и одобрено последним. Оно имело исключительно важное политическое значение в деле активизации всей подпольной большевистской работы и революционного движения моряков и солдат. В начале воззвания Главный коллектив заявил: «Товарищи! К вам, организованным матросам и солдатам, мы обращаем наш призыв, наше первое свободное слово. К вам, борцам за свободу, вступившим на светлый, но опасный путь к свободе, мы обращаем свои горячие пожелания, наш товарищеский совет»[1]). Далее в воззвании разоблачался хищнический, грабительский характер войны, которую затеяли и вели два года царское правительство и кучка капиталистов, т. е. правящая банда хищников. Воззвание указывало, что народ, в том числе матросы и солдаты, претерпевают на своих плечах всю тяжесть милитаризма и прогнившего деспотического самодержавного строя. «Мы, — говорилось в воззвании, — глубоко прочувствовали необходимость бороться с царствующей бандой, за свободу трудящегося народа. У нас возникла мысль организоваться. Ибо только в единении сила. И мы создали нашу военную организацию. В наших нелегальных кружках и коллективах мы твердо и воедино объединились, связались крепкими неразрывными узами. На зло всей деспотической дисциплине, на зло всем жестоким карам, каторге и виселице мы создали нашу военную революционную организацию. Крепко мы связались с организацией рабочих, чтобы рука об руку готовиться к желанному часу, чтобы плечо в плечо бороться за наш идеал»[2]).

Воззвание подчеркивало, что хотя самодержавие и прогнило насквозь, но оно, находясь в предсмертной агонии, свирепствует, пытается сковать в железные кандалы всякое сопротивление, всякую попытку освободиться от его тирании. «Что нам делать? Что сейчас делать нам, организованным матросам и солдатам? Как устроить момент торжества? — вот вопросы, которые

---

[1]) ЦГАВМФ, ф. 407, 1916 г., д. 501, л. 4; Большевики в годы империалистической войны, стр. 124.

[2]) Там же, стр. 125.

встали перед трудящимися массами, перед организованными матросами и солдатами», — указывалось в воззвании. Воззвание давало конкретные и ясные ответы на эти вопросы, оно разъясняло широким массам матросов и солдат, что и как нужно делать. В нем говорилось: «Товарищи! Долгие годы уже ведет борьбу с царским правительством Российский пролетариат. Много жертв им принесено на алтарь свободы. И сейчас мы опять стоим накануне великих событий, перед решительной схваткой с нашим заклятым врагом. Мы видим, как готовится к борьбе наш враг, как правящая банда мобилизует свои темные силы. Мы видим перед собой силу. И силе мы должны противопоставить силу. Сил, много сил нужно нам для борьбы, для победы. А где же наша сила? В единении, в организации наша сила. Могучая организация — залог нашей победы. Поэтому, товарищи, первым нашим святым долгом является создание могучих, крепких организаций, организация широких солдатских масс в наши нелегальные кружки. Необходимо связать крепкими неразрывными узами отдельные группы, кружки и коллективы, слить их в одно целое. Необходимо поддерживать неразрывную связь с рабочими организациями, ибо пролетариат — авангард революции»[1]).

Таким образом, основная задача, которую ставило воззвание перед подпольными революционными силами Кронштадта и всего Балтийского флота, перед всеми матросами и солдатами — сплотиться в единую организацию под руководством большевиков, сплотить свои силы, связаться с пролетариатом — авангардом революции и под его водительством готовиться к борьбе против самодержавия с целью его свержения.

Воззвание ставило конкретные задачи в деле развертывания революционной работы среди матросов и солдат. В нем говорилось: «Но мы должны также ясно, определенно знать, с кем мы ведем борьбу и из-за чего. Мы должны знать положение врага и положение наше. Мы ясно и определенно должны представить себе нашу историческую задачу. И поэтому, товарищи, нашей очередной, ежедневной задачей является пропаганда — устная и письменная. Пропаганда наших целей, наших идеалов, наших средств борьбы. Мы должны наполнить сердца всех недовольных ясным, светлым сознанием, сознанием нашего рабского

[1]) ЦГАВМФ, ф. 407, 1916 г., д. 501, л. 4.

положения и наших идеалов. Ибо сознание — первое наше острое оружие»[1]).

Далее Главный коллектив Кронштадтской военной организации в своем воззвании разъяснял матросам и солдатам, что не следует предпринимать никаких неорганизованных выступлений или восстаний, так как это приведет только к ненужным жертвам и ослабит силы революции. В воззвании подчеркивалось, что матросы и солдаты должны готовить свои силы к революции и ждать выступления пролетариата с тем, чтобы потом оружием поддержать революцию пролетариата и свергнуть ненавистное самодержавие, «ибо — только массовая борьба трудящегося народа в силах будет свергнуть царское самодержавие. Всякое же неорганизованное восстание, отдельные бунты и вспышки гибельны для нас»[2]). Все действия матросов и солдат должны быть согласованы с выступлением пролетариата — гегемона революции, только под его руководством можно добиться победы.

Воззвание заканчивалось призывом:

«Итак, товарищи! Организуя наши силы, пропагандируя, распространяя наше сознание, объединяя наши действия с действиями пролетариата, строго обдумывая и взвешивая каждый наш шаг, шагнем мы вперед, навстречу решительному часу, навстречу победе. Навстречу свободе, братству и равенству под нашими боевыми лозунгами: Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика! Долой эксплуатацию! Да здравствует социализм! Долой войну! Да здравствует гражданская война! Да здравствует революция!

Главный коллектив Кронштадтской
военной организации. Июль 1916 г.»[3]).

Воззвание к организованным матросам и солдатам представляло собой программный документ Главного коллектива Кронштадтской военной организации. В нем в сжатой и популярной форме раскрывались тактические лозунги большевиков: «Свержение своего империалистического правительства» и «Превращение войны империалистической в войну гражданскую». Воззвание делало понятными и доступными эти большевистские лозунги для самых широких матросских и солдатских масс.

Воззвание к организованным матросам и солдатам получило широкое распространение в Кронштадте и на судах Балтий-

---

[1]) Там же.
[2]) Там же.
[3]) Там же, л. 5.

:кого флота, широкий отклик в матросско-солдатской среде, его широко обсуждали.

Воззвание привлекло к себе внимание и правительственных органов, которые были встревожены этой смелой революционной программой действий большевиков. Уже 8 августа 1916 г. прокурор Петроградской судебной палаты доносил в рапорте Министру юстиции: «Считаю своим долгом донести, что по агентурным сведениям, 16 минувшего июля в Кронштадте, для преступной агитации между воинскими чинами, были доставлены из Петрограда и получили распространение исходящие от Петроградского Комитета Российской социал-демократической рабочей партии воззвания «К организованным матросам и солдатам!» от имени «Главного коллектива Кронштадтской военной организации», в коих настойчиво проводится мысль о необходимости связи с пролетариатом и неустанной товарищеской пропаганды между солдатами и матросами с целью подготовить в стране организованное восстание трудящегося народа и войска против существующего в России государственного строя. При этом рекомендуется пока сдерживать все преждевременные вспышки и неорганизованные выступления и беречь силы»[1]).

По указанию жандармерии командование Балтийским флотом приказало принять меры к выяснению лиц, занимающихся распространением прокламаций. Офицерам было вменено в обязанность заниматься личным сыском за матросами и солдатами. Начальник учебных отрядов и отдельно плавающих судов Балтийского флота в записке № 63 от 3 июля 1916 года на имя начальника штаба Балтийского флота требовал в свое распоряжение 10 прапорщиков для выполнения функций надзора за матросами[2]).

Однако никакие репрессивные меры не могли приостановить большевистской работы, которая, как морская волна, охватывала все более и более широкие круги матросов и солдат. Создание главного коллектива Кронштадтской военной организации привело к резкому оживлению и усилению размаха партийной работы в Кронштадте. Были восстановлены прерванные арестами связи между подпольными организациями Кронштадта и других военно-морских баз, установлена постоянная связь с ПК РСДРП. Была налажена доставка в Кронштадт большевистской литературы, издаваемой Петербургским комитетом. Осенью

[1]) Там же, л. 3.
[2]) Там же, д. 471, л. 1.

1916 года в Кронштадте получили широкое распространение прокламации «Стачечное движение и задачи момента», «Уже более полутора года, как льется потоками человеческая кровь», брошюра «Война и дороговизна» и «Сборник революционных песен».

Важную роль Главный коллектив Кронштадтской военной организации сыграл в спасении арестованных руководителей Главного судового коллектива РСДРП во время процесса над ними в конце октября 1916 года.

Летом 1916 года было закончено следствие по делу о возникшей в конце 1915 года среди матросов Балтийского флота военной организации Петроградского комитета Российской социал-демократической партии. К обвинению были привлечены 17 «нижних чинов», в том числе с линкора «Гангут» — 1, линкора «Петропавловск» — 2, линкора «Полтава» — 1, линкора «Цесаревич» — 1, линкора «Павел I» — 2, линкора «Александр II» — 1, броненосного крейсера «Россия» — 3, учебно-артиллерийского отряда — 2, крейсера «Диана» — 1, тральщиков — 2, 1-го Балтийского флотского экипажа — 1 и три гражданских лица[1]).

Приказом командующего Балтийским флотом вице-адмирала Непенина № 653 от 15 сентября 1916 года Кронштадтскому военно-морскому суду были преданы руководители Главного судового коллектива РСДРП Т. И. Ульянцев, И. Д. Сладков, Н. А. Ховрин, Ф. С. Кузнецов-Ломакин, Григорий Варюхин, Александр Вахрамеев, Степан Ерохин, Василий Марусев, Иван Мурашев, Константин Мусьяченко, Никифор Брендин, Николай Писарев, Тимофей Попов, Василий Пешков, Влас Филимонов, Михаил Филиппов, Иван Хрылев и три гражданских лица — Н. Егоров (Орлов), М. Стакун и А. Михельсон[2]).

Все они обвинялись, как это квалифицировал в своем рапорте от 9 сентября 1916 года военно-морской прокурор Кронштадтского военно-морского суда на имя Главного военно-морского прокурора, в том, что «вступили в преступное общество, которое положило в основу своей деятельности «Программу Петроградского Комитета Российской социал-демократической партии» и имевшее своей задачей насильственным путем добиться окончания войны, чтобы затем, при поддержке армии и рабочего

[1]) Там же, л. 2.
[2]) Там же, л. 13.

класса, созвать учредительное собрание для ниспровержения установленного в государстве основными законами образа правления и замены его демократической республикой»[1]).

Руководитель Главного судового коллектива РСДРП Тимофей Иванович Ульянцев обвинялся в том, что «завязал сношения с представителем военной организации от Петроградского комитета РСДРП и с членами сообщества на отдельных судах флота для получения и распространения среди нижних чинов революционной литературы; командировал для указанной цели из Петрограда в Гельсингфорс одного из членов сообщества с транспортом революционной литературы и, наконец, для связи членов общества при сношениях установил пароль»[2]).

И. Д. Сладков «организовал тайные собрания сообщества для обсуждения вопросов, касающихся деятельности последнего, предпринимал поездки из Кронштадта в Петроград для сношения с членами сообщества, получения и доставления революционной литературы, которую и распространял среди нижних чинов и, наконец, выработал шифр с условными названиями военных кораблей и такими же выражениями для сношений с членами сообщества[3]).

Аналогичные обвинения были предъявлены и остальным 18-ти обвиняемым[4]).

Общая часть обвинения и обвинение каждого из арестованных свидетельствовали о том, что большевикам грозила смертная казнь. Было ясно, что царское правительство и его карательные органы примут самые жестокие меры к арестованным революционным морякам. Необходимо было развернуть широкую кампанию в защиту судимых моряков.

26 октября 1916 года ПК РСДРП напечатал прокламацию, которая была широко распространена среди рабочих, матросов и солдат. В этой прокламации говорилось:

«Товарищи рабочие! 26 октября состоится суд над теми из наших товарищей матросов, кто захотел включить свои силы в революционное движение рабочего класса. Им осмеливаются угрожать смертью за то, что они в душных казармах сохранили ясность революционного сознания. Несмотря ни на какие угрозы военного положения, товарищи матросы не захотели, не смогли быть бессловесным орудием в руках шайки грабителей, упиваю-

---

[1]) Там же, л. 9, оборот.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Там же, лл. 9-10.

щихся никогда невиданной прибылью, барышами от устроенной ими всемирной бойни. Царский суд хочет из матросов сделать преступников, но для нас они останутся примером. Мы знаем, что они идут за дело народа, против угнетения его господствующими классами и царской монархией...

Долой суд насильников! Долой смертную казнь! Да здравствует стачка протеста! Да здравствует единение революционного пролетариата с революционной армией»[1]).

Революционный пролетариат Петрограда единодушно поддержал призыв большевиков. В день суда над матросами началась политическая забастовка. Остановились военные и другие заводы. В забастовке, длившейся три дня, приняло участие 50 заводов столицы со 130 тысячами рабочих. Особенно крупными и массовыми были забастовки рабочих Выборгской стороны. Забастовка охватила ряд мелких предприятий, в частности, 15 типографий. Попытка капиталистов подавить забастовку локаутом ни к чему не привела. Рабочие оказали единодушное сопротивление и локаут был снят 31 октября 1916 года.

Трехдневная забастовка питерских рабочих имела крупное политическое значение. Она спасла жизнь руководителям военной организации РСДРП в Кронштадте — товарищам Ульянцеву, Сладкову, Ховрину и другим.

В защиту судимых матросов выступили некоторые демократически настроенные офицеры. На процессе в защиту Ульянцева, Сладкова и других выступил командир роты учебно-артиллерийского отряда штабс-капитан А. А. Кондратьев[2]).

Выступление питерских рабочих спасло жизнь арестованным большевикам. Царский суд не приговорил к смертной казни ни одного арестованного, хотя принял чрезвычайно суровые меры наказания. Ульянцев был приговорен к 8 годам каторжных работ, Сладков — к 7 годам каторжных работ, Брендин — к 7 годам каторжных работ, Егоров — 4 годам (исполнение приговора было отложено ввиду болезни). Остальные после 10-месячного пребывания в тюрьме были освобождены и отправлены на фронт[3]).

Влияние Главного коллектива Кронштадтской военной организации росло с каждым днем. Организация стала действитель-

---

[1]) Большевики в годы империалистической войны, стр. 133-134.

[2]) ЦГАВМФ, ф. р. 402, оп. 2, д. 393, л. 11. Воспоминания А. А. Кондратьева.

[3]) ЦГАВМФ, ф. 407, 1916 г., д. 501, л. 6.

ным руководителем всех революционных сил не только Кронштадта, но и всего Балтийского флота. Большевистская работа получила небывалый размах, особенно осенью 1916 года во время проведения кампании в защиту судимых большевиков. Кронштадтское жандармское управление и Министерство внутренних дел были в растерянности, они, несмотря на все предпринимаемые меры сыска, не могли напасть на следы организации. Большевики правильно учли опыт с провалами центра в конце 1915-начале 1916 годов и установили надлежащую конспирацию.

Однако, несмотря на жесткую конспирацию со стороны большевиков-руководителей Главного коллектива Кронштадтской военной организации, охранке удалось все же нащупать следы этой организации. Летом 1916 года совершенно случайно был арестован связной военной организации ПК РСДРП К. Эглит, через которого поддерживалась связь с большевиками Кронштадта. 8-10 сентября 1916 года в Кронштадте произошли массовые обыски, были обысканы 30 матросов, 70 солдат и 7 гражданских лиц[1]). Во время этих обысков было арестовано 56 матросов и 11 солдат сухопутного гарнизона. В числе арестованных были руководители Главного коллектива Кронштадтской военной организации Н. Ильин, В. Сорокин, Е. Зинченко, Ф. Зимин, С. Чернышев и другие[2]). Охранка считала основными руководителями Главного коллектива Кронштадтской военной организации Н. Ильина, А. Козырева, Ю. Вуйцика, Е. Трофимова, Ф. Климова, С. Чернышева, Н. Турьянова, И. Беллина, Е. Зинченко, К. Эглита — связного ПК РСДРП. Жандармы получили в свои руки некоторые данные о революционной деятельности арестованных матросов и солдат. Однако им не удалось раскрыть всю организацию, материалов у них оказалось крайне недостаточно. Это должен был признать и начальник Кронштадтского жандармского управления в своем постановлении от 30 ноября 1916 года, который предложил закончить дальнейшим производством переписку и представить коменданту Кронштадтской крепости на предмет ее прекращения[3]).

Тем не менее жандармы и судебные власти поспешили сделать преждевременный вывод о ликвидации Главного коллектива Кронштадтской военной организации. 15 сентября 1916 го-

---

[1]) Там же.
[2]) Там же.
[3]) Там же, л. 18.

да прокурор Петроградской судебной палаты, получив в свои руки первые донесения об аресте некоторых членов военной организации, поспешил сообщить Министру юстиции: «В ночь с 8 на 9 сего сентября произведена была ликвидация Главного коллектива Кронштадтской военно-революционной организации, основанной Петроградским Комитетом Российской социал-демократической рабочей партии»[1]). 24 сентября об этом же донес начальник Кронштадтского жандармского управления, то же повторил жандармский полковник Владимиров директору департамента полиции; наконец, об этом же говорила Кронштадтская охранка в своем докладе от 9 октября 1916 года начальнику тыла Балтийского флота и главному командиру Кронштадтского порта вице-адмиралу Вирену, а 12 октября коменданту Кронштадтской крепости вице-адмиралу Курошу[2]).

Так, царскими жандармами была создана легенда о ликвидации Главного коллектива Кронштадтской военной организации. Эта легенда жандармами была выдумана во избежание возможных неприятностей от высшего начальства по службе за неудачу.

На самом деле Главный коллектив Кронштадтской военной организации, хотя и был в известной мере ослаблен произведенными арестами в начале сентября 1916 года, не был ликвидирован до конца, он по-прежнему продолжал готовить балтийских матросов и солдат сухопутного гарнизона Кронштадтской крепости к революции, которая с осени 1916 года быстро назревала в стране. Об этом говорят факты.

Во-первых, об этом свидетельствует донесение начальника Кронштадтского жандармского управления от 20 октября 1916 года за № 4586. В нем также говорится о ликвидации военной организации большевиков в Кронштадте, но ниже делается следующее интересное признание: «Несмотря на аресты известных агентуре крепостного района 14 человек более активных работников, преступная пропаганда Петроградского Комитета среди сухопутного гарнизона, а в особенности морских береговых команд Кронштадта, далеко не пресечена, ибо за подписью Главного коллектива Кронштадтской военной организации выпущена ныне уже не ручным, как это имело место в июле сего года, а типографским способом вторая прокламация, с обращением к солдатам и матросам о необходимости прекращения войны и с

---

[1]) Там же, л. 6.

[2]) См. **С. Ф. Найда.** Революционное движение в царском флоте, стр. 554.

призывом к организации второй Российской революции, ныне имеющая распространение, как отмечает агентура управления, среди кронштадтских береговых команд флота»[1]).

Действительно, спустя некоторое время после ареста некоторых членов Главного коллектива во главе с Н. Ильиным и хвастливых заявлений охранки о ликвидации военной организации в Кронштадте, Главный коллектив Кронштадтской военной организации выпустил прокламацию «Когда же конец?», в которой смело разоблачался империалистический характер войны и предательская политика эсеров и меньшевиков, поддержавших эту войну. В прокламации писалось:

«Товарищи солдаты и матросы! Уже третий год длится мировая война и все не видно конца ее...

...Как бы ни старались господствующие классы и их прислужники замутить сознание народов ядом зверской вражды, истину им не скрыть: война ведется не народами, а правительствами и правящими классами, и ведется не за народные интересы, как кричат продажные писаки в продажных же газетах, а за интересы правительств, за интересы капиталистов-фабрикантов и помещиков всех воюющих стран...

...Товарищи! Мы плоть от плоти и кость от кости народной. Наше место с ним, в его рядах. Вместе с рабочими должны мы готовиться к решительному натиску против шайки насильников, грабящих страну и толкающих все человечество в пропасть.

Никакие силы не смогут нас одолеть. Сметая всех насильников и угнетателей, проложим мы дорогу к вечному миру и свободе.

Так дружно, товарищи, за дело!
Долой преступную войну! Долой монархию!
Да здравствует вторая Российская революция!

Главный коллектив Кронштадтской демократической рабочей партии»[2]).

Это воззвание опровергает легенду о ликвидации Главного коллектива. Оно, наоборот, свидетельствует о том, что военная организация большевиков в Кронштадте продолжала свою деятельность и оказывала все более глубокое влияние на сознание матросско-солдатской массы, готовила эту массу к революции против прогнившего самодержавного строя.

---

[1]) ЦГАВМФ, ф. 407, 1916 г., д. 501, лл. 17-18.
[2]) Большевики в годы империалистической войны, стр. 126-129.

Во-вторых, в Кронштадте существовала законспирированная руководящая группа Главного коллектива Кронштадтской военной организации РСДРП, которая направляла работу большевиков и революционных элементов Кронштадта. Эта группа была тесно связана с Петербургским комитетом РСДРП и в момент подготовки к свержению царской монархии выполняла все его указания. В эту группу руководителей большевиков-подпольщиков Кронштадта входили В. М. Зайцев, Д. Н. Кондаков, Вл. Павлов, И. Н. Колбин, В. Ковицын, Н. А. Пожаров, В. Потехин, Н. Г. Маркин, А. Г. Пронин, Соколов, А. М. Любович и другие. Руководителем Главного коллектива Кронштадтской военной организации РСДРП являлся матрос Владимир Михайлович Зайцев[1]).

В этот период не только были восстановлены прежние подпольные группы и коллективы, пострадавшие от полицейско-жандармских репрессий, но и созданы новые. Так, например, в конце 1916 года нелегальный революционный кружок был создан на учебно-водолазном судне «Африка». В этот кружок входило до 25 матросов. Активное участие в нем принимали Н. Точеный, В. Гайдамака, И. Жук, П. Кирсанов, Н. Измайлов. Н. Точеный был вовлечен в революционную деятельность еще в конце 1915 года или в начале 1916 года матросом Рыбиным. Через Рыбина Точеный был знаком с Т. И. Ульянцевым[2]).

Следует также отметить, что после ареста руководителей Главного судового коллектива РСДРП в конце 1915-начале 1916 годов в структуре воссозданной военной организации (Главного коллектива Кронштадтской военной организации) произошли существенные изменения в сторону ее расширения и упрочения, что придавало ей большую гибкость и не позволяло охранке до конца ее ликвидировать. Эти изменения выразились в следующем. Главный судовой коллектив РСДРП охватывал своим руководством главным образом судовые команды кораблей и морские части. Что касается сухопутного гарнизона Крон-

---

[1]) В. М. Зайцев — член КПСС с 1905 года; активный участник и один из руководителей большевистского подполья в Кронштадте. После февральской революции — член Кронштадтского комитета РСДРП (б), депутат Кронштадтского Совета Р. и С. Д. и член исполкома Петроградского Совета Р. и С. Д. Активный участник Октябрьской революции. Персональный пенсионер.

[2]) **Н. Точеный.** Кронштадцы и Временное правительство. Сб. «Военные моряки в борьбе за победу Октябрьской революции». Воениздат. М., 1958. стр. 312-313.

штадта, то он не был в основном охвачен руководством этой организации, хотя революционная работа в сухопутном гарнизоне велась большевиками. Это не было ошибкой большевиков. Объяснялось это тем, что сухопутный гарнизон был в основной своей массе крестьянским и в ней медленнее воспринимались большевистские идеи. Однако в результате упорной работы большевиков среди солдат сухопутного гарнизона (особенно в таких, как подразделения связи, инженерные части и артиллерийские полки) созрели революционные элементы, которые сплотились вокруг большевиков и вступили в ряды большевистской партии (Н. Ильин, Е. Чернышев, Е. Трофимов, И. Белкин, А. Козырин, Е. Зинченко, А. Турбанов, Ф. Климов, П. Купцов, Ю. Вуйцик, Соколов и другие). Поэтому при организации Главного коллектива Кронштадтской военной организации были объединены не только коллективы, группы, кружки матросов, но и революционно-большевистские организации солдат сухопутного гарнизона. При этом в сухопутном гарнизоне Кронштадта в связи с назреванием революции в стране в конце 1916 года была особенно усилена работа большевиков наряду с ее продолжением среди моряков.

Соединение всех революционных сил Кронштадта вынуждена была признать и охранка. Вот что писал начальник Кронштадтского жандармского управления 30 ноября 1916 года: «Объединение матросов и нижних чинов Кронштадтского крепостного гарнизона имеет подтверждение и в установленном управлением партийном собрании членов Главного коллектива Кронштадтской военной организации в числе восьми человек 31 июля»[1]).

Таким образом, большевистская партия, несмотря на трудности условий работы, создала в Кронштадте сильную военную большевистскую организацию (сначала Главный судовой коллектив РСДРП, а затем Главный коллектив Кронштадтской военной организации РСДРП), как руководящий центр всей большевистской работы не только в Кронштадте, но и на Балтийском флоте в целом.

Конец 1916-начало 1917 годов — это период быстрого назревания новой революции в России. Русский рабочий класс, руководимый большевиками, шел на открытую борьбу с цариз-

---

[1]) ЦГАВМФ, ф. 407, 1916 г., д. 501, л. 16.

мом. Рядом с пролетариатом России, в одном строю с ним шли миллионы трудящихся в черных бушлатах и серых шинелях — Кронштадтский гарнизон.

Командование Кронштадтским портом и крепостью отдавало себе ясный отчет в том, какие широкие размеры приняла большевистская работа в гарнизоне, что это представляет огромную опасность для самодержавия, при ясно выраженном революционном подъеме рабочего класса Петрограда и всей России. Командование порта и крепости попыталось принять самые жесткие меры к подавлению революционного движения в Кронштадте и ликвидации нелегальной организации большевиков. Небезынтересным представляется в этом отношении следующее письмо адмирала Вирена, отправленное им 16 сентября 1916 года помощнику начальника Главного морского штаба контр-адмиралу Гейдену. В этом письме Вирен писал: «Я не остановлюсь перед крайними крутыми мерами, если потребуется, введу вместо розги плети, вместо одиночного строгого заключения — голодный недельный арест, но, должен сознаться, опускаются руки..., положение принимает характер катастрофы. Под моим началом находится сейчас армия в 80 тысяч человек всех родов оружия вплоть до траллеров и инженерных частей для охранения газовых атак. Кронштадт защищает столицу с моря, он последний и надежный оплот нашего флота в случае удач неприятеля в Балтийском море. Однако, я по совести говорю, что достаточно одного толчка из Петрограда и Кронштадт вместе со всеми судами, находящимися сейчас в Кронштадтском порту, выступит против меня, офицерства, правительства, кого хотите. Крепость — форменный пороховой погреб, в котором догорает фитиль, через минуту раздастся взрыв. Вчера я посетил крейсер «Диану», на приветствие команда ответила по-казенному, с плохо скрытой враждебностью. Я всматривался в лица матросов, говорил с некоторыми по-отечески; или это бред уставших нервов старого морского волка, или я присутствовал на вражеском крейсере, такое впечатление оставил у меня этот осмотр. В кают-компании офицеры откровенно говорили, что матросы сплошь революционеры.

Внезапные поиски выяснили наличие сети сильной подпольной организации, арестовать ядро не удалось.

Так всюду в Кронштадте. Мы судим уличенных, ссылаем, расстреливаем их, но это не достигает цели! 80 тысяч под суд не сдашь. Мое глубокое убеждение в следующем: необходимо

большинство сухопутных воинских частей немедленно разослать во все концы России, заменить их надежными войсками из старослужащих полков; технические команды должно сплошь расквартировать, задавив малейший протест суровыми дисциплинарными наказаниями. На корабли, упоминаемые мною в донесении Главнокомандующему Балтийским флотом, перевести людей Сибирской и Беломорской флотилий.

Меры эти, конечно, временно понизят, с точки зрения теоретиков, боеспособность Кронштадта, зато они сохранят крепость для правительства. Написать об этом всем Вам, граф, я считал долгом чести»[1]).

Это письмо Вирена представляет интерес в трех отношениях. Во-первых, в этом письме Вирен очень ярко нарисовал свой портрет как палача и душителя матросских и солдатских масс Кронштадта, готового не остановиться ни перед какими жестокими мерами, чтобы задушить всякое революционное выступление матросов и солдат. Во-вторых, письмо показывает, какие глубокие корни пустила большевистская нелегальная организация в гарнизоне. Никакие попытки охранки и командования ликвидировать эту организацию не давали успеха. Подпольная организация большевиков продолжала свою деятельность, несмотря на аресты отдельных ее работников. В-третьих, в письме Вирена нарисована яркая картина морально-политического состояния гарнизона. Кронштадт, его 80-тысячный гарнизон был революционно насторен и представлял для царских палачей «пороховой погреб», в котором догорал фитиль, чтобы совместно с пролетариатом взорвать прогнившее омерзительное здание самодержавия и похоронить вместе с ним его клевретов, вроде Вирена и тысячи ему подобных.

Меры удушения революционных сил матросов и солдат Кронштадта, предложенные Вирeном, в жизнь проведены не были. Февральская революция смела самодержавие и уничтожила навсегда палаческий режим в Кронштадте.

Таким образом, большевистская партия в годы первой мировой войны организовала широкую работу среди моряков Балтийского флота. Центром большевистского подполья в Балтийском флоте был Кронштадт, где была создана руководящая организация большевиков-балтийцев — сначала Главный судовой коллектив РСДРП, а затем на его базе — Главный коллектив

[1]) «Известия Кронштадтского Совета», № 100, от 20 июля 1917 года.

Кронштадтской военной организации РСДРП. Благодаря созданию этой организации Кронштадт являлся опорным пунктом большевистской работы в Балтийском флоте в годы войны.

Большая работа, проведенная большевиками среди матросов и солдат Кронштадта в годы войны, постоянное внимание и помощь большевикам Кронштадта со стороны ЦК и ПК РСДРП в тот период обеспечили успех большевистской организации Кронштадта в период февральской революции, а затем способствовали быстрому превращению Кронштадта в крепость большевистской партии.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
имени ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

№ 25 1969

ГЮГО В БЕЛЬГИИ

(Первое изгнание поэта)

Ю. С. ДЕНИСОВ

В мае 1852 года истекал срок полномочий Президента Второй республики во Франции, Луи Наполеона Бонапарта. Согласно конституции, принятой в 1848 году; президент не мог избираться на второй срок. Не желая выпускать власть из своих рук, в ночь с 1 на 2 декабря 1851 года Луи Наполеон совершил вооруженный государственный переворот, изменил конституцию и потребовал избрания президента на 10 лет. По сути дела, это был явно выраженный монархический переворот.

Депутаты-республиканцы, представители левой или «Горы» в Законодательном собрании бросились на улицы и площади Парижа, призывая народ к восстанию, к баррикадной войне. Одним из активных участников Сопротивления перевороту был и Виктор Гюго, депутат Законодательного собрания.

Когда стало ясно, что власть Луи Наполеона свергнуть не удастся, организаторы и участники сопротивления уходят в подполье, затем нелегальными путями, под чужими именами покидают Францию.

12 декабря 1851 года, рано утром, Виктор Гюго, переодетый в костюм простого рабочего, прибывает в столицу Бельгии —

Брюссель. Он снабжен документами на имя Жака Фирмена Ланвена, наборщика типографии. Так начинается первое изгнание поэта.

14 декабря Гюго пишет своей жене, оставшейся временно в Париже: «Двенадцать дней я провел между жизнью и смертью, но ни на минуту не терял душевного спокойствия. Я доволен собой. К тому же я знаю, что выполнил свой долг, и выполнил его до конца. Это дает удовлетворение»[1]).

Гюго полон решимости продолжать борьбу. В письме Огюсту Вакери от 19 декабря он писал: «Помните, дорогой Огюст, двадцать лет назад я говорил: «Мы поем так, как другие сражаются»? Ну вот, я и стал участником сражения и показал по мере сил, чего стоит поэт.

Эти буржуа узнают, наконец, что разум настолько отважен, насколько трусливо брюхо»[2]).

В Бельгии Гюго связывается с несколькими группами французских изгнанников. Это были люди, вынужденные бежать из Франции после 15 мая 1848 года, после июньских событий 1848 и 1849 годов, наконец, изгнанники декабрьского переворота. Соседом Гюго по гостинице оказывается «славный, мужественный Версиньи, представитель народа и изгнанник»[3]), — как пишет Гюго.

Гюго не скрывает своего имени и своих планов. На следующий же по прибытии в Брюссель день он является к Министру внутренних дел Бельгии г-ну Шарлю Рожье и заявляет о своем намерении немедленно, по горячим следам, написать историю Второго Декабря, даже если это повлечет за собой новую высылку.

Подробности этого визита Гюго описывает в цитированном выше письме своей жене от 14 декабря. Сообщение Гюго встревожило представителя бельгийских властей: «Господин Рожье сказал мне, что если я опубликую свой труд сейчас, то мое пребывание здесь может поставить маленькую Бельгию в весьма затруднительное положение перед ее могучим и жестоким соседом. Я ответил ему: «Что ж, если я решусь печатать это, я уеду в Лондон»[4]).

---

[1]) **В. Гюго.** Собр. соч. в 15-ти томах, М., ГИХЛ, 1956, т. 14, стр. 191.

[2]) Там же, стр. 493.

[3]) В дни переворота депутат Законодательного собрания Версиньи находится вместе с Гюго в самом центре событий. См. об этом в книге Гюго «История одного преступления».

[4]) **В. Гюго.** Собр. соч., т. 14, стр. 492-493.

Таким образом, первая же встреча с представителем бельгийских властей ясно показала Гюго, что его пребывание в этой стране будет зависеть от его молчания. Бельгия принимала Гюго-поэта, но предупреждала, что Гюго-гражданин может быть изгнан.

Были и другие причины, принуждавшие молчать гражданина: жена поэта оставалась в Париже, в самом логове его врага, оба сына, Шарль и Виктор, содержались в тюрьме Консьержери по обвинению в нарушении законов о прессе.

Однако Гюго не намерен сдаваться. 19 декабря он пишет своему собрату по перу и близкому другу Полю Мерису, находящемуся также в тюрьме: «Эти негодяи громоздили преступление на преступление, добавляли к жестокости измену, к трусости — зверство. Если меня не расстреляли, то не по их вине и не по моей. Я собираюсь работать. Но изданию книг здесь ставят препятствия. Моя жена расскажет вам о них. А я пока буду писать»[1]).

В Брюсселе Гюго работает над «Историей одного преступления», широко используя не только свой собственный опыт участника декабрьских событий в Париже, но и письма других изгнанников, находящихся в Бельгии, Англии, Пьемонте и других местах.

Реалии «Истории одного преступления», хранящиеся в архивах Национальной библиотеки Франции, свидетельствуют о том, что в этот период Гюго получил сведения о декабрьских событиях во многих департаментах Франции, а также многочисленные свидетельства о событиях в Париже.

«Рассказ о государственном перевороте содержит огромное количество точных свидетельств, которые могли быть собраны лишь в Брюсселе в первые дни изгнания», — писал Камилл Пеллетан в книге «Виктор Гюго — политический деятель»[2]).

21 декабря во Франции состоялась комедия плебисцита, принесшая видимую победу бонапартистской партии. Это событие тут же отразилось на французских изгнанниках в Бельгии. Так, 27 декабря на квартиру Гюго в Брюсселе явилась бельгийская полиция и забрала его в участок, где ему было предъявлено обвинение в использовании фальшивого паспорта. Правда, его тут же отпустили, но этот маленький инцидент дал понять

[1]) Там же, стр. 494.
[2]) Париж, стр. 226, Оригинал на французском языке (Перевод наш).

Гюго, что настроение бельгийских властей изменилось и положение его в Брюсселе шаткое. Вместе с тем полицейский визит на квартиру Гюго лишь усилил к нему симпатии населения.

Гюго продолжает усиленно работать над книгой о перевороте, тщательно собирает строго документированный материал и письма от участников событий. Оказывая моральную поддержку Полю Мерису, находящемуся в тюрьме, и благодаря его за подробности, касающиеся событий 2 декабря, Гюго пишет: «Шлите мне и дальше все, что вам удастся собрать. Я хочу написать суровую и необычную книгу, началом которой послужат факты, а заключением — идеи. Никогда еще не существовало для подобной книги ни лучшего повода, ни более богатого сюжета. Я обойдусь с Бонапартом по его заслугам. Я беру на себя обязанность увековечить этого шута в истории. Я поведу его за ухо навстречу будущим поколениям»[1]).

Из писем Гюго того времени явствует, что он стремился сплотить вокруг себя лучшие силы политических изгнанников для организации борьбы с режимом Луи Наполеона.

О результатах этих стремлений Гюго сообщает 17 января 1852 года своей жене: «Вероятно, я добьюсь того, что будет цитадель писателей и издателей, откуда мы станем палить из пушек по Бонапарту. Если не удастся в Брюсселе, она будет в Джерси»[2]).

В этом же письме он излагает план организации политического издательства в Англии и литературного в Брюсселе, предлагает сыновьям, Шарлю и Виктору, и друзьям, Вакери и Мерису, вместе написать «Историю». «Распределите между собой работу. Каждый напишет свою часть уже здесь. Мы будем работать за одним и тем же столом, пользуясь одной и той же чернильницей, руководимые одной и той же мыслью».

По свидетельствам самого Гюго, в эти дни в Брюссель в одежде священника прибывает Виктор Шельшер, депутат Парламента и политический деятель. Тот самый Шельшер, что вскоре выпустит книгу «История преступлений второго декабря».

Гюго навещает и Марк Дюфрес, республиканец-демократ, депутат Национального собрания. Дюфрес готовит в это время к печати свою книгу «Второе декабря перед судом», которая вы-

---

[1]) **В. Гюго.** Собр соч., т. 14, стр. 498.
[2]) Там же, стр. 499.

шла в свет в 1853 г., и делится с Гюго своими материалами и впечатлениями.

Слухи о том, что Гюго готовит к печати книгу о перевороте, доходят до правительства Принца-Президента, и оно оказывает давление на бельгийское посольство в Париже с целью добиться изгнания Гюго из Бельгии. По этому поводу Гюго пишет Огюсту Вакери 28 января 1852 года: «Я не думаю, что мы сможем здесь остаться и сожалею об этом... Французское правительство сообщило бельгийскому правительству о том, что ему стало известно, что я собираюсь опубликовать в Брюсселе «манифест», и что оно потребует официально моего изгнания из Бельгии»[1]).

В тот же день Гюго пишет письмо сыну Франсуа-Виктору, в котором сообщает, что бельгийское Министерство юстиции имеет большие неприятности из-за пребывания его в Брюсселе и что Луи Наполеон уже просил Леопольда, короля Бельгии, удалить его. Однако, как пишет Гюго: «Министр временно одержал победу, и мне вручили письменное разрешение проживать в Брюсселе, сроком на три месяца. Но будет ли существовать Бельгия через три месяца. Это еще вопрос»[2]).

Со всех сторон Гюго получает гостеприимные предложения, но предпочитает до последнего момента оставаться вблизи от Франции. 2 февраля он пишет по этому поводу известному итальянскому политическому деятелю Брофферио: «Брюссель или Лондон — боевые посты. Пришла пора писателю заступить место оратора; я стану пером продолжать ту войну против деспотов, которую вел доныне при помощи слова. Теперь я должен схватиться врукопашную с Бонапартом»[3]).

Гюго работает с чрезвычайным напряжением сил, зная, что чем быстрее будет закончена книга, тем чувствительнее будет удар по врагу.

«Моя книга подвигается. Я ею доволен. Я прочел друзьям несколько страниц, они произвели большое впечатление. Думаю, что это будет чувствительным воздаянием разума грубой силе. Чернильница против пушек. Чернильница сокрушит пушки»[4]), — пишет Гюго 26 февраля жене. А еще через месяц, 24 марта, отвечая на письмо писателя Жюля Жанена, Гюго напишет: «Ваше

---

[1]) Цит. по книге **П. Анграна** «Виктор Гюго в государственных документах». Париж, 1962, стр. 13 (перевод наш).

[2]) **В. Гюго.** Собр. соч., т. 14, стр. 503.

[3]) Там же, стр. 507.

[4]) Там же, стр. 510.

письмо застало меня за работой над историей этого человека, которую я пишу для Франции и для потомства (надеюсь, ради них стоит потрудиться)... Где она, моя родина? Боже мой, покажите мне ее! Нет для меня родины там, где нет свободы»[1]).

А в этот же самый день, 24 марта, Бассано, французский поверенный в делах в Брюсселе, сообщает министру иностранных дел Франции: «Из достоверного источника мне стало известно, что господин Виктор Гюго связался с каким-то лондонским издателем, чтобы опубликовать там произведение, которое он только что закончил, и которое называется «Государственный переворот Второго Декабря»... Г-н Гюго сначала попытался договориться с бельгийским издателем, господином Мелином, но тот, опасаясь ответственности и напуганный суммой в 20000 франков, которую потребовал г-н Гюго, отказался взять на себя эту публикацию»[2]).

Надеясь побудить Гюго отказаться от публикации памфлетов, правительство Луи Наполеона пытается заигрывать с поэтом. В одном из своих писем жене (от 26 марта 1852 г.) Гюго сообщает, что к нему с визитом явился один его бывший друг, ставший ныне другом Луи Бонапарта, и передал о сожалениях президента по случаю «отдаления» Гюго. «Он колебался пять дней, прежде чем внес ваше имя в список лиц, подлежащих изгнанию». «Вот как! — сказал я, засмеявшись. — Значит он предпочел бы внести меня в список сенаторов? Не правда ли? В таком случае передайте ему, что список сенаторов и есть список лиц, подлежащих изгнанию. Расстаться с Францией — не такая уж беда. Расстаться с честью — подлинное несчастье»[3]).

Однако правящая верхушка Франции не теряет надежды «приручить» писателя, и в начале апреля 1852 года парижская газета «Эклер» публикует сообщение о том, что «господину Виктору Гюго разрешено вернуться во Францию».

16 апреля, досрочно, выпускается из тюрьмы его сын, Франсуа-Виктор, срок заключения которого истекал лишь в августе. Напрасно доказывает он, что готов до конца понести наказание — его «изгоняют» из тюрьмы.

8 апреля в ответ на слухи о «высочайшей милости» Гюго помещает заметку в бельгийской газете «Обсерватёр»: «Эклер» объявляет, что господину Гюго разрешено вернуться во Фран-

---

[1]) Там же, стр. 512.
[2]) Цит. по книге Анграна, стр. 18.
[3]) **В. Гюго.** Собр. соч., т. 14, стр. 514.

цию. Источники подобных слухов необъяснимы... Господину Виктору Гюго нечего просить у г-на Бонапарта»[1]).

5 мая 1852 года Гюго завершает работу над «Историей Второго Декабря». Таков был ответ писателя на попытки заставить его замолчать.

Однако он отдает себе ясный отчет в том, что публикация книги повлечет за собой серьезные последствия, и заранее готовится к новому изгнанию. После долгих поисков и консультаций с друзьями, Гюго выбирает остров Джерси, благодаря его близости к берегам Франции.

В это время в Бельгии идет подготовка к выборам, и во время предвыборной кампании на политическую арену выступает католическая партия. Накануне выборов правительство Луи Наполеона усиливает давление на бельгийские правящие круги и решается даже на прямой шантаж.

Так, 8 июня 1852 года в газете «Конститюсионель» появляются статьи, содержащие прямые выпады против бельгийского правительства. Журналист Гранье де Кассаньяк, близкий к бонапартистской партии, пишет: «Бельгийское министерство считает друзьями, а французское правительство — врагами философов, франк-масонов, бунтовщиков; французское правительство считает друзьями, а бельгийское министерство — противниками, духовенство, сельское население и друзей порядка и мира... Безусловно, все наши симпатии на стороне бельгийской католической партии. Мы желаем ей прийти к власти...

Бельгия стала открытым убежищем для всего, что думает, говорит, пишет, замышляет против Принца-Президента!»[2]).

В результате всех этих махинаций бельгийская либеральная партия теряет на выборах большинство, что тотчас же увеличивает невзгоды французских изгнанников, нашедших приют в Бельгии.

На следующий же день после выборов Гюго начинает готовиться к отъезду и сообщает семье адрес, по которому все должны собраться — город Сент-Элье на острове Джерси.

Гюго удерживает в Брюсселе только подготовка к печати памфлета «Наполеон Малый», написанного в короткий срок после окончания «Истории Второго Декабря», с нелегальной публикацией которой встретились серьезные затруднения в силу ее больших размеров.

---

[1]) Цит. по книге Анграна, стр. 20.
[2]) Там же, стр. 23.

Опасность угрожает не только Гюго. Ипполит Мажан издает памфлет «Тайны Второго Декабря» — его изгоняют из Бельгии. Каэнь выпускает брошюру «Брестский рейд» — его постигает та же участь.

2 июля Министр иностранных дел Франции направляет своему поверенному в Брюссель пространную инструкцию, касающуюся Гюго и предполагаемого выхода в свет его книги «Преступление Второго Декабря». Инструкция предписывает действовать «быстро», «тайно» и не пренебрегать никакими средствами, чтобы помешать ее выходу или, в случае опубликования, возбудить ее преследование. «Я рекомендую это дело вашему самому серьезному вниманию. Позаботьтесь сообщить мне без промедления все, что вы сумеете раскрыть о средствах, которые предполагают употребить для того, чтобы напечатать этот гнусный пасквиль и заслать его во Францию»[1]).

Бассано действует «быстро», но, к сожалению, не может пока сообщить ничего определенного. 3 июля он сетует на то, что трудно узнать что-нибудь определенное о бельгийских типографиях, особенно о типографии Лабру, которая предоставляет свои печатные машины в распоряжение политических изгнанников.

7 июля ему удается, однако, послать Министру нечто более определенное: «Пасквиль, озаглавленный «Второе Декабря», печатается в настоящий момент в Брюсселе, у Лабру за счет какого-то английского издателя. Как только печатание будет закончено, что должно произойти через неделю, г. Виктор Гюго якобы намерен покинуть Бельгию»[2]).

В этом же письме Бассано заявляет, что ему ничего не известно о путях, какими этот памфлет собираются направить во Францию, но высказывает предположение, что, возможно, его направят через Англию. Затем он сообщает, что в газете «Насьон» появилось объявление о публикации другого памфлета Гюго, под названием «Наполеон Малый».

«Но я не знаю еще точно, будет ли эта публикация напечатана в Брюсселе».

Таким образом, добывая сведения об одной книге Гюго, Бассано вдруг получает известие о другой, с не предвещающим ничего хорошего заглавием, и, главное, о которой ничего до сих пор не было слышно.

---

[1]) Там же, стр. 26.
[2]) Там же, стр. 27.

Что же это за книга, и когда автор успел написать ее? Действительно, все это время Гюго усиленно работал над обширной, документальной и фундаментальной книгой «История Второго Декабря», но когда он встречает трудности в ее опубликовании, решает срочно написать по ее материалам небольшой по размерам памфлет, который не уступал бы первой книге в силе воздействия на массы и на политического противника.

Вот что он пишет о своем новом произведении жене 1 июля 1852 года: «Как раз сегодня в Лондоне начала печататься моя книга. Никто не осмелился ее купить; ее печатают — только на это и хватило английской отваги. Она выйдет в свет 25 июля и будет называться «Наполеон Малый». По объему она такая же как «Последний день приговоренного к смерти». Я написал эту книгу за время, что прошло со дня твоего отъезда[1]). «Историю Второго Декабря» я опубликую позже. Я был вынужден отложить ее, но не хотел, чтобы Бонапарт воспользовался этой отсрочкой. Надеюсь, что «Наполеон Малый» понравится вам всем. Это одно из лучших моих произведений... Я окончил этот том в один месяц. Я работал чуть ли не круглые сутки... Пока никому не рассказывай о «Наполеоне Малом», за исключением Огюста и Поля Мериса, но попроси их соблюдать тайну. Нужно, чтобы это произвело впечатление разорвавшейся бомбы»[2]).

Пьер Ангран в своей книге о Гюго уточняет, что «Наполеон Малый» печатался в это время в Брюсселе, у Лабру, а в Лондоне через посредничество Труве-Шавеля, республиканца 1848 года, и издателя Этцеля Гюго вел переговоры о распродаже книги. Вероятно, он не сообщает жене действительное место издания из цензурных соображений.

9 июля 1852 года с неофициальным визитом к Гюго явился бургомистр Брюсселя г-н Шарль Брукер и во время беседы высказал мысль, что появление новой книги Гюго создает такие затруднения для бельгийского правительства, что последнее, несмотря на все личные симпатии к автору, отнеслось бы с одобрением к его отъезду. Вместе с тем бургомистр дал понять, что если Гюго не покинет Бельгию добровольно, правительство будет вынуждено его выслать.

13 июля Гюго предупреждает жену, что она должна быть готова к немедленному отъезду из Парижа на Джерси, так как

---

[1]) Адель Гюго жена поэта приезжала в Брюссель на несколько дней в июне для подготовки к отъезду Гюго из Бельгии.

[2]) **В. Гюго**. Собр. соч., т. 14, стр. 514.

он закончил «Наполеона Малого» и 20-25 июля он должен выйти в свет[1]).

21 июля Бассано отправляет во Францию зашифрованную телеграмму следующего содержания: «Г-н Министр, из полученных мною сообщений следует, что печатание пасквиля г-на Виктора Гюго, озаглавленного «Наполеон Малый» или «Второе декабря», накануне завершения и что к концу недели его попытаются заслать во Францию в значительном количестве экземпляров. Средства, которыми постараются воспользоваться — обычные для контрабанды. Я полагаю, что было бы важно уже сейчас дать указания на все границы, с тем, чтобы удвоенное наблюдение распространилось даже на путешественников.

Экземпляры, предназначенные для засылки во Францию, очень малого формата, для того чтобы легче скрыть от бдительности таможни.

Издание, предназначенное для продажи в Бельгии и других иностранных государствах, будет осуществлено в одну двенадцатую.

Книга поступит в продажу только после того, как первая партия будет направлена во Францию»[2]).

В ответ на эту депешу министр обращается к Бассано с неофициальным письмом 25 июля, в котором приказывает направить в адрес бельгийского правительства ноту с требованием о преследовании Гюго как только книга выйдет в свет.

В этот же день Гюго пишет жене: «Только что ушел от меня издатель, милый друг. Книга выйдет в среду или четверг, самое позднее. Стало быть, сразу по получении этого письма тебе надо уехать. Держи путь прямо на Джерси, в Сент-Элье, главный город острова... Возникло много трудностей, и число их все увеличивается. Вокруг книги яростно бушует бонапартистская буря...

Товарищи по изгнанию хотели воспрепятствовать моему отъезду. С этой целью ко мне пришли три депутации. Я дал им понять, что насильственная высылка (а она неизбежна) была бы честью для меня, но не послужила бы к их чести...

Я думаю все же, что оставлю здесь по себе добрую память и уважение к своему имени»[3]).

Тогда же, 25 июля, Гюго пишет сыну Франсуа-Виктору, что

---

[1]) См. об этом в книге Анграна, стр. 28.
[2]) Цит. по книге Анграна, стр. 29.
[3]) **В. Гюго.** Собр. соч., т. 14, стр. 515-517.

тот должен без промедления присоединиться к нему, и объявляет о своем отъезде также Огюсту Вакери.

Накануне отъезда из Брюсселя, 31 июля, Гюго обращается с письмом к остающимся в Бельгии изгнанникам, в котором выражает сожаление по поводу того, что вынужден их покинуть и называет свое новое изгнание «изгнанием в изгнании». Однако Гюго выражает готовность по первому же зову явиться в Брюссель, если Наполеон осмелится подать на него в суд, чтобы «защищать против этого человека в сознании всех народов великое дело права, Республики и свободы»[1]).

1 августа Гюго покидает Бельгию, направляясь на Джерси через Антверпен и Лондон.. Начинается второе изгнание поэта.

Гюго покинул Брюссель, но его «Наполеон Малый» остался в Бельгии, следовательно, бельгийское правительство не избавилось от прислужников Луи Наполеона, занятых слежкой за Гюго и его товарищами по изгнанию. Бассано занимается расследованием путей, какими памфлет проникал во Францию. Уже 2 августа он указывает на некоего Клоссе, кондуктора дилижанса Брюссель — Мец, а также сообщает Министру, что согласно поступившим ему сведениям, памфлет будет переправляться через границу женщинами, в складах одежды которых его легко спрятать.

8 августа Бассано посылает министру совсем свежий, только в этот день сошедший с матриц, экземпляр «Наполеона Малого».

Выход в свет памфлета Гюго окончательно испортил отношения правительства Принца-Президента с бельгийским правительством. Прерываются происходившие в Париже переговоры о продлении договора о торговых взаимоотношениях между Францией и Бельгией.

В письме от 28 августа Министр иностранных дел Франции Друин де Льюис, откровенно излагая Бассано причины прекращения переговоров, первейшей и основной причиной называет либеральное отношение бельгийского правительства к французским изгнанникам, «публикацию оскорбительных пасквилей, убежище и поддержку, которые нашли в Бельгии самые ярые и гнусные противники установленного французской нацией режима»[2]).

В это время, несмотря на чрезвычайные меры и удвоенную

[1]) См. об этом письме в книге Анграна, стр. 30.
[2]) Цит. по книге Анграна, стр. 33.

охрану границ, памфлет Гюго проникает во Францию и оказывает свое действие. В письме Шаррасу от 29 августа Гюго пишет: «Говорят, моя книжечка просачивается во Францию и, капля за каплей, бьет по Бонапарту. Быть может, в конце концов она продолбит в нем дыру...

Как только я приехал, в Сен-Мало в мою честь утроили количество таможенников, жандармов и шпиков. Этот дуралей велел выстроить целый лес штыков, чтобы помешать высадиться на берег одной книге»[1]).

В этот же день, обращаясь с письмом к Мадье де Монжо, Гюго сообщает: «Все идет хорошо. В Сен-Мало тучи жандармов и шпиков; приезжих обыскивают с головы до ног, гранвильские рыбаки недоумевают, почему так тщательно осматривают их корзины, начальник округа рычит, всякому, кто провезет «Наполеона Малого», грозят тюрьмой: тут испытывают невероятный страх перед этой маленькой книгой»[2]).

Под давлением французского правительства в Бельгии вырабатывается проект закона, запрещающего критиковать в печати глав правительств иностранных государств. Закон этот направлен был главным образом против французских изгнанников.

2 декабря 1852 года Луи Бонапарт провозглашается Императором Наполеоном III. В этот же день в Бельгии Министр юстиции Федер и бургомистр Брюсселя Брукер произносят речи в поддержку нового закона.

6 декабря Палата Представителей голосует за закон, получивший название закона Федера-Брукера.

9 декабря подписывается франко-бельгийский торговый договор. 12 декабря Сенат принимает закон Федера.

Таким образом, памфлет Гюго, направленный против Наполеона III, а также памфлеты и книги других французских политических изгнанников сыграли немаловажную роль в принятии закона Федера, закона, доказавшего слабость бельгийского либерального правительства.

Обсуждение и последовавшее за ним принятие закона Федера оказало обратное действие: Гюго с еще большей энергией принимается за работу над новым произведением, направленным против Наполеона III — сборником политической лирики «Возмездие», который будет затем издан именно в Бельгии во-

[1]) **В. Гюго.** Собр. соч., т. 14, стр. 521.
[2]) Там же, стр. 522.

преки принятому закону. Гюго писал по этому поводу издателю Этцелю: «Пусть он (Луи Наполеон) множит препятствия, пусть окружает свою империю законами Федера, пусть он преследует нас в Бельгии, в Швейцарии, в Испании, в Пьемонте, мы возродимся в гонениях и будем множиться как препятствие»[1]).

---

[1]) Цит. по книге Анграна, стр. 38.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
имени ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

№ 25 1969

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО В. ГЮГО ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ ВТОРОЙ ИМПЕРИИ ВО ФРАНЦИИ

Ю. С. ДЕНИСОВ

Девятнадцать лет провел великий сын Франции, Виктор Гюго, в изгнании — весь период существования Второй империи. Ни на один день не прекращал он борьбы с узурпатором власти — Наполеоном III. В эти годы им были созданы сатирическиее памфлеты «Наполеон Малый» и «История одного преступления», сборник политической лирики «Возмездие», поэма «Революция».

В гернсейский период Гюго были написаны и опубликованы «Отверженные», «Труженики моря», «Человек, который смеется» — его лучшие социальные романы. В 1864 году он издает «Вилиама Шекспира», в 1865 — «Песни улиц и лесов», в 1867 — вызвавшую большие волнения поэму «Ментана».

В годы изгнания Гюго переписывается с Герценом, редактирующим в Лондоне революционный журнал «Полярная звезда» и газету «Колокол», встречается с ним на Гернсее и рекомендует редакции демократической газеты изгнанников «Омм» печатать его статьи, поддерживает тесную связь с Луи Бланом и Арманом Барбесом — вождями французской революционной демократии.

Казнь Джона Брауна в 1859 году вызывает его горячее негодование. «И это сделала Республика? — с гневом пишет он Жорж Санд. — Свободная нация убила того, кто боролся за свободу. Увы, сударыня, сердце мое стеснено горем. Когда преступление совершают короли — это еще куда ни шло, преступление короля — вещь естественная; но преступление, совершенное народом, — этого не в силах перенести тот, кто мыслит»[1]).

Смерть Брауна раскрыла глаза поэту на пресловутую американскую демократию, и в 1860 году, обращаясь к редактору гаитянской газеты «Прогресс», он пишет: «Отныне единой Америки больше не существует. Я глубоко скорблю об этом, но это уже непоправимо. Между Югом и Севером возвышается виселица Брауна»[2]).

Когда в 1866 году на порабощенном Турцией Крите вспыхивает восстание, Гюго выступает с воззванием к греческим повстанцам, предвещая всеобщее освобождение.

Поэт поднимает голос в защиту народа Кубы, требуя невмешательства в ее дела Испании и утверждая, что «свобода мира — это свобода каждого народа в отдельности»[3]).

В 1869 году он принимает активное участие в работе Конгресса мира в Лозанне, являясь его председателем.

24 апреля 1870 года в обращении к гражданам Гюго говорит: «Сегодняшний бой — это завтрашний мир. Свободе неизменно предшествует освобождение. Революция — это правда. За баррикадой, отстаивающей право, поднимается заря. Провозглашаю тост за Революцию»[4]). Однако отношение его к революции не было четко определенным. Он предпочитал революцию, совершенную Идеей, Прогрессом, и лишь когда убеждался в неосуществимости своих мечтаний звал к оружию. Отношение Гюго к революции удачно определено в одном из его писем к Гарибальди. Говоря о том, что будущее возрождение наций неразрывно связано с революцией, Гюго пишет: «Революция без всякого кровопролития — это был бы идеал. Почему же не стремиться к идеалу?»[5]).

---

[1]) **В. Гюго.** Собрание сочинений в 15 томах, М., ГИХЛ, 1956, т. 14, стр. 536 (Письмо к Ж. Санд от 20 декабря 1859 года).

[2]) Там же, стр. 566.

[3]) Там же, стр. 999. Послание «Гражданам республики Пуэрто-Рико» от 24 ноября 1867 года.

[4]) Там же, стр. 613.

[5]) **В. Гюго.** Соч., т. 14, стр. 576. Письмо к Гарибальди от 20/XII-1863 г.

Всем своим творчеством Гюго стремился к этому идеалу, но в конкретной обстановке признавал и другое — боевое — осуществление революции. Он доказал это в дни переворота, во многих стихах, написанных в изгнании, и, наконец, в августе 1870 года, когда послал телеграмму следующего содержания: «Возвращаюсь в Париж национальным гвардейцем»[1]).

Франко-Прусская война всколыхнула надежды Гюго на скорое падение Империи, и он не желает проводить ни одной лишней минуты в изгнании, когда его рука, держащая винтовку, может принести пользу Родине. «Я хочу вернуться во Францию, вернуться в Париж совершенно открыто, простым гвардейцем, и оба моих сына будут там рядом со мной. Меня припишут к тому округу, где я буду жить, и вместе со всеми я пойду на городской вал с ружьем на плече. Все это не снимает с меня зарока; я ни в чем не хочу помогать правительству, но я хочу иметь свою долю участия в опасности, угрожающей Франции», — пишет он своему давнему другу Полю Мерису[2]).

Гюго готов отправиться во Францию, но он ждет падения Империи. «Мы внимательно следим за всеми событиями и готовы выехать в любую минуту, — однако при одном условии: чтобы это не выглядело так, будто мы едем спасать империю. И, конечно, ради такой цели я готов принести себя в жертву[3]).

1 сентября 1870 года, вновь обращаясь к Полю Мерису, Гюго сообщает, что откладывает свой отъезд, так как поедет лишь в «Париж, призывающий на помощь революцию». «Я нисколько не сомневаюсь в конечном результате. Никогда я так сильно не верил во Францию, как теперь»[4]).

4 сентября 1870 года Вторая империя пала и была провозглашена Третья Республика. И уже 5 сентября революционный Париж встречал своего кумира. Возвращение Гюго превратилось в настоящий триумф победителя.

Было срочно подготовлено первое полное легальное издание «Возмездия». 22 октября в письме к редактору газеты «Ле Сьекль» Гюго говорит: «Возмездие» никогда не приносило гонорара своему автору, и он нисколько на это не сетует. В настоящее время продажа первых пяти тысяч экземпляров парижско-

---

[1]) Там же, стр. 613. Письмо П. Мерису от 19 августа 1870 года.
[2]) Там же, стр. 614.
[3]) Там же, стр. 615. Письмо сыну Франсуа-Виктору от 26 августа 1870 года.
[4]) Там же, стр. 616.

го издания дала пятьсот франков дохода; я просил бы Вас внести эти деньги в фонд подписки на пушки»[1]).

На деньги, внесенные писателем, были отлиты пушки «Возмездие» и «Виктор Гюго». В стихотворении «К пушке «Виктор Гюго», включенном в сборник «Грозный год», поэт, вспоминая стремление всей своей жизни к миру, приходит к твердому заключению, что перед лицом врага, грозящего братству, равенству, надежде и прогрессу, Париж должен стать грозным титаном.

По возвращении в Париж Гюго включается в активную борьбу за сохранение республики. Уже 5 сентября 1870 года он обращается к парижанам, встретившим его на вокзале, с призывом к единению ради защиты Родины и Республики.

9 сентября Гюго публикует воззвание к немцам, в котором призывает их прекратить войну против республики, войну, начатую Империей. Империя пала, следовательно, войне нет больше места. Гюго признает войну немцев справедливой только до падения империи, так как тогда Германия защищалась. Теперь же она превратилась в агрессора, стремящегося задушить свободу в самой ее колыбели — Париже. Гюго предупреждает, что Париж будет бороться до конца и даже будучи разрушенным и сожженным будет возглашать: «Свобода, Равенство, Братство!» Пепел его, развеянный по ветру, всюду даст всходы свободомыслия и революции.

Когда немецкая армия подошла вплотную к Парижу, Гюго обращается с воззванием к французам (17 сентября 1870 г.) и парижанам (2 октября 1870 г.). В этих воззваниях он призывает к единству, забвению всех разногласий и внутренних распрей перед лицом внешнего врага и обращается с призывом к всеобщей войне против захватчиков: «Пусть поднимутся все общины! Пусть все деревни запылают гневом! Пусть все леса наполнятся громовым раскатом голосов! Пусть зазвучит набат! Пусть каждый дом выставит солдата; пусть каждое предместье станет полком; пусть каждый город сделается армией!»[2]). «Будем сражаться днем и ночью, будем сражаться в горах, в долинах, в лесах. Вставайте, вставайте! Ни передышки, ни отдыха, ни сна! Деспотизм атакует свободу, Германия покушается на Францию!»[3]).

Видя нарастание революционной волны в Париже, француз-

[1]) Там же, стр. 617.
[2]) **В. Гюго.** Сочинения, т. 15, стр. 499.
[3]) Там же, стр. 501.

ское буржуазное правительство в январе 1871 г. сдало Париж, заключило перемирие с Германией. Состоявшиеся 8 февраля выборы в Национальное собрание привели к власти реакционеров, избранных в большинстве от провинциальных департаментов Франции.

От революционного Парижа в состав Национального собрания вошли в основном демократические депутаты, среди которых был и Гюго. На заседаниях Национального собрания в Бордо, местопребывании правительства ввиду оккупации Парижа, Гюго выступает против предательского плана подписания мирного договора с Германией на унизительных для Франции условиях отторжения Эльзаса и Лотарингии, прославляет героическое поведение парижан в течение пяти месяцев осады, призывает к продолжению войны, целью которой должно стать провозглашение единства народов и единой республики[1]).

Выступления Гюго против подписания мирного договора с Германией вызывали бешеную злобу реакционеров и увеличивали симпатии к нему со стороны патриотически настроенного населения. Еще 19 февраля 1871 года Гюго писал по этому поводу в Париж Полю Мерису: «Симпатии ко мне в городе необычайно велики. Я пользуюсь популярностью на улицах и непопулярен в Национальном собрании. Это хорошо»[2]).

Деятельность Гюго в Национальном собрании продолжалась недолго. 8 марта он подал в отставку и покинул зал заседаний, чтобы больше туда не вернуться. Это было вызвано тем, что незадолго до этого Национальное собрание отказалось выслушать речь Гарибальди, также избранного в Собрание, так как он сражался на стороне Франции против Германии. Гарибальди подал в отставку. 8 марта стали известны результаты выборов в Собрание в Алжире, где Гарибальди получил подавляющее число голосов. Но реакционеры в Собрании потребовали аннулировать его депутатский мандат. В ответ на это требование слово взял Гюго и попытался высказаться в защиту Гарибальди, но ему не дали говорить. Тогда тут же на месте Гюго подал председателю заявление: «Три недели назад Собрание отказалось выслушать Гарибальди; сегодня оно отказывается выслушать меня. Этого с меня достаточно. Я заявляю о своей отставке»[3]).

---

[1] См. речь «За войну в настоящем и мир в будущем» от 1 марта 1871 года. Сочинения, т. 15, стр. 507-514.

[2]) **В. Гюго.** Сочинения, т. 14, стр. 619.

[3]) **В. Гюго.** Сочинения, т. 15, стр. 530.

На следующем заседании Национального собрания, 9 марта, от имени левых депутатов слово попросил Луи Блан. Он сказал: «Тем из нас, кого особенно сближает с Виктором Гюго общность чувств и взглядов, надлежит во всеуслышание заявить о том, какую душевную боль мы испытали, видя, что великий гражданин, гениальный человек, которым гордится Франция, был вынужден подать в отставку — заявить о своем выходе из состава французского Национального собрания. Ко множеству несчастий прибавилось еще одно. Я считаю несчастьем, что этот мощный голос был заглушен... в ту минуту, когда он провозглашал благодарность от имени родины за оказанные ей важные услуги.

Я ограничусь этими несколькими словами: они выражают чувства, которые, я в этом уверен, разделяют все, кто ценит и чтит гения, борющегося за свободу»[1]).

14 марта в семью Гюго пришло большое горе — скоропостижно скончался его сын Шарль, оставив двух маленьких детей. Тело Шарля было перевезено из Бордо в Париж. 18 марта 1871 года, в день торжества Парижской Коммуны, Гюго хоронил сына на кладбище Пер-Лашез. 21 марта он был вынужден срочно выехать в Брюссель по делам, связанным со смертью Шарля.

Находясь в Бельгии, Гюго получал ложные и противоречивые сведения о событиях в Париже и не смог правильно оценить обстановку.

Кроме того, он рассматривал вооруженное выступление парижского пролетариата как начало гражданской войны, которую считал гибельной для Франции в обстановке войны с Пруссией. В обстоятельном письме Полю Мерису и Огюсту Вакери от 28 апреля 1871 года Гюго писал: «Я — за коммуну в принципе и против коммуны в ее конкретном проявлении»[2]).

«Бесспорно, права Парижа очевидны. Париж — это коммуна, это самостоятельная община, притом самая необходимая и самая славная из всех. Париж-коммуна — это необходимое следствие Франции-республики»[3]).

Однако Гюго считает, что, будучи принципиально необходимой, Коммуна оказалась исторически несвоевременной перед лицом врага, еще не оставившего стен Парижа.

---

[1]) Там же, стр. 530-531.
[2]) Там же, стр. 532.
[3]) Там же, стр. 533.

Но тут же Гюго и «оправдывает» Коммуну, утверждая, что не она выбрала момент своего появления, а версальское правительство спровоцировало восстание своим решением забрать пушки с Монмартра. Следовательно, делает вывод Гюго, виновно реакционное Национальное собрание, правительство, и правительство должно «быть снисходительным» к тому, что само вызвало.

Пользуясь слухами о «красном терроре», царящем якобы в Париже, Гюго обвиняет Коммуну в жестокости, тогда как известно, что одной из причин ее гибели явилась именно нерешительность в борьбе с врагами-версальцами.

Когда Коммуна была побеждена и на нее обрушился белый террор, Гюго поднимает гневный голос протеста против репрессий.

Бельгийское правительство отказывает в праве убежища коммунарам. Тогда 26 мая 71 года в газете «Эндепанданс бельж» появляется письмо Гюго, в котором он объявляет убежищем свой дом в Брюсселе, «оказывая Бельгии эту честь». Он пишет: «Если ко мне в дом явятся, чтобы арестовать бежавшего коммунара, пусть арестуют меня. Если его выдадут французским властям, я последую за ним. Я сяду вместе с ним на скамью подсудимых, и среди поборников права, рядом с коммунаром, побежденным Национальным собранием Версаля, увидят республиканца, изгнанного Бонапартом»[1]).

27 мая разъяренная толпа брюссельских буржуа забросала камнями дом писателя, а 31 мая правительство объявило о его высылке из Бельгии.

Опубликовав заявление, Гюго твердо стоит на позициях защиты прав коммунаров, борется за общую амнистию и за жизнь каждого осуждаемого правительством федерата. Ему удается спасти многих от смертной казни, его борьба способствует объявлению амнистии в 1880 году.

Настроения поэта во время Франко-Прусской войны и Парижской Коммуны нашли отражение в новом сборнике политической лирики «Грозный год», опубликованном в 1872 году. Первые стихи сборника проникнуты философскими размышлениями о судьбах родины («Выбор между нациями», «Я начал свой рассказ» и др.). Гюго выступает с осуждением захватнической войны («Черт на дьявола», «Достойные друг друга» и др.). С падением империи характер стихов Гюго меняется. По-

[1]) **В. Гюго.** Сочинения, т. 15, стр. 545.

эт воспевает мужество защитников Парижа («Осажденный Париж», «Я старый плаватель» и др.).

В конце 70—начале 71 года Гюго пишет ряд стихов, разоблачающих предательскую политику позорного перемирия («Банкрот», «Капитуляция», «Перед заключением мира», «Мечтающим о монархии») и призывающих к борьбе до победного конца:

«А! Это — дикий бред! Не примиримся, нет!
Встань с яростью в душе, с мечом в руке, средь бед,
О, Франция! Хватай дреколья, камни, вилы,
Скликай сынов, полна решимости и силы!»[1]).

В кульминационном цикле стихов («Июнь») воссоздаются картины революционного Парижа, гибели Коммуны, жестокой расправы над побежденными («Вот пленницу ведут», «Рассказ той женщины», «За баррикадами на улице пустой», «Расстрелянные», «Ты, генерал-«Прошу!» и др.).

В поэме этого цикла «Тем, кого попирают» Гюго солидаризируется с побежденными коммунарами:

«Я всем поверженным и угнетенным друг,
И сам хочу войти я с вами в адский круг!
Вас предали вожди. Истории скажу я
Об этом. Я не там, где зло царит, ликуя.
Я с тем, кто пал в борьбе!»[2]).

Заключительное стихотворение сборника («Во мраке») в аллегорической форме предсказывает всемирный потоп, в пучине которого исчезнут все атрибуты старого мира.

Готовя к печати сборник, Виктор Гюго писал Полю Мерису о его содержании и назначении: «Борющийся Париж» уже не выражает темы, книга будет называться «Грозный год». Начнется она с переворота и закончится, отразив падение империи и эпопею двух осад — катастрофой наших дней, которая, как я предвещаю, приведет к тому, что воссияет свет»[3]).

В 1879 году, обращаясь к членам Конгресса по вопросам свободного и светского воспитания, Гюго писал: «Граждане, настало время распада старого мира. Древние тираны осуждены волей провидения. Время, этот согбенный во мраке могильщик,

[1]) **В. Гюго.** Сочинения, т. 13, стр. 50.
[2]) Там же, стр. 128.
[3]) **В. Гюго.** Сочинения, т. 14, стр. 624 (Письмо от 19 июня 1871 года).

хоронит их. С каждым днем они все глубже погружаются в небытие. Республика — это будущее»[1]).

С этим высказыванием перекликается обращение Гюго к парижским студентам: «Пусть ничто не смутит и не собьет вас с пути, верьте в будущее. Ожидайте его с непоколебимой и спокойной уверенностью среди испытаний и невзгод наших дней, как темной ночью ждут рассвета. Трудитесь и идите вперед; ищите — и вы найдете; боритесь — и вы победите»[2]).

Говоря о многочисленных буржуазных фальсификаторах Гюго, французский прогрессивный критик-коммунист Пьер Альбуи в статье «Виктор Гюго, опыт марксистской критики»[3]) отмечает, что буржуазное литературоведение не только искажает правду о художественных произведениях поэта, но и стремится отделить его от общества вообще, умалчивая о его выступлениях в Национальном собрании и упоминая лишь о его выступлениях в «обществе защиты животных или на каких-либо официальных церемониях Пантеона»[4]).

Затрагивая вопрос о буржуазной литературе конца XIX в., П. Альбуи справедливо отмечает, что эстетика Бодлера, Малларме, Рембо и им подобных поэтов была эстетикой обостренных противоречий, красотой смятения, величием агонии, эстетикой отрицания, и лишь Гюго сохранил в это время положительные идеалы. Буржуазия же не выносила его «положительности». Однако, говорит критик, «эта положительность вовсе не была ни полной, ни прочной. Он оставался слишком оптимистом для буржуазии и недостаточно — для революционного пролетариата»[5]).

В его программе, слишком положительной для буржуазии, были реакционные моменты, которые позволили Марксу, Энгельсу, Лафаргу выступить с критикой Гюго. Отмечая, что настало время оценить значение Гюго всесторонне, Пьер Альбуи утверждает, что сделать это может только марксистская критика. «Он не стесняет нас политически, — пишет Альбуи, — конечно, было бы легко написать толстую книгу о всех реакци-

---

[1]) Там же, стр. 641. (Письмо от 16 октября 1879 года).

[2]) Там же, стр. 552. Обращение 1856 года.

[3]) **П. Альбуи.** Виктор Гюго, опыт марксистской критики. Ж. «Новая критика», Париж, июнь 1951 г., № 27, стр. 146-160. (Перевод наш. Оригинал на французском языке. — Ю. Д.).

[4]) Там же, стр. 157.

[5]) Там же, стр. 158.

онных заявлениях Гюго, и я скажу даже: во время и после изгнания, во время Коммуны и после нее. Но факт остается фактом, что позиция Гюго, такова, какова она есть, гораздо больше стесняет буржуазию, чем пролетариат. То, что Гюго дал в реформизме, в мелкобуржуазном радикализме, стесняет пролетариат неизмеримо меньше, чем стесняет буржуазию благородный утопизм поэта»[1]).

Разгром июньской революции навсегда поставил Гюго в ряды принципиальных и последовательных защитников демократии, в ряды непримиримых врагов королей и деспотизма во всех его проявлениях. Парламентская и общественно-политическая деятельность Гюго 1848-1851 годов определила его решительную позицию в дни переворота, а изменения в мировосприятии способствовали развитию большой политической активности в изгнании.

Новое отношение Гюго к монархизму, бонапартизму, дальнейшее развитие демократизма и революционности нашли свое отражение и воплощение в публицистических выступлениях в изгнании, в памфлетах «Наполеон Малый» и «История одного преступления», в гражданской лирике.

Позиция, занятая поэтом в 50-е годы, помогает ему стойко перенести девятнадцатилетнее изгнание, определяет его выступление против белого террора 1871 года, вдохновляет на создание романа «93-ий год», посвященного первой французской революции.

Безусловно, представления Гюго о грядущей революции были полны пацифистских заблуждений и мелкобуржуазных иллюзий, но при всем том сыграли немаловажную роль в пробуждении революционного сознания трудящихся масс не только Франции, но и всех народов, поднимающихся на борьбу за свою свободу и независимость.

---

[1]) Там же, стр. 160.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
имени ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

№ 25 1969

ПРОГРАММИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ И ПРОБЛЕМА САМОКОНТРОЛЯ

Н. И. КУВШИНОВ

Программированное обучение, возникшее на стыке кибернетики и педагогики, в настоящее время широко внедряется в практику работы общеобразовательной и высшей школы.

К сожалению, теоретические вопросы, связанные с применением программированного обучения, разрабатываются пока недостаточно. Как свидетельствуют опубликованные материалы к Всесоюзной конференции по программированному обучению (Москва, 1966), авторы, работающие в этом направлении, в основном заняты разработкой все более совершенных обучающих машин и приспособлений, исследованием надежности конструктивно-выборочных методов обучения и контроля, составлением программированных пособий. Вне поля зрения исследователей пока остается человек, обучающийся на этих проспособлениях, его мыслительная деятельность в процессе усвоения и выявления знаний. Слабо изучены пути активизации мыслительной деятельности учащихся во время работы на обучающих машинах, в частности, пути активизации самоконтроля.

Рассматривая различные виды стандартизованного контроля, авторы только ставят вопрос о важности организации обратной

внутренней связи (Г. Н. Александров[1]) и др.), не подвергая серьезному исследованию этот мыслительный компонент деятельности учащихся за обучающей машиной. Тем более нет специальных работ, посвященных психологическому анализу самоконтроля учащихся, в то время, как именно здесь мы ближе всего подходим к изучению умственной деятельности учащихся в процессе обучения с применением программирования, к раскрытию механизмов этой сложнейшей деятельности.

В педагогической психологии известно, что самые длительные упражнения в любом виде деятельности дадут очень мало, если учащийся не научится проверять и оценивать свои достижения, если он не научится определять и исправлять допущенные ошибки, если он, наконец, не научится определять в какой степени приближается к поставленной учителем цели.

Применяя элементы программированного обучения и контроля на занятиях по психологии в Томском пединституте, мы нашли, что ответы студентов на вопросы, введенные в машину, в основном соответствуют устным ответам на те же вопросы и оцениваются соответственно одинаково и машиной, и человеком. Однако около 25% оценок за ответы, выставленные машиной, не совпадают с оценками преподавателя: часть ответов машина оценивает ниже, чем преподаватель, часть — выше.

Анализ этих несовпадений показал, что они наблюдаются и в том случае, когда студенты отвечают на вопросы, требующие только опоры на память, и в том, когда нужна активность мысли отвечающего. Причинами несовпадений могут быть объективные данные (стандартность вопросов и ответов на машине, возможность случайного нажатия на кнопку, как правильного, так и неправильного, незнание какого-либо термина, употребленного в вопросе и пр.), а также субъективных (необычность обстановки при работе на машине, поспешность, необдуманность, влияние реминисценции при устной беседе после ответов на машине)[2]).

Указанные особенности работы студентов на обучающей машине побудили нас провести специальное исследование особенностей самоконтроля. Мы поставили перед собой цель изучить, замечают ли сами студенты допущенные ошибки во время отве-

[1]) **Г. Н. Александров.** Некоторые понятия кибернетики и программированное обучение. Куйбышев, 1966.

[2]) **Н. И. Кувшинов, Т. Н. Болдышева.** Элементы программированного обучения на занятиях по психологии в педагогическом институте. Томск, 1966.

тов на обучающей машине по выборочному методу; что замечают и чего не замечают студенты из сделанного ошибочно на экзамене с применением машин; в чем причины недостаточного контроля своих действий; почему своевременно не исправляются самими студентами замеченные ошибки?

Методика экспериментов

Эксперименты проводились со студентами 1 курса во время курсовых экзаменов по психологии. Студенты, как и в предыдущих наших опытах, отвечали по альтернативному методу на 10 вопросов, введенных в машину «Ласточка». Вопросы были составлены по разделу «Высшая нервная деятельность». По остальным разделам курса студент отвечал устно.

В ходе работы студента за машиной ассистент экзаменатора фиксировал все его действия. В протоколе опыта отмечалось время, затраченное на ответы; номера билетов, в которых допущена ошибка при ответе; номер кнопки, которую нажал студент при ответе на вопрос.

После того, как студент заканчивал работу на машине, его спрашивали: где, по его мнению, может быть в ответах ошибка; почему он думает, что в ответах именно на эти вопросы он ошибся?

В заключение эксперимента ассистент поворотом ключа переводил машину в режим «самоконтроля», и студент мог теперь по загоревшимся лампочкам видеть, в каком билете им в действительности допущена ошибка в ответе. Студента спрашивали, не помнит ли он, на какую кнопку нажимал при ответе на данный билет (то есть какой из четырех ответов он выбрал) и на какую кнопку нужно было нажать, чтобы получить правильный ответ.

Весь разговор с испытуемым записывался на магнитофонную ленту и затем анализировался.

Результаты опытов

Через опыты было проведено 83 студента 1 курса ТГПИ. Каждому из них после того, как он заканчивал работу на машине, задавался вопрос о том, все ли у него верно; если есть ошибки, то пусть их укажет.

Анализ собранного материала показал, что испытуемые отмечают далеко не все сделанные ошибки, причем половина на-

званных билетов, в которых, по мнению студентов, есть ошибки, соответствовала действительности. Остальные билеты, на которые указывали студенты, получили правильные ответы.

Таблица 1

Действительное количество ошибок	Количество ошибок, названных студентами	
	Всего	Из них точно
223	86	49

Мы попытались установить корреляцию между оценкой, которую получил студент, и точностью определения возможных ошибок. Как показывает приведенная ниже табл. 2, была найдена некоторая закономерность: чем выше оценка, тем меньше расхождений между объективным количеством ошибок и количеством, названным студентом, и наоборот. Так, у получивших оценку «хорошо» из 48 ошибок названы 40, а у троечников из 106 ошибок названо только 36, у двоечников из 69 — 10. Например, студентки Г-н и Т-ва ошиблись в ответах на 6 билетов. Г-н не нашла ни одной ошибки, а Т-ва назвала одну, но там, где ее на самом деле не было. Между прочим, это наблюдалось у ряда студентов: они или называли большее количество ошибок, чем было допущено на самом деле, или называли ошибок столько же, сколько допущено объективно, но, к сожалению, называли совсем не те билеты, где в действительности были ошибки.

Таблица 2

Количество ошибок	Оценки		
	„Хорошо"	„Удовлетворительно"	„Неудовлетворительно"
Действительное колич. ошибок	48	106	69
Названо студентами ошибок	40	36	10

Естественно, нас заинтересовал вопрос о том, чем руководствуются студенты при определении наличия или отсутствия ошибок в ответах. Мы задавали испытуемым вопрос: «Почему Вы считаете, что в ответах именно на эти вопросы у Вас допущена ошибка?» Все ответы студентов можно разделить на ряд групп.

Первую группу составляют ответы, указывающие на слабое знание студентом каких-либо разделов курса. Дальнейший анализ ответов этой группы показал, что группа эта неоднородна, что в ней, в свою очередь, можно выделить две подгруппы. Первую составляют ответы, где студент называет основной причиной незнание, не раскрывая, что именно он не знает: «Я сомневалась в этих ответах больше, чем в других, видимо, потому, что знала меньше» (С-кая).

В другой подгруппе студент пытался проанализировать свой ответ и установить ошибку. «Я забыла ответ на второй вопрос. Я нажала вторую кнопку, что Сеченов ввел в науку понятие рефлекса, а ввели это понятие Фрич и Гитциг... нет, нет — не они, а Декарт ввел это понятие» (Т-я).

Вторая группа объяснений представляет собой разновидность того же незнания: студент не видит разницы в альтернативных ответах на вопрос, введенный в машину. Два каких-либо альтернативных ответа ему кажутся совершенно одинаковыми, а потому он и сомневается в правильности выбора. Так, студентка Б-ва на вопрос экзаменатора, почему был назван билет № 9, в ответе на который возможна ошибка, сказала:

— Здесь можно ответить и первым и вторым ответом.

— По- Вашему эти ответы похожи?

— Не то что похожи, оба они правильные.

К третьей группе объяснений мы отнесли случаи, когда студент сомневается в правильности ответов на какие-либо вопросы только потому, что он не знал содержания употребленных в вопросе или ответах терминов. «Вот в 21 билете речь идет о физиологических основах флегматического темперамента. Как понять слово инертный?» (Ш-а).

Наконец, к **четвертой группе** объяснений относятся всякие ссылки на случайные нажатия кнопок, не исправленные самим студентом, поспешность, трудность сосредоточения и т. д. «Я знала, что только человеку присуща в т о р а я сигнальная система и по ошибке нажала на в т о р у ю кнопку, а надо было на третью» (Ч-на).

Следует сказать, что не все студенты с одинаковой степенью

уверенности называли возможные ошибки, даже один и тот же студент по отношению к разным вопросам высказывал разные суждения. В одном случае он уверенно говорил, что ошибка допущена в таком-то билете (хотя и не всегда точно), в других случаях говорил, что он не совсем уверен в ответе на такой-то вопрос; может быть он ответил на него правильно, — он не знает.

После беседы о месте возможных ошибок включался «самоконтроль», и студент теперь мог видеть по загоревшимся лампочкам билеты, где допущена ошибка. Студента спрашивали, какой ответ из четырех возможных он выбрал, иначе говоря, на какую кнопку он нажимал при ответе на вопрос.

Анализ ответов показал, что не все студенты могут назвать те кнопки, которые были ими нажаты, причем, как правило, ошибались больше те студенты, которые получили оценку «Неудовлетворительно» или «Удовлетворительно» (табл. 3).

Таблица 3

Оценки	Количество студентов	Всего допущено ошибок	Количество названных кнопок
«Отлично»	7	—	—
«Хорошо»	34	48	44
«Удовлетворительно»	30	106	80
«Неудовлетворительно»	12	69	34

Примечание. У получивших «Отлично» ошибок не было, поэтому вопрос о месте возможных ошибок им не задавался.

Из таблицы видно, что получившие «Неудовлетворительно» могли вспомнить только половину ошибочно нажатых кнопок, в то время как студенты, получившие «хорошо», воспроизвели почти все неверно нажатые кнопки. Конечно, были и такие случаи, когда двоечники воспроизводили все нажатые кнопки, а хорошо ответившие студенты не могли вспомнить 1-2 ошибочно нажатые кнопки.

Разумеется, указанный факт можно было бы объяснить тем, что получившим оценку «хорошо» ничего не стоило запомнить и воспроизвести 1-2 кнопки, в то время как двоечнику нужно было воспроизвести 6-8 неверно нажатых кнопок. Однако такой вывод был бы поспешным и неверным. Ни мы не ставили перед испытуемым задачу запомнить нажимаемые кнопки, ни сами они перед собой такой цели не ставили. Более того, студенты вообще не знали до определенного времени, какие из кнопок нажаты ошибочно.

Из исследований по психологии непроизвольного запоминания, проведенных П. И. Зинченко[1]) и А. А. Смирновым[2]), известно, что чем более активен испытуемый при выполнении какой-либо учебной деятельности, тем лучшим будет запоминание материала, даже если перед ним и не ставится задача запомнить данный учебный материал.

В наших опытах мы имеем дело также с типичным примером непроизвольной памяти, поэтому и объяснение лучшего запоминания выбранных ответов следует искать в большей активности испытуемого за машиной. Вероятнее всего, что получившие хорошие оценки не только лучше ориентировались в материале, но и затратили больше труда на анализ вопросов и ответов. То же относится и к двоечникам, и троечникам, запомнившим кнопки, на которые они нажимали. Эти студенты также затратили немало труда, сидя за машиной, но уже при явном недостатке знаний. Студент же, который не может вспомнить выбранных ответов из четырех альтернативных, независимо от полученной оценки, видимо, работал малоактивно, нередко — наугад. Другой вывод сделать трудно.

Мы уже отмечали, что заданный вопрос о месте возможных ошибок, как правило, возбуждает мысль студентов: нередко вместо указания на тот или иной билет студент начинал анализировать вопросы, отвечать на них. Тем более этот анализ активизировался после вопроса: «На какую кнопку надо было нажать, чтобы получить правильный ответ?» После такого вопроса многих студентов как бы озаряло, «О, боже мой, это же Декарт ввел в науку понятие рефлекса, а не Павлов!» (Р-ва). «Я здесь посчитала правильным третий ответ, а надо было нажать на четвертую кнопку» (И-ва) и т. д.

---

[1]) **П. И. Зинченко.** Непроизвольное запоминание. Ж. «Советская педагогика», 1945, № 9.

[2]) **А. А. Смирнов.** Процессы мышления при запоминании. «Известия АПН РСФСР», вып. 1, 1945.

Естественно, у экзаменатора возникал вопрос: «Так почему же Вы тогда сразу не нажали на те кнопки, на которые нужно, если Вы знаете правильные ответы?» Типичными ответами были: «Поторопилась», «Не подумала», «Я посчитала, что это верно», «Я прочитала и мне показалось, что тут верно, и я не стала больше думать». Были и такие ответы: «Не знала», «Сразу не догадалась», «Не дошло».

Значит студенты нередко работают за обучающей машиной не с полной отдачей сил: вместо внимательного чтения и тщательного анализа вопроса — беглый просмотр; вместо сравнительного анализа ответов — угадывание и случайный выбор. Активность начиналась лишь тогда, когда экзаменатор системой вопросов побуждал студента к поиску ошибок и путей их исправления. Конечно, там, где было полное незнание материала студентом, там мало помогала предоставленная возможность анализировать вопрос и варианты ответов.

В заключение остановимся еще на одном вопросе.

В конце экзамена с применением машины мы спрашиваем студентов: «Скажите, пожалуйста, если бы Вам пришлось отвечать на те же самые вопросы устно, сделали бы Вы те же ошибки или ответили бы точно?» Студенты говорили, что на ряд вопросов они ответа не знали, так что и на машине, и в устной беседе эти вопросы остались бы без ответа. Однако на некоторые вопросы, на которые они не ответили, сидя за машиной, ответили бы устно. Студенты вновь говорили о тех особенностях работы на обучающей машине, о которых нами уже было сказано выше[1]). В данных опытах, однако, мы столкнулись еще с одной особенностью работы студентов на обучающей машине — с трудностью выбора правильного ответа из ряда альтернативных.

Казалось бы, что выбрать правильный ответ из готовых, составленных экзаменатором, без собственной формулировки ответа, не представляет ничего сложного и не сделать этого может только человек, абсолютно незнакомый с предметом. Однако опыты показали, что это далеко не так. Выбрать один ответ из четырех похожих — для студента немалая трудность, которая во многом обусловлена особенностями подготовки студента к экзаменам.

Готовясь к экзаменам, студент заучивает только точ-

[1]) **Н. И. Кувшинов, Т. Н. Болдышева.** Элементы программированного обучения на занятиях по психологии в педагогическом институте. Томск. 1966.

ные ответы, точные формулировки тех или иных положений без сопоставления их с другими возможными трактовками данного вопроса и помнит лишь этот точный ответ на данный вопрос. И вот, когда ему предлагают выбрать один из четырех похожих ответов, студент оказывается нередко не в состоянии этого сделать. Наличие заученных точных формулировок при недостаточной продуманности учебного материала приводит к тому, что студент не может успешно воспользоваться, сидя за машиной, своим научным багажом. Так, одна студентка сказала в беседе с экзаменатором: «Там при устном ответе одно определение держишь в голове, а тут их четыре и все похожие» (Ч-ва).

Принесенная из школы система подготовки к экзаменам по заранее опубликованным билетам, когда ученик нередко подготавливает только ответы на вопросы, а не изучает науку, не систематизирует всех накопленных знаний, продолжает сказываться и в вузе. И такая несовершенная подготовка к экзаменам особенно ярко может проявиться на экзамене с применением контролирующих устройств.

Выводы

1. Внедрение программированного обучения настоятельно требует теоретической разработки ряда психолого-педагогических проблем, в частности, проблемы самоконтроля учащихся.

2. Проведенные опыты показали, что самоконтроль учащихся, работающих на контрольно-обучающих приспособлениях, весьма несовершенен. Студенты, как правило, самостоятельно не выявляют, а потому и не исправляют в ходе работы на машине допущенные ошибки. Анализ начинался только тогда, когда студент узнавал о наличии ошибок и, побуждаемый экзаменатором, начинал поиск и исправление ошибок.

Опыты убеждают нас в том, что студенты работают на машинах недостаточно активно, нередко путем «проб и ошибок», о чем говорит то, что они не могут восстановить в памяти тех ответов, которые ими были выбраны, иначе говоря вспомнить те кнопки, на которые они нажимали при ответе на тот или иной вопрос.

3. Опыты выявили еще одну особенность работы на контрольно-обучающем приспособлении. В силу того, что студенты при подготовке к экзаменам нередко заучивают лишь правильные ответы на вопросы программы, они испытывают затруднения при выборе одного ответа из четырех похожих. Значит, при

изложении материала, при отработке его на семинарских и практических занятиях следует чаще сталкивать различные точки зрения, давать различные объяснения одним и тем же фактам, учить студентов работать с первоисточниками. Это будет способствовать не только лучшему усвоению учебного материала, но и повышать культуру умственного труда студентов.

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

Дульзон А. П., Южанин В. И. Итоги и задачи изучения проблемы происхождения аборигенов Сибири и их языков 3

Сенин Н. Н. Контроль и его место в процессе коллективного управления 10

Девяшин Н. А. К вопросу о структуре исторического закона и его роли в структурном методе исторического познания 22

Южанин В. И. О некоторых вопросах перераспределения трудовых ресурсов между городом и деревней в Западной Сибири . . . 34

Филонин В. М., Редькина З. В. Услуги как форма удовлетворения потребностей 46

Филонин В. М. К вопросу о двух видах распределения при социализме 63

Филонин В. М. К вопросу об источниках общественных фондов потребления 75

Мосина И. Г. Состав и численность буржуазии в Сибири в период империализма 83

Мосина И. Г. К вопросу о возникновении кадетских организаций в Сибири 102

Чижов И. Г. Большевистское подполье в Кронштадте в годы первой мировой войны 118

Денисов Ю. С. Гюго в Бельгии 149

Денисов Ю. С. Общественно-политическая деятельность и литературное творчество В. Гюго после падения Второй империи во Франции 162

Кувшинов Н. И. Программированное обучение и проблема самоконтроля 172

Ответственный за выпуск —
кандидат филологических наук,
и. о. доц. Ю. С. Денисов.

ВОПРОСЫ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
Томск, изд. ТГУ, 1969 г., 183 стр.

Редактор издательства Л. Г. Мордовина.

Технический редактор Д. И. Таранин.

Корректор В. Ф. Евтушенко.

К302252. Сдано в набор 20/XII-1968 г. Подписано к печати 25/XII-1968 г.
Формат 60×84 1/16; печ. л. 11,5.
Заказ № 2386. Тираж 600 экз. Цена 1 р.

Томск. Издательство ТГУ, проспект Ленина, 36.
Томская обл., с. Кривошеино, типография, ул. Ленина, 20.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

На стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
13	9-я снизу	органов (надзор),	органов. надзор опирается
19	16-17-я снизу	интуитивно конкретности,	интуитивно по всем трем критериям конкретности,
132	11-я снизу	охранку	охрану
143	9-10-я снизу	Главный коллектив Кронштадтской демократической рабочей партии,	Главный коллектив Кронштадтской военной организации Российской социал-демократической рабочей партии
146	21-я снизу	охранения	стражения
147	16-я снизу	насторен	настроен

Цена ~~1~~ 1000 руб.